

ISBN 978-985-18-2852-0

9 789851 828520

Девчонка была еще жива. Она лежала на золотых сиренах и выглядела смешно и жалко — голая, изломанная, как кукла, в нелепой позе. Лица у нее больше не было — кровавая маска. Остались только глаза, и в них застыло удивление. И злость. Кровь залила ей всю грудь и продолжала литься из рассеченной брови. Она хрипло дышала и все старалась поймать взглядом глаза Моховчука. А распухший рот по-прежнему был открыт в безмолвном крике.

— Сама напросилась, — буркнул Моховчук.

Николай Иванович Чергинец
генерал-лейтенант внутренней службы,
писатель, член Совета Республики
Национального собрания
Республики Беларусь 1, 2 и 3 созывов.
Кандидат юридических наук.
С 1981 года по 1984 год — начальник
Управления уголовного розыска МВД БССР.
С 1984 года по 1987 год служил в Афганистане.
С 1987 по 1993 год — начальник управления
внутренних дел на транспорте МВД Беларуси.
С 1997 года по 2008 год — член Президиума
Совета Республики
Национального собрания Республики Беларусь.
Председатель Союза писателей Беларуси.

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

Чергинец Н.И.

ДЕТЕКТИВ

НИКОЛАЙ ЧЕРГИНЕЦ ЗНАЕТ СЕКРЕТ ОТЛИЧНОГО ДЕТЕКТИВА
АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

ДЕТЕКТИВ

Чергинец Н.И.

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

СПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ НЕ ДЛЯ НЕЁ

НИКОЛАЙ ЧЕРГИНЕЦ ЗНАЕТ СЕКРЕТ ОТЛИЧНОГО ДЕТЕКТИВА
АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

ДЕТЕКТИВ

Чергинец Н.И.
РУССКАЯ КРАСАВИЦА

СПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ НЕ ДЛЯ НЕЁ

Чергинец Н.И.

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

МИНСК
«Харвест»

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бел=411.2)-445.7
Ч-457

Чергинiec, Н. И.

Ч-457 Русская красавица / Н. И. Чергинiec. — Минск : Харвест, 2014. — 352 с.

ISBN 978-985-18-2852-0.

Девчонка была еще жива. Она лежала на золотых сиренах и выглядела смешно и жалко — голая, изломанная, как кукла, в нелепой позе. Лица у нее больше не было — кровавая маска. Остались только глаза, и в них застыло удивление. И злость. Кровь залила ей всю грудь и продолжала литься из рассеченной брови. Она хрипло дышала и все старалась поймать взглядом глаза Моховчука. А распухший рот по-прежнему был открыт в безмолвном крике.

— Сама напросилась, — буркнул Моховчук.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бел=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-2852-0

© Чергинiec Н. И., 2014
© Подготовка, оформление.
ООО «Харвест», 2014

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нужно только быть сильным, верить, что способен справиться с любой ситуацией, какой бы сложной она ни была, и справиться немедленно, не раздумывая, инстинктивно. Рискнуть, пройти по самой грани, быть решительным — только так можно остаться на плаву, не исчезнуть в этом гигантском водовороте, который называется городом. А слабость и сомнение... Это не только опасность, это гибель.

Так думал Моховчук, поднимаясь по лестнице на пятый этаж. Иван всегда пользовался лестницами, он не признавал лифта, считая его еще одной ловушкой, придуманной охотниками на охотников.

Лестничные площадки в подъезде были выложены зелеными и охристыми плитками в геометрический узор. Когда-то, давным-давно, это было, наверное, красиво. Но за долгие годы декоративные плитки потускнели, почернели от грязи, во многих местах потрескались, а местами и вовсе отлетели.

— Примадонна, а живет в свинарнике, — буркнул Моховчук. — Не балует босс своих красавиц, в черном теле держит... И правильно делает, мать их так!..

Перила лестницы шатались. Они были изрезаны не то узорами, не то инициалами — не разобрать. Лампочки над дверями лифта висели без плафонов, просто в патронах, а вокруг них темнели пятна сырости. Было тихо, только где-то на вер-

ху, этаже на восьмом, мяукал котенок. Этот жалобный плач слетал вниз, судорожно подрагивая в воздухе, как желтый осенний лист, и вяз в ватной тишине подъезда. Моховчук поднимался все выше.

«Все люди делятся на сильных и слабых, — думал он. — Первые достойны уважения, а вторых нужно давить, как тараканов, чтобы они не делали ничего без согласия и одобрения первых. Чтобы каждый их вздох, каждая мысль были известны! Потому что прав может быть только кто-то один. И свободен может быть только один. И тем слаще свобода, чем больше спин согнуто в покорности. Хотя... Все относительно. Взять, к примеру, босса. Большой человек, столько народу под себя подмал!.. Одно его появление на репетициях заставляло всех вытягиваться в струночку. Самая последняя стерва из кордебалета замирала перед боссом и краснела как школьница. Да что эти шлюхи! Даже известные люди, чьи лица не сходили с экранов телевизоров, жали боссу руку и при этом приветливо улыбались. Казалось бы, босс на самом верху. Вот она — власть, вот она — свобода! Ан нет! Это всего лишь одна из ступенек на широкой мраморной лестнице, уходящей в небеса. Нет этой лестнице конца, неизвестно, куда она ведет, и не каждый, далеко не каждый может ступить на нее. Но он, Моховчук, может и должен подняться на самый верх, пусть даже прячась в тени босса. «Никогда не уступать, никогда не сдаваться. Стать для босса необходимым, просто незаменимым, а если уж и выслушать пожелание, даже намек, то разбиться вдребезги — и выполнить поручение».

Моховчук остановился перед обитой дерматином дверью, прислушался. Так и есть. Он услы-

шал женский смех. Смеялась, конечно же, эта дура! А ее ухажер что-то глухо бубнил, не то уговаривал, не то отчитывал.

На какое-то мгновение Моховчук почувствовал жалость к этому простофилю, но потом встряхнул головой, словно отгоняя ненужные чувства. Кто виноват, что парень оказался в неподходящее время в неподходящем месте?! А Светка сама напросилась на неприятности! Шлюха! А строит из себя королеву. Иван достал из кармана дубликат ключа и медленно, без звука засунул его в замочную скважину.

Он бесшумно скользнул в прихожую и прикрыл за собой дверь. Смех стал громче. И Ивану казалось, что Светлана смеется над ним. Будто была уверена, что Моховчук не способен ни на какой решительный поступок!.. Она так же смеялась над ним на репетициях и после, когда он предложил ей поужинать. Унижение, какое унижение! Иван на цыпочках подкрался к комнате, заглянул внутрь.

Она лежала полуодетая на золотом покрывале с вышитыми на нем сиренами и смеялась. А рядом с ней скалил зубы Витька, ди-джей из «Хаоса». Он был полностью обнажен, и свет ночника, мерцающий из-под пятнистого абажура, делал его похожим на леопарда. Витька что-то негромко говорил девушке и все протягивал к ней свои пятнистые лапы, а Света шутливо отталкивала их и кокетливо смеялась.

Моховчук был в трех метрах от этой парочки, однако не мог разобрать ни слова: магнитофон на полу заглушал все звуки: долетали только отдельные фразы.

Моховчук знал, что они встречались уже в седьмой раз. Светлана и этот длинноволосый меломан.

Приходили сюда порознь, незамеченными, со всякими предосторожностями, чтобы никто не догадался об их встречах. Смешно! Как будто что-то можно скрыть в этой прозрачной, как аквариум, жизни. Конечно же, босс все знал. Моховчук лично ему докладывал. А босс отрицательно относился к любовным увлечениям персонала и мог сурово наказать ослушницу. Но, похоже, никакие репрессии уже не пугали Светлану. Витька сумел протолкнуть ее на телевидение, устроил несколько выступлений на большой сцене, познакомил с влиятельными людьми из рекламных агентств... Перед ней открывалась новая жизнь, известность, успех. Босс ей больше не нужен. А ведь это он вытащил ее из грязи, отмыл, придел, научил делу, дал эту квартиру... Зря она решила уйти от босса — зря! Разве можно кусать руку дающего?!

Иван посмотрел на часы. Е-мое!.. Половина четвертого, а дело еще не сделано. Между тем скоро начнет светать... Он еще раз осторожно заглянул в комнату.

Было заметно, что Светка защищает свои бастии только для вида. Вот она капитулировала — позволила сорвать с себя халатик и раскинула руки, будто поплыла по мерцающим волнам ночника, замерла, бессильная и во всеоружии, потому что нагая женщина вооружена красотой своего тела. А потом она бесстыдно раздвинула ноги. Ах, сука...

Моховчук ощутил, как поднимается в его груди волна возбуждения. Проклятие! Он, а не этот конопатый увалень должен был лежать рядом с ней, наслаждаться ее губами, нежностью тела... Отрезать, вырвать с корнем его поганый язык, выколоть глаза, отрубить руки, кастрировать, как барана... А эта... эта сука будто ждет его ласк. Ишь, обвила его ногами!

Что-то говорит... Будто стонет, или шепчет влажными губами неслышные мольбы, или чего-то требует... А тело ее бьется в судорогах наслаждения. Она едва сдерживает крик! Дрянь! Дрянь! Предательница! Поделом тебе!

Моховчук отступил в тень платяного шкафа.

— Сука похотливая! Сука! Сука!.. Сука! — иступленно шептал он.

Глухо, как взрыв, ударила изнутри ненависть. Волны багрового пламени яростно рванулись во все стороны, превращая сердце в спекшийся ком отмищения и злости, в сумятицу разбитых, исковерканных ударной волной мыслей, желаний и образов. Это было так неожиданно и больно, что Моховчук вздрогнул и зашатался от неистового жара, испепеляющего грудь.

«...А Светка уже не сдерживает крик... Мечется по кровати, выгибается дугой, прилипла к этому кобелю, как пиявка, и бедра ее качаются в такт его движениям. Ритм все ускоряется...

Тварь! Ночная тварь из тех ползучих гадин, что прячут свое лицо под маской и сбрасывают личину только по ночам. Свободы она захотела!.. Известность ей подавай! Ладно. Похоже, они созрели. Пожалуй, пора».

Моховчук вытащил из кармана тяжелый охотничий нож, провел пальцем по лезвию, а потом стремительно прыгнул вперед.

Время словно остановилось, и нужно было сделать много движений, видеть всех сразу и контролировать ситуацию. Света не заметила появления Ивана: стонала, закрыв глаза, и на какой-то момент замерла, а Витька почувствовал чуждое и начал было поворачивать голову, но резкий удар в висок лишил его сознания.

После этого время сдвинулось с мертвой точки,

привычно рванулось с места, понеслось на полной скорости. И вернулась мелодия, льющаяся из магнитофона, вернулся свет ночника и золото покрывала, на котором съежилась Светлана. Заметила... Не ожидала... А в глазах-то — ужас. Она дико закричала.

Витька даже не вскрикнул. Уткнулся лицом в подушку и замер. Голова разбита — несколько капель крови упали на Светлану. А та продолжала орать, и капли крови казались на ее груди черными, как грязь.

Моховчук сбросил бесчувственное тело Витьки на пол и начал, не переставая, бить кулаками истошно вопящую девку. Видно, она обезумела от ужаса и не чувствовала боли — продолжала кричать не переставая. И тогда Иван стиснул зубы и принялся за нее всерьез — метил кулаками в лицо, прямо в разинутый рот, из которого рвался пронзительный, полный отчаяния и мольбы вопль.

— Получай, получай... На! Еще...

Он бил наотмашь, с размаху — левой, правой... Сминал лицо девчонки, как пластилин. Вот сломан нос... Вот пухлые губки размазались в кровавую кашу... По зубам!.. Слева, справа... Черт, содрал кожу с костяшек пальцев!..

А крик не затихал, и Моховчук окончательно рассвирепел. Он больше не сдерживал себя — разрушал, рвал на части податливую плоть. Он обрушил на Светлану всю свою ненависть, всю злость. Он плыл по багровым волнам ярости, которая преобразила его в зверя, выжгла чувства, оставив на пепелище лишь жестокость и радость силы. Но Моховчук знал, что только так он сможет удержаться на ступенях мраморной лестницы, ведущей наверх, только так сможет вернуть

себе уважение и тем самым заставить других уважать себя.

— Не нравится?! А так? И еще! Получай!..

Моховчук не сразу понял, что крик захлебнулся: Света замолчала, видно, случайный удар по гортани лишил ее голоса. Стало тихо, только магнитофон продолжал журчать о дальних далях, горных высях и неземной любви. Иван опустил руки, с трудом разжал сбитые в кровь кулаки.

Девчонка была еще жива. Она лежала на золотых сиренах и выглядела смешно и жалко — голая, изломанная, как кукла, в нелепой позе. Лица у нее больше не было — кровавая маска. Остались только глаза, и в них застыло удивление. И злость.

Кровь залила ей всю грудь и продолжала литься из рассеченной брови. Она хрипло дышала и все старалась поймать взглядом глаза Моховчука. А распухший рот по-прежнему был открыт в безмолвном крике.

— Сама напросилась, — буркнул Моховчук. — Теперь пожинай плоды!

Она прикрылась покрывалом, и губы ее что-то шептали. Проклятия, конечно же. Иван отступил на шаг, полез в карман и достал стеклянный пузырек. Осторожно отвинтил крышку, поднял глаза на изуродованное лицо Светланы.

Просто удивительно, как легко можно уничтожить красоту. Еще вчера вечером, во время выступления, тысячи людей аплодировали этой дряни, мечтая хотя бы о ее мимолетном взгляде. Еще пять минут назад она была желанна, и этот длинноволосый боров пел дифирамбы ее красоте.

Ишь, тянется к телефону... Никак не хочет умирать сама. Цепляется за жизнь, как кошка. Жаль, что решилась на предательство... Сидела бы тихонько, слушалась бы босса: танцевала, когда он попро-

сит, раскидывала ножки, когда прикажет... Ан нет... Прав был босс, когда говорил, что женщинам доверять нельзя — кажется, сама природа создала их для предательства.

А еще босс говорил, что женщин следует опасаться больше, чем мужчин, потому что мужчина идет прямо — он ясен, понятен, открыт, и справиться с ним легко. Женщина — иное дело. Пути ее окольные, а замыслы — темны. И потому следует не спускать с них глаз и безжалостно наказывать при первых же признаках предательства, и даже раньше — при одном только сомнении в лояльности, потому что женщина держится рядом, сеет сомнение и может ударить прямо в сердце. Нужно давить их, как тараканов! И никаких эмоций. Никаких эмоций.

Девушка продолжала хрипеть, и Моховчук склонился над ней с флаконом в руке.

— Странная штука — красота, — сказал он. — Для одних — счастье и удача, для других, как, например, для тебя, — сплошные неприятности. И никакого хэппи-энда. Извини. Но зря ты пошла против босса. Дурной пример. Он, знаешь, может быть разительным. — Иван встряхнул флакон, посмотрел сквозь него на свет ночника. — Это хорошо, что на тебе лица нет. Не так жалко.

Света попятилась, попыталась увернуться, но содержимое флакона плеснуло в глаза, обожгло ледяным жаром. Она попыталась закричать, но из разбитого горла раздался лишь слабый хрип. И тогда она скатилась с кровати и на ощупь поползла в сторону ванной, чтобы окунуть в воду, омыть лицо, хоть на миг ослабить действие соляной кислоты, разъедающей ее плоть до костей.

Со стороны это выглядело очень жутко. И смешно. Она не плакала — скулила, как месячный щел

нок. Моховчук усмехнулся, глядя на судорожные движения девушки, а потом засмеялся, просто захохотал в голос — и хохотал долго, буквально рыдал от смеха, никак не мог остановиться, даже скулы уже начинало сводить. А когда нервный смех наконец оставил его, Светлана была мертва — лежала на ковре, закрыв лицо руками, словно хотела спрятаться.

Это было странно. Иван впервые совершил убийство, и теперь стоял, прикрыв глаза, вслушивался в себя. Сколько раз, глядя криминальные хроники по телевизору, он задавался вопросом, что же чувствует палач у тела своей жертвы: страх? сожаление? экстаз?..

— Ничего, — пробормотал Иван. — Совсем ничего. Пожалуй, только усталость.

Он поднял с пола флакон, вытер его покрывалом, стирая отпечатки своих пальцев, подошел к Витьке. Тот заворочался, застонал. Похоже, через минуту-другую он должен прийти в себя. Иван засунул флакон в руку незадачливого любовника. Затем он включил магнитофон на полную громкость и быстро вышел из квартиры. Входную дверь он оставил открытой. Минут через десять соседи не выдержат этой какофонии, поднимутся с постели и примчатся для скандала. Естественно, они войдут в комнату и наткнутся на изуродованное тело девушки. А рядом с трупом будет сидеть маньяк-убийца с пустым флаконом в руке. Прекрасный, отработанный сюжет. Прямо для телевидения. И следовательно не придется распутывать дело — все налицо: труп, убийца, свидетели, орудия преступления...

Моховчук помчался по лестнице вниз, перескакивая сразу через несколько ступенек. «Сработано отлично, — думал он. — Все-таки голова у босса

варит. Отличный план. И выполнен безукоризненно. Теперь нужно узнать, как обстоят дела у этих сопляков — Кольки и Мишки Пончика. Они скоро позвонят... Черт!..»

На первом этаже, уже рядом с выходом, Иван столкнулся с молодой женщиной. Он чуть не сбил ее с ног. Она охнула, подхватила слетевший с плеча фотоаппарат.

— Вы что!.. Аккуратнее нельзя?! Пожар, что ли?!

Моховчук отвернулся слишком поздно. Она увидела его лицо. Пусть мельком, но увидела. Свидетель! Как некстати... Моховчук нащупал в кармане нож.

— Аня, я поднимусь через пару минут, — раздался мужской голос с улицы. — Приготовь пока кофе, а то я засну прямо за рулем.

— Извините, — пробормотал Иван женщине с фотоаппаратом. — Спешу.

Он выскочил на крыльцо, бросил взгляд на серебристый «Фольксваген», рядом с которым возился высокий парень в желтой куртке, запомнил номер машины и быстрым шагом, почти бегом, направился вниз по улице.

— Черт!.. Она меня видела!.. Черт, черт, черт!.. Но было темно... Не узнает... Не вспомнит. Все обойдется... Черт!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Иван сидел в кресле, курил и смотрел, как сиреневые колечки дыма, едва видимые в сумраке комнаты, завиваясь, поднимаются к потолку.

Светало. Ночная тьма отступала, и за окном медленно, словно на фотографии, проступали розовые силуэты многоэтажек. Полумрак в комнате рассеивался, предметы медленно, словно нехотя, обретали четкость очертаний, цвет и вместе с тем какую-то особую значимость, незаметную ранее. Даже початая бутылка белого вина на журнальном столике, казалось, была исполнена скрытого смысла, а охотничий нож с засохшими капельками крови на рукоятке — таинственной многозначительности. Иван подошел к крану, вымыл нож, взял тряпку и начал тщательно протирать лезвие.

Вся его прежняя жизнь вдруг показалась мучительно нудной подготовкой к этому теплому летнему утру. Теперь прошлое представлялось ему сплошной заботой о будущем, предвкушением единственного прыжка, который вознесет его в иной мир, радостный и интересный.

Как глупо... С детства он мечтал стать путешественником, и все эти годы готовился в путь, засыпал, мечтая о том, как проснется, наденет на плечи рюкзак и отправится в неизвестность — увидит снежные горы, теплые моря, раскаленные добела пустыни и влажные джунгли, населенные раскрашенными дикарями.

«Главное — решиться. Потом будет легче, — каждый вечер думал Иван, укладываясь в по-

стель. — Потом будет совсем легко удрать из города, отшагать тысячу километров, для начала — на берег лесного озера, пожить в палатке, питаться рыбой, грибами и ягодами, ходить в чем мать родила! А потом и дальше, за горизонт — все увидеть, все изведать!»

Весной же, когда просыхал асфальт на магистральных и зеленела земля вдоль обочин, мечта эта начинала терзать Ивана с особенной силой и тоска по перемене мест становилась просто невыносимой. Вечерами он заходил в магазин для охотников и рыболовов, покупал нож, катушку лески, или новый компас, или фирменные сапоги из неопрена, удобные для путешествий, какую-нибудь сумку со множеством кармашков на двойных «молниях» или морское удилице для ловли крупной рыбы вплоть до акул. Дома с интересом разглядывал эти покупки, а потом убирал их в стенной шкаф или в ящик письменного стола, заваленного журналами и книгами об экзотических странах, ел пельмени, пил кефир, включал магнитофон или смотрел телевизор и грезил о будущем. Все время грезил о будущем, словно бы жизнь его была еще не жизнь, а всего лишь тень мечты о свободе и полной раскованности души.

Так было всегда. Покупая новую палатку, он думал о том, что эта палатка пригодится ему, когда он соберется в прекрасную далекую дорогу, на берег океана, к пальмам и шороху волн... Но палатка пылилась в стенном шкафу, и теперь Иван знал, что уже никогда не достанет ее оттуда, не развернет, не поставит в тени пальм на далеком южном острове. Не будет ни ночного костра, ни парусов, наполненных ветром, ни смуглокожих полногрудых туземок с татуированными лицами и цветами в волосах.

Когда-то он был женат, но о супружеской жизни вспоминать не любил — считал ее потерянным вре-

менем. Одним своим присутствием жена словно бы насмехалась над мечтами Ивана о будущем странствии. Она не скрывала, что считает мужа ненормальным, ленивым и тупым эгоистом, жалким циркачом, который не несет в дом деньги, а тратит их только на свои причуды, загромождая квартиру всяким барахлом. У жены были свои мечты, не имеющие ничего общего со странными прихотями мужа. Ивана она не понимала, да и сам он тоже не хотел понимать жену. И развод был естественным завершением этой несчастливой семейной жизни.

«Сдохни на обочине! — сказала ему на прощание жена. — Миклухо-Маклай хренов!»

Уход жены ничего не изменил в жизни Моховчука. Правда, он стал чаще заходить в картографический магазин на Кузнецком мосту и коллекционировать туристские карты, которые с увлечением и надеждой изучал от корки до корки, а потом прятал навеки в ящик письменного стола.

А ведь у него было все или почти все, чтобы отправиться наконец-то в путешествие, о котором он мечтал с детства: был отличный американский рюкзак, была легкая байдарка, был непромокаемый финский костюм для рыбалки и новые болотные сапоги, был японский спиннинг с набором блесен и воблеров, были надувные матрасы и теплые, из собачьей шерсти носки и, наконец, была белая «Нива», в багажнике которой лежала без дела портативная коптильня для рыбы, газовая плитка, компактный несессер с набором легкой и удобной в дороге посуды, были чайник и котелок... У него все это было! Но тот человек, вчерашний, совсем другой человек, который бредил кочевьями и кострами, исчез без следа, растворился, как ночная мгла за окном, как колечки табачного дыма, как сон...

Пузырек с соляной кислотой, которую он плес-

нул в лицо Светлане, стал залогом нового будущего, пусть даже совсем не того, о котором он мечтал. И этот новый открывшийся путь был для него не менее заманчив, чем прежний.

Моховчук налил в стакан еще немного вина, но не успел сделать глоток, как зазвонил телефон. В тишине комнаты трель телефонного звонка показалась слишком резкой — неуместной, что ли. Как капли крови на молочно-белой груди той красоти... Но этого звонка Моховчук ждал с нетерпением. Он схватил трубку.

— Слушаю. Да, это я... Что скажешь?... Ага... Хорошо. Топайте ко мне прямо сейчас. В дверь не ломитесь: она открыта. Ага... Я жду.

Иван аккуратно положил трубку на рычаг и нервно затушил окурок в пепельнице.

— Отлично... Просто замечательно. Дело почти закончено. Осталась ерунда, сущая безделица...

Он вскочил с кресла, прошел на кухню и достал из холодильника запечатанную бутылку водки. Он уже не раз прокручивал в голове эту сцену, и потому все его движения были четкими, почти механическими. Не торопясь, без суетливости Моховчук отломил головку у ампулы, наполнил шприц жидкостью изумрудного цвета, аккуратно, чтобы не сломать иглу, проколол пробку и влил содержимое шприца в водку. Затем встряхнул бутылку, поднес к глазам. Водка почти не поменяла цвет — осталась такой же прозрачной, только, может, чуть с зеленоватым оттенком. Когда хлопнула входная дверь и в комнату, переминаясь с ноги на ногу, вошли двое парней, Иван сидел в кресле — курил.

Некоторое время парни нерешительно топтались у стены, удивленно разглядывая комнату, похожую на филиал охотничье-рыболовного магазина. Затем один из них, худой, высокий, с немьтыми

патлами, собранными за спиной в косичку, решительно шагнул вперед. Он поднял руку, видно собираясь грохнуть кулаком по столу, требуя обещанных денег, но, поймав взгляд Ивана, осекся.

— Привет, — сказал он, пряча руки за спину. — Вот... Пришли.

— Вижу, Колян. Не слепой, слава богу, — вместо приветствия бросил Иван. — Что так долго-то? Или дорогу забыл?

Моховчук знал Коляна, когда тот еще был сопливым мальчишкой. Давно, еще до переезда в эту квартиру, отец его, Евгений Николаевич, был соседом Моховчука по коммуналке. Парнишка, помнится, подавал большие надежды. На турнике «солнце» шутя вертел. А что на кольцах выделял — не рассказать!.. Тренер по гимнастике прочил Кольке большое будущее — звание мастера, чемпионаты мира, олимпиаду, премии, золото медалей... А Евгений Николаевич хотел пристроить своего сынка в цирк к Ивану. Даже упросил Моховчука обучить мальчишку метанию ножей, в чем Иван был большой мастер. А потом Колькин отец уснул спьяну в подворотне, а дело зимой было — мороз стоял лютый. Замерз. И Кольку взяла на воспитание бабка, которую парень в грош не ставил. И пошло-покатилось. Подворотни, топтание в стаях таких же лоботрясов, как сам, прогулы в школе, приводы в милицию, первая кража... Правда, в тот раз обошлось — дали условно. Но мальчишка почувствовал вкус свободы и вседозволенности и совсем от рук отбился — ничего не боялся, никого не слушал, но Ивана за умение владеть ножом уважал по-прежнему, даже побаивался. Потому, наверное, и согласился на это дело. Да и на деньги, конечно же, позарился. Сумма для него немалая... Напарника себе сам отыскал — дружка своего Мишку Пончика.

— Да вы присаживайтесь, — приветливо улыбнулся Иван. — Чего стоять-то?! На кухне возьмите табуреты и сюда, к столу.

— Некогда нам рассиживаться. Понял?! — пробасил из-за спины Мишка. Он стоял, прислонившись спиной к обшитой вагонкой стене и щурил глаза, пытаясь привыкнуть к полумраку комнаты. — Ты, дядя, бабки-то отстегивай, и привет-пока, пишите письма.

— Какой у тебя приятель-то, — погасил улыбку Иван. — Шустрый. Вперед бабки в пекло так и норовит. Нехорошо... Просто некрасиво.

— Ты репу не толкай, — начал заводится Мишка Пончик. — Дело заматано, пора сводить дебет с кредитом. Понял? Или ты, дядя, бабки наши занывать решил? Так мы их из тебя запросто вытрясем!

От волнения толстое лицо парня покраснело, а рот приоткрылся, стали выделяться пухлые щеки и двойной подбородок. Молодой шибко. Так и нарывается на неприятности!

Одним движением Иван схватил со стола охотничий нож, подбросил его в воздух, перехватывая за лезвие, а потом метнул в Пончика. Нож со свистом пронесся около Колькиного уха, отчего тот охнул и присел, и с глухим ударом вонзился в доски вагонки.

Теперь лицо Мишки Пончика уже не было красным. Оно побелело, и это было заметно даже в полумраке. Нож торчал у него прямо над головой, буквально касался темени. Казалось, что даже прядь волос срезана. Тихо, затаив дыхание, парень съехал по стене вниз и озадаченно потрогал ладонью голову.

— Мимо, — выдохнул он. — Промазал, падла!.. Ну щас я тебя...

— Тихо, Пончик, — остановил приятеля Колька. Он ошарашенно посмотрел на Ивана. — Не промазал он. Я знаю. Куда метил, туда и попал. Так что — засохни и пасть больше не открывай! Накладно слишком...

Он молча выпрямился и потопал на кухню за табуретками. Мишка угрюмо посмотрел на Ивана и последовал за Колькой. Моховчук подождал, пока они усядутся. Он снова благожелательно улыбался.

— Ну, друзья мои, рассказывайте, как и что. А я послушаю. Хочу в деталях знать, за что бабки отстегиваю.

— Дело было так... — начал Коля.

Первую девку, напарницу Витьки по дискотеке, они сделали легко. Заранее выкрутили лампочку, и когда та, возвращаясь со скачек, вошла в подъезд, плеснули ей в лицо кислоту. Вон, пара капель Мишке клешню прожгла, так нужно бы включить в счет, как молоко за вредность производства. А со второй шмарой, с бывшей подружкой Витьки, заминочка случилась. Она в очках, туда ее, ходит. И с электрошокером в сумочке. Вертячая такая, а ногти почище твоего кишкорежа!.. Мишка Пончик плеснул ей в рыло, а она своей хреновиной электрической вырубил его напрочь да потом такой писк подняла, весь подъезд на уши поставила. Чудно, так ее раз так!.. У нее кожа на морде пузырями лопается, мясо тает, как сахар, а она вцепилась в Мишку, не отпускает. Чуть когтями своими зенки ему не выпарапала. Короче, разглядела она нас... Пришлось пару раз заехать ей по морде как полагается, очки сорвать... Вторая пайка месива ей по глазам пришлась. Полный верняк. Никого она не опознает, гляделки-то растаяли. Ха!.. А Мишка Пончик все в себя не приходил — полный отруб. Пришлось тащить его на себе, как бревно, мол, пара

пьянтосов с халявы на халяву рулят. Такие вот дела!

Все это время Иван сидел в кресле, казалось, даже не слушал — прихлебывал вино, разглядывал стакан на просвет. Его так и подмывало спросить, что же чувствовали эти сопливки, когда выплескивали кислоту в лица женщин: перевернулся ли мир, как это случилось с ним, или ничего не изменилось — так, рутина, легкий способ скосить немного капусты?..

Герои!.. Наверное, они чувствуют себя героями, переступившими запретную для большинства грань, отстранившимися от толпы, поднявшимися над посредственностью. Вряд ли им дано постижение истины, а истина эта сводится к тому, какую огромную власть имеют над человеческим умом мучения и страдания — свои и особенно чужие. Но наверняка им хочется думать, что они выше этого, что они сами выбирают дороги и сами правят тройкой залетных.

Но времени понять это у парней не будет, и Иван промолчал. Любой вопрос о содеянном казался банальным, а кроме того, делал их его сообщниками, а это было не так. Какие они сообщники?! Так, средство, инструмент.

Колька закончил рассказ и замолчал. Сидел на табуретке, рассматривая свои руки, будто видел их в первый раз, и не поднимал глаз. Видно, до парня начало доходить, что он сделал. А вот Мишке Пончику, похоже, все было до фонаря. Его волновали только ожог на руке да поцарапанные щеки.

— А время? — спросил Иван. — Все по графику?

— Как ты сказал, — кивнул Колька, по-прежнему не поднимая глаз. — Первую сделали в час, а вторую в половину второго. Еле успели. Такси пришлось брать. Далековато, а метро, знаем, уже закрыто.

Иван понимающе закивал. Теперь ему не было жалко этих щенков. Они наследили. Впрочем, как и

он. Та баба с фотоаппаратом его видела. Но с ней он разберется... А вот парни... Бывшая подружка Витки их видела, опять же таксист, да мало ли еще кто... А значит, путь их определен, и колесо завертелось. Только денег им давать нельзя. Будет странно, если в карманах этих голодранцев окажется по пачке «зелени».

— Отлично сработано, — сказал Иван. — Если, конечно, все было именно так, как вы мне тут рассказали.

— Все так и было, — кивнул Колька. Он переглянулся с приятелем. — А бабки?.. Ты обещал!

— Я помню. Но мне нужно все проверить.

— Мы так не договаривались, дядя, — набычился Мишка Пончик. — Вижу, крутишь с нами карусель! Как бы чего с тобой не вышло, понял?

— Пасть закрой, — попросил Моховчук. — А то я ее заштопаю. А будешь из себя крутого строить — отшлепаю и поставлю в угол.

— В чем дело, Иван? — напрягся Колька. — Ты нам не веришь?

— Работа у меня такая, — извиняюще развел руки Моховчук. — Доверяй, но проверяй.

— А бабки?

— Бабки будут завтра. Если все сработано на совесть, то получите еще и небольшую премию.

— Небольшую? — заинтересовался Колян.

— На мотоцикл хватит. А теперь — все. О деле, сами понимаете, никому. По телефону — никаких базаров. Придете завтра часиков в двенадцать. Э-э... — Иван растерянно посмотрел на стол. — Что ж мы так сидим-то?.. Это дело нужно слегка замочить! Прав я или нет?

— Конечно, — оживились парни. — Без этого — никак. Разве можно нарушать традиции?!

— Вина? — Иван потянулся к бутылке. — Или,

может, водочки? У меня стоит пузырек в холодильнике. Холодненькая, прозрачненькая, как роса.

Расчет оказался верен. Парни предпочли водку. Колька сам сбегал на кухню и принес запотевшую бутылку. Сам ее открыл, сам налил — себе и своему приятелю. Иван поднял свой стакан с вином.

— За то, что хорошо кончается, — сказал он.

Парни кивнули и молча выпили. Иван демонстративно посмотрел на часы, озабоченно покачал головой.

— Ох, времечко бежит!.. Пора делами заняться. Так что извините, парни, но... А бутылку берите с собой. Добьете ее где-нибудь.

Он проводил их до порога, похлопал по плечу, пожал руки, пожелал удачи, наверняка зная, удача от них отвернулась, — через полчаса, максимум через час и Колька и Мишка Пончик будут мертвы. Босс уверял, что изумрудная жидкость из ампулы в соединении с водкой действует безотказно. И никаких улик. Обычный диагноз — отравление «левым» продуктом.

Моховчук закрыл дверь, подошел к телефону и набрал номер.

— Босс, это я, — сказал он. — Все прошло гладко. Да... Я прибрал за собой.

Он положил трубку и, на ходу срывая с себя одежду, торопливо направился в ванную. Он чувствовал себя очень грязным и надеялся, что горячая вода смоет тяжесть с тела и души.

* * *

В то время, когда Иван наполнял ванну горячей водой, Бойко сидел в своем кабинете за столом и

чертил на листе бумаги квадратики. Делал он это сосредоточенно, с интересом, и со стороны могло показаться, что Владимир Семенович пишет тезисы к будущему выступлению или составляет некий стратегический план. В принципе, так оно и было.

Владимир Семенович Бойко уже давно перестал замечать проскакивающее мимо время. Дни, месяцы и годы были для него деталями конструктора, квадратиками на листе бумаги, из которых он строил в воображении свою мечту — «Крепость», как он ее называл. А каждый прожитый час, день, месяц и год Владимир Бойко расценивал как еще один шаг к своей цели — и только. В этом смысле он не умел жить, хотя именно такая неврастеническая, тревожная забота о будущем, боязнь что-то не успеть сделать для постройки «Крепости» сегодня, что-то упустить, в чем-то быть неготовым, — эта скрупулезная забота помогла ему многого достичь в том деле, которым он занимался. Тем более что его дело было процветающим, и он, отыскивая таланты и зажигая «звезды» шоу-бизнеса, тоже, можно сказать, процветал, и успех сопутствовал всем его начинаниям.

Так же как для Моховчука, будущее не было пустым звуком для Бойко — только для него оно представлялось как бы неприступным, отгороженным от суеты и будничности величественным замком — «Крепостью», в которой он будет наслаждаться необыкновенным, беззаботным, праздным счастьем. Надо сказать, что при всей своей работоспособности истинное счастье Бойко представлял только праздным, видя себя эдаким великим философом, отстраненным созерцателем с едва заметной улыбкой Будды — невозмутимым и словно бы плывущим над людскими страстями...

Стиснутый рамками бизнеса, в свободную минуту Владимир Семенович словно распускал паруса

подавленных чувств и плыл по воле волн безо всяких усилий. Любое физическое или умственное напряжение стало со временем казаться ему нарушением душевного комфорта, потому что как бы разрушало его устойчивое представление об истинном счастье, которое возможно лишь в бездейственной неге, в чувственных наслаждениях, и только в них! Трясина повседневных дел засасывала как болото. И нужно было в очередной раз проталкивать наверх какую-нибудь смазливую дуреху, куда-то тащиться, кому-то улыбаться, кого-то уговаривать и работать, работать, работать... Ну нет! В такой жизни было совсем мало смысла и радости.

Бойко давно пребывал в этом странном и даже опасном состоянии, не замечая в себе раздвоения, и единственной реальной дорогой для него была дорога к «Крепости», в ее спокойствие и неизблемость. И потому он не мог себе позволить неудачи в бизнесе.

Когда квадратики и прямоугольники заполнили всю поверхность листа, а сообщение Моховчука было принято к сведению, Владимир Семенович скомкал бумагу и бросил ее в корзину для мусора. Затем потянулся к телефону.

— Алло, — мягко сказал он. — Алексей Андреевич? Это я... Да. Не разбудил?... Ну, извини, дорогой, но тут я получил такое неприятное известие... Светлана Родина, девчонка та, что я тебе сосватал, не сможет выступать... Такие дела. Мне тут позволили, сказали, что беда с ней приключилась. Сам толком не знаю... То ли ранена, то ли чего похуже... Но ты не расстраивайся — дело поправимое... Да. Я тебе другую на замену пришлю, даже двух. Танец у них поставлен на уровне, у одной и голос неплохой... Не беспокойся, номер их я смотрел, мне понравилось. Не блеск, но вполне, вполне... Восточная

экзотика. Но сумму придется увеличить. Договорились? Ну какой же я вампир?! Ты что, Алексей Андреевич!.. Вот и ладненько. Да, чуть не забыл... Парнишка мой с ними отправится. Да я тебе о нем раньше говорил. Да... Циркачом работал, покажет себя на сцене, потряхнет стариной. Ножики бросает. Так ты три места, а не два оставь. И счастливого плавания! Попутного ветра, как говорится, вам... в спину. И до встречи.

Бойко отключил интерком и опять склонился над списком приглашенных на теплоход «Нимфа». Он еще раз пробежал список глазами, отметил одну фамилию. Потом едва заметно улыбнулся и откинулся на спинку кресла. Похоже, дорога к «Крепости» приобрела зримые очертания. Скоро он достигнет конечной цели и будет по-настоящему счастлив, что бы там ни говорил Профессор. Как это он вчера выразился?... «Лучше путешествовать с надеждой, чем достичь пункта назначения». Странная фраза, странный человек... Кстати, он приглашал меня на завтрак...

Владимир Семенович взглянул на часы, охнул и направился к двери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— ...Да, уважаемый Владимир Семенович! «Лучше путешествовать с надеждой, чем достичь пункта назначения». Именно так гласит японская поговорка. И Лао-цзы настоятельно рекомендовал забывать о цели, как только удалось ее достичь. Но уверяю вас, не только на Востоке заметили коварные свойства достигнутой цели. Вспомните афоризм Оскара Уайльда, что в жизни возможны всего лишь две трагедии: первая — не осуществить своей страстной мечты, вторая — добиться ее осуществления. А соблазнитель в одноименной поэме Германа Гессе? В каких выражениях он умоляет предмет своих желаний?! «Сопровителю же мне, прекрасная женщина, застегни получше свое платье! Очаровывай меня, мучай меня — но не дари мне своей благосклонности...» А сто двадцать девятый сонет Шекспира? «Утолено, — влечет оно презренье!..» О, европейцы тоже прекрасно знали, что «действительность убивает мечту». Еще чашечку кофе?

— Да, пожалуй, — кивнул Бойко. — Красивый у вас сервиз.

— Королевская Прусская фарфоровая мануфактура. Восемнадцатый век. Видите на доньшке марку — синий подглазурный скипетр? Кстати, синий цвет был любимым цветом Фридриха Великого. Вы интересуетесь фарфором?

— Нет.

— Жаль. У меня неплохая коллекция... Но вернемся к нашей беседе...

Сергей Сергеевич был прекрасным собеседником. Казалось, он знал все обо всем. Трудно было представить то количество фактов и аналогий, которое хранилось в его голове. Профессор кислых щей. Так он шутливо представился при их случайной встрече на берегу реки. Лысый, полноватый, лет сорока пяти, с неизменной тросточкой в руке, которая, как подозревал Бойко, была ему нужна только для солидности, — этот человек поражал воображение неординарностью высказываний и глухим, безнадёжным пессимизмом, возможно наигранным. Профессор был соседом Бойко. Его дом — двухэтажный особняк из красного кирпича — высился рядом с резиденцией Владимира Семеновича. Так же как и Бойко, Сергей Сергеевич любил утренние прогулки вдоль реки. Именно там они впервые повстречались, и Бойко был рад этому новому знакомству. Разговоры с Профессором помогали ему привести мысли в порядок, по-новому взглянуть на привычные вещи.

— ...Представьте себе образ мыслей вечного путешественника, у которого хватает ума никогда не прибывать к месту назначения. Если мы до предела упростим это представление, то сможем с легкостью играть своим будущим.

— С будущим не играют, — заметил Бойко. — Будущее строят. Как крепость.

— Ошибочное представление, извините меня за категоричность. Наша жизнь — игра, и я вам могу это доказать. Правда, это несколько уведет нас от темы разговора...

— Ни в коем случае!

— Тогда для простоты предположим, что жизнь все-таки игра, правила которой сводятся примерно к следующему. Достижение цели, под которым мы понимаем осуществление наших желаний, считает-

ся важнейшим критерием успеха, власти и самоуважения. Согласны?

— Вполне.

— Соответственно неудача в достижении цели, по общему признанию, считается явным признаком глупости, лени, безалаберности и трусости. Возражения есть?

— Принимается без возражений.

— Прекрасно. Однако путь к успеху весьма тернист, идти по нему — дело непростое, и даже самые напряженные усилия могут закончиться полной неудачей. Это в том случае, когда вы поставили перед собой разумную и вполне достижимую цель и движетесь к ней медленно и постепенно «тактикой мелких шажков». Но кому, спрашивается, охота заниматься этой суетой? Не лучше ли избрать для себя цель восхитительно прекрасную, но абсолютно недостижимую. Попробуйте вот это печенье. Моя кухарка — большая мастерица.

— Спасибо.

Они сидели в кабинете — Башне Скорбных Размышлений, как называл его Сергей Сергеевич. Две стены занимали полки, набитые книгами. Книги, книги, книги... Толстые фолианты и брошюры, старые и еще совсем новые, в твердых глянцевых обложках. Напротив книжных полок высился письменный стол, заваленный бумагами, а в простенках сверкали стеклянные выставочные шкафы, заставленные фарфоровыми изделиями, — коллекция Профессора. Фляги из каменной массы с резным декором, вазы, расписанные пестрыми цветами, тарелки, чайники, блюда...

— Преимущества нереальной цели — назовем ее Великой Целью — очевидны и без дополнительных разъяснений. Вспомните хотя бы Фауста с его

стремлением к познанию и господству над миром. Вспомните о поисках Эльдорадо, о постижении смысла жизни. Все мечтатели, которые имели мужество взвалить на себя такие непосильные ноши, снискали себе не только обожание юных поклонниц, но и общественное признание. А главное, раз цель так недоступна, то последнему дураку ясно, что путь к ней обещает быть долгим и изнурительным.

— Очень интересная точка зрения... Но далека от реальной жизни, — возразил Бойко. — Это скорее литература. Только в книгах можно найти героические примеры дерзких искателей. В жизни иные правила игры. Человек слаб. Он теряет нить в сложных лабиринтах и терпит поражение, стремясь достичь своих Высоких Целей. Вы меня не убедили.

— Как раз напротив! — улыбнулся Профессор. Улыбка у него была мягкая, детская. — Вы, сами того не желая, только что подтвердили мою мысль. Да, люди часто терпят поражение, но не потому, что слабы. Отказ от Великой Цели — признак ума.

— Не понимаю...

— Все очень просто. Ведь даже достижение самой что ни на есть возвышенной цели неизбежно влечет за собой разочарование. Об этой опасности знают все талантливые самоубийцы. Иногда я слышу смех из-за облаков. Боги смеются. Они специально устроили так, что недостижимая цель кажется нам во сто крат привлекательнее реальной. Так что хватит водить самих себя за нос, давайте посмотрим правде в глаза. Вы и сами, наверное, не раз сталкивались с этим явлением. Так, возлюбленная быстро теряет свою прелесть, став женой. Экзотическое блюдо, о котором столько мечталось, на поверку оказывается хуже тюремной пайки. Выпуск-

ные экзамены не приносят ничего, кроме дополнительных хлопот и неожиданных обязанностей. А долгожданная пенсия даже отдаленно не напоминает того безмятежного рая, о котором вы грезили на работе.

— Ну, это уже слишком! — натянуто рассмеялся Бойко. — Вы чересчур обобщаете. Что вы скажете, например, о радости удовлетворенной любовной страсти?

— Да, я читал «Ромео и Джульетту», — возразил Профессор. — Помнится, это ваше удовлетворение любовной страсти закончилось двойной смертью.

— А священная ярость? — не сдавался Бойко. — Гнев, который находит выход в пьянящем акте мести?! Можно ли в данном случае говорить о неизбежном «разочаровании», которое якобы ждет мстителя?

— Весьма сожалею, но от литературы вы перешли к кино. Причем к плохому кино — американским дешевкам. А в жизни все получается, увы, не так прекрасно, как в кино. Жизнь со всей очевидностью показывает, что сама идея мести и наказания — не более чем ребяческие мечты. Собственно говоря, месть как таковая вообще не существует. Месть — это некая акция, о которой вы мечтаете именно потому, что слабы и беспомощны: но едва исчезает ощущение бессилия, как вместе с ним испаряется сама жажда мести. Сильный человек выше мести, не правда ли?

— Ну... Пожалуй.

— А теперь подумайте, что если даже месть не так сладка, как кажется, то какое жестокое разочарование ждет нас при достижении целей, которые сулили счастье и блаженство? Так что повторяю: не старайтесь достичь цели. Кстати, навер-

ное, не случайно Томас Мор назвал тот далекий остров счастья Утопией. Утопия означает Нигде и Ничто... Сигару?

Бойко кивнул, потянулся к коробке с сигарами. Что-то в рассуждениях Профессора было не так. Существовал какой-то изъян, которого Бойко не заметил, пропустил. Нельзя же, в самом деле, отказаться от мечты о «Крепости». Жизнь без цели лишена всякого интереса. Лучше уж в петлю.

— Значит, глупо ставить перед собой Великую Цель? — подвел итог Владимир Семенович.

— Отнюдь. Конквистадоры искали Эльдorado. Великая Цель. Конечно же, Золотой страны они не нашли, но походя завоевали ацтеков, майя, инков... Золото рекой потекло в трюмы их кораблей. Тот же Фауст. В конце концов он заставил служить себе Мефистофеля. Так что ставить Великие цели полезно. Достигать их вредно. Еще чашечку кофе?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Старший лейтенант Агеев прижал свой «Москвич» к тротуару и остановился рядом с подержанным «Фольксвагеном» серебристого цвета, за рулем которого читал газету молодой парень в желтой летней куртке. Около дома уже стояла патрульная машина, а чуть дальше, на парковочной площадке, белел фургончик медэкспертов.

— Пошли, — сказал он Выблему. — Да не зевай, стажер. И без тебя тошно.

Агеев вышел из «Москвича» и, потирая воспаленные от бессонной ночи глаза, направился к подъезду. Выблый затопал следом.

Несмотря на раннее утро, около подъезда уже толпились любопытные соседи, в основном дети и женщины. Они вполголоса обсуждали последние события, делились слухами и предположениями, строили версии.

Агеев предъявил дежурящему у входа милиционеру удостоверение следователя. Тот кивнул и перевел взгляд на стажера.

— Это со мной, — устало сказал Агеев. Ему смертельно хотелось спать.

Сержант посторонился, пропуская их внутрь.

— Какой этаж? — спросил Агеев.

— Пятый. Но лифт работает, — бодро ответил сержант. В отличие от старшего лейтенанта и его помощника, он выспался и чувствовал себя прекрасно. Агеев кивнул на фургончик медэкспертов.

— Чья бригада?

— Не могу знать... — пожал плечами милиционер.

нер. — У них главный — толстяк такой... Китаец или кореец... Круглый весь, лысоватый, в очках.

— Понятно, сержант, — кивнул следователь и пошел к лифту. — Выблый, не отставать!

Дверь в квартиру была распахнута настежь. Эксперты делали снимки и осматривали комнату. В центре, рядом с кроватью, стоял Валерий Михайлович Чен и, скрестив на груди руки, пристально разглядывал распростертое на полу тело. Агеев заметил, как Выблый взглянул на труп и поперхнулся. Молодой еще парень. Такого в своей практике еще не видел. Того и гляди, сейчас вывернет его наизнанку...

— Ты вот что... — нахмурил лоб Агеев. — Ты ступай, стажер, соседей опроси: кто что слышал, кто что видел... Особенно теми займись, кто обнаружил труп. Давай, давай... Двигай.

Выблый с облегчением выскочил из квартиры.

— Привет, — тихо сказал Агеев, подходя к эксперту. — Чем это ее так?..

— Кислота, — даже не взглянув в сторону старшего лейтенанта, буркнул Чен. — Сильно концентрированная соляная кислота. Примерно двести миллилитров.

Агеев молча кивнул, подошел ближе и заставил себя посмотреть на тело.

Это была молодая девушка лет двадцати — двадцати пяти, совершенно обнаженная, с синяками на теле и изуродованным кислотой лицом. На груди и на плечах запеклась кровь. Ковер, на котором она лежала, был тоже весь покрыт бурыми кровавыми пятнами.

— Еще одна, — пробормотал Агеев. — Что за ночка сегодня выдалась?! Чен, скоро вы закончите?

Не отрывая взгляда от трупа, Чен снова кивнул. Лицо его было невозмутимо — кореец не позволял в

работе никаких чувств, никаких эмоций. Агеев отошел к двери, вытащил сигареты и закурил, наблюдая, как деловито занимается своей обычной работой группа Чена. В комнате царил рабочая тишина. Никто у Чена ничего не спрашивал, и сам он не давал никаких указаний. Для всех это было рутинной работой. Привыкли. Насмотрелись всякого. Устали. Никто, кроме Чена, на тело даже не смотрел, а тот, наоборот, уставился на него, словно пытался что-то разглядеть.

Агеев докурил сигарету и собрался было спросить у корейца, какого черта он так долго таращится на труп, но Чен, наконец, сам обернулся, кивнул Агееву и вышел за дверь. Агеев оторвался от дверного косяка и двинулся следом.

Они остановились на лестничной площадке, около лифта. Чен сложил толстые руки на груди, закачался по своему обыкновению с пяток на носки и не говорил ни слова — выдерживал паузу.

— Что скажешь? — нарушил молчание Агеев.

— О чем тут говорить, — хмыкнул кореец. — На первый взгляд — все понятно, на первый взгляд — все просто как репа. Убитая — Светлана Николаевна Родина, двадцати трех лет, танцовщица, не замужем. Подозреваемый — Виктор Иванович Берковский, тридцати одного года, диск-жокей, разведен. Они встретились, выпили, занялись сексом, а потом ему что-то не понравилось. В состоянии аффекта измолотил ее как грушу и напоследок плеснул в лицо кислоту. На пузырьке обнаружены отпечатки пальцев. Готов поспорить, что они принадлежат ему. При аресте оказал сопротивление. Одним словом, бытовуха.

— Значит, все просто, да? А что ж ты так долго пялился на тело? И что значит: на первый взгляд?

Чен оторвал взгляд от пола, внимательно посмотрел Агееву в глаза и криво усмехнулся.

— Есть некоторые неясности... Кое-что придется проверить, кое-что — сопоставить...

— Давай, не тяни!

— Руки у него чистые.

— Это в каком смысле? — не понял Агеев.

— В прямом. Я же говорил тебе, что девушку сначала избили. Это еще мягко сказано! Ее так отделали, что и без кислоты ее мать родная не узнала бы. Кровь ручьями текла, всю постель залили. Понимаешь?

— Что?

— А то, что я тебе сказал: у парня руки чистые! И на теле ни капельки крови. Только на голове ссадина. Спрашивается, как ему удалось отметелить подружку, не сбив руки и не испачкавшись в крови?! Нонсенс!

— Может, в перчатках работал?

— И в фартуке? — фыркнул Чен. — Говорю же, на его теле нет крови убитой.

— Значит, успел вымыться.

— Может быть, — пожал плечами эксперт. — Только сбитые костяшки пальцев не отмоешь. А у него с этим — все в порядке. Ручки нежные, как у ребенка. Оно и понятно: сидишники крутить — не мешки таскать. Так что руки — это первая нестыковка.

— Значит, есть еще и вторая?

— Есть, — кивнул эксперт. — И заключается она в том, что не мог этот парнишка втайне принести сюда флакон с кислотой. Во всяком случае, не этой ночью.

— Почему?

— Мы осмотрели всю квартиру, но не нашли ни сумки, ни пакета, которые бы принадлежали ему.

Одет он был в джинсы и облегающую майку совершенно невообразимой расцветки. Облегающую! Так что спрятать флакон под одеждой он тоже не мог. Возникает вопрос: как он принес флакон с кислотой? Не нес же в руках, на виду у подружки. Мол, решил на свидание четвертинку кислоты прихватить!.. На всякий, мол, случай.

— Почему бы и нет? — Агеев снова закурил сигарету. — Парень ушлый, мог наплести всякого. Или принес кислоту заранее.

— Тогда получается, что он загодя готовился к убийству?!

— Получается так.

— Значит, мы имеем дело с хладнокровным убийцей?

— Ну... Наверное.

— Хм... Задумал парень разделаться с подружкой — все продумал, все учел: заранее принес кислоту, раздобыл перчатки, которых мы не нашли, мастерски отколотил любовницу, чтобы не орала, плеснул в лицо кислотой, потом, вместо того чтобы тихонько уйти, включил магнитофон на полную громкость и открыл входную дверь, а сам уселся рядом с трупом и начал выть, как раненый волк. Заметь, даже не оделся. А когда его пришли брать — голым кинулся на улицу. Еле скрутили. Гладко все выходит, а?

— Мало ли... Нервы не выдержали, вот и сорвался.

— Так вот, — категорично заявил Чен. — Парень не похож на убийцу. Кишка у него тонка на такое дело. Верно говорю. Навидался я на своем веку всяких душегубов, навидался... А этот меломан даже мухи не обидит. Не то у него воспитание.

— А если у него крыша поехала?

Чен скептически хмыкнул, но продолжать спор

не стал. Он привык оперировать точными фактами, а строить версии и предположения считал занятием неблагодарным и даже вредным. Разговаривать в таком ключе Чен считал ниже своего достоинства и потому слегка обиделся на Агеева. Даже качаться с пяток на носки перестал.

— Извини, Чен, — пошел на мировую Агеев. — Но ты не знаешь всей информации. Этот ди-джей не так прост, как кажется. Похоже, это из-за него мне пришлось сегодня провести бессонную ночь. Вот увидишь, завтрашние газеты окрестят его Си-ней Бородой.

— Он что-то еще натворил? Жену, что ли, порешил? — поинтересовался кореец. — Так ведь он не женат.

— Да, не женат. Но три женщины за ночь, включая и эту, сделал, кажется, именно он. Стиль один и тот же. И пострадавшие похожи между собой. Все молодые, красивые, все знакомы с подозреваемым Виктором Ивановичем Берковским и, по моей информации, знакомы очень даже близко. Во всех трех случаях мы имеем дело с сильно концентрированной соляной кислотой.

— Н-да... А откуда уверенность, что все три убийства совершил Берковский? Есть свидетели? Улики? Кто производил вскрытие тел?

— Нет, ты не понял. Те две женщины остались живы. Врачи колдуют сейчас над ними... Во всяком случае, их жизнь вне опасности, вот только лица... Какой-то тип плеснул им в лицо соляную кислоту, так что, сам понимаешь... Вид у них теперь... Но не трудно догадаться, кто это сделал, верно?

— Не знаю, не знаю... Что-нибудь еще?

— Кроме того, что я только что сообщил, больше ничего, — пожал плечами Агеев. — Ни свидетелей, ни улики. Конечно, мы отдали на анализ кис-

лоту. Я уверен, что во всех трех случаях использовалась кислота идентичного состава и концентрации. А это уже немало. От этого можно оттолкнуться. Похоже, парень — маньяк.

— Хм... Все равно у меня остались сомнения. А вдруг он не виноват?

— По-твоему, кто-то другой напал на трех девушек, и все они по чистой случайности оказались очень близкими знакомыми Виктора Берковского? Причем последняя из жертв была фактически убита на его глазах, а он ничего не заметил?

Чен пожал плечами. Действительно, таких случайностей не бывает.

Сверху послышалась перебранка. Агеев узнал голос своего стажера. Выблый бубнил что-то успокаивающее, но женщина, с которой он разговаривал, не поддавалась на его уговоры. Через минуту они спустились вниз. Вид у стажера был несчастный. Зато женщина выглядела уверенно, по-боевому. В руках она держала дорожную сумку и какой-то странный кожаный чемоданчик. Название его Агеев забыл, но точно знал, что именно в таких вот чемоданчиках фотографии носят свою аппаратуру.

— Ладно, — подвел черту под разговором Чен. — Ты опер, тебе и карты в руки. А мы — кто? Так, на подхвате. Вот вместе со следователем и подумай! Только кажется мне, что дело это темное. Странностей слишком много. Ну, пока.

Он кивнул и начал спускаться по лестнице вниз. Агеев проводил его взглядом, потом поднял глаза на Выблого и молодую женщину, которая, судя по величине дорожной сумки, собралась в кругосветное путешествие.

— Вот, — сказал стажер, пытаясь подхватить женщину под локоть. — Соседка убитой. Живет

этажом выше. Потенциальный свидетель... то есть свидетельница. Всех остальных я попросил куда-то не уходить до разговора со следователем, с вами, значит... А эта игнорирует указания. Где ее потом искать? Еще и посылает!.. А я при исполнении!

— Тише, тише... Развоевался, — Агеев посмотрел на женщину, улыбнулся. — Здравствуйте. Старший лейтенант Агеев. Занимаюсь этим делом. А вас как зовут?

— Анна, — женщина поставила сумки на пол и оттолкнула стажера. — Да перестань хватать меня за руки, хам! Что за манеры!

Выблый покраснел от возмущения и открыл было рот, чтобы дать достойный отпор, но Агеев решительно пресек разгоравшуюся перепалку.

— Предъявите ваш паспорт, — деревянным голосом дорожного инспектора произнес он.

— Нет у меня паспорта.

Агеев опешил.

— Как это — нет?!

— Вот ее паспорт, — Стажер протянул документ старшему лейтенанту. — Я его забрал. Только так и остановил эту... гражданку... А то бы — выють... ищи ветра в поле. А без документа-то куда улетишь?!

— Понятно. Так... — Старший лейтенант развернул паспорт. — Измайлова Анна Георгиевна... Год рождения... прописка... В отпуск собрались?

— В командировку, — сухо ответила женщина. — И очень тороплюсь. Самолет меня ждать не будет, так что, пожалуйста, давайте побыстрее закончим с формальностями.

— С формальностями?! — нахмурился Агеев. — Убита женщина. Зверски убита, а вы — формальности!

— Я все понимаю, — кивнула Измайлова. — Это все ужасно и... — она развела руками, словно не находя нужных слов. — Но когда я говорила о формальностях, то имела в виду совсем не смерть этой несчастной девушки. Поймите меня правильно. Но если я не сяду на этот самолет, то вам придется расследовать еще одну смерть — мою. Антонов меня убьет, это точно.

— Кто такой Антонов? — напрягся Выблый.

— Мой заказчик, — пояснила Измайлова. — Модельер. Он поручил мне сделать фотографии с «мисс России». Знаете, недавно конкурс был?.. Я должна, просто обязана быть на «Нимфе», а он отплывает завтра утром.

— А кто такая Нимфа? Тоже модельер? — уточнил дотошный стажер.

— Нет, теплоход.

Такого ответа Выблый никак не ожидал.

— Какой теплоход?! — вырвалось у него.

— Не знаю, — покачала головой Измайлова. — Белый, наверное. С трубой.

— Вы что, издеваетесь, гражданка?! — опять закипел стажер. — А вы знаете, что за это вас можно привлечь!.. Вы что себе позволяете?!

— А что вы себе позволяете?! Ты смотри! Опять схватил меня за локоть. Отпусти сейчас же, извращенец!

— Я?! Да вы сами...

— Отставить разговоры! — по-военному рявкнул Агеев. — Выблый! Поработай с остальными соседями, составь список... Иди, иди.

Старший лейтенант посмотрел на Измайлову и укоризненно покачал головой. Та фыркнула, отвернулась, потом демонстративно посмотрела на часы. Агеев вздохнул.

— Мы вас долго не задержим, гражданка м-м... —

он еще раз посмотрел в паспорт. — Гражданка Измайлова. Вы знали убитую Родину?

— Нет. Мы не были знакомы. Она недавно въехала в эту квартиру, — Анна покосилась на распахнутую дверь, за которой заканчивали работу эксперты. — Несколько раз сталкивались в подъезде, но даже не здоровались.

— Можете что-нибудь сообщить следствию?

— Ничего, кроме того, что потрясена случившимся и надеюсь, что виновник получит по заслугам.

— Может, что-нибудь слышали ночью?

— Нет. Ночью меня здесь не было. Я приехала только под утро. Впрочем, когда вышла из лифта, то слышала рев магнитофона. Но это и неудивительно: наверное, весь дом проснулся. Но я, признаться, решила, что у кого-то вечеринка, и не обратила внимания... Кто бы мог подумать, что в это время какой-то маньяк... Ведь только маньяк мог такое совершить?

— Это решаю не я, а психиатры. Думаю, они разберутся.

— А я думаю, что ничего у них не выйдет. У маньяков особая логика, основанная на своих собственных мотивах. Понимаете меня?

— Признаться, не совсем.

— Другими словами, если маньяк убивает свою любовницу, то это еще не значит, что он убивает ее на сексуальной почве, — пояснила Измайлова.

— Понятно, понятно, а вы...

— Минутку! Даже самый лучший психиатр не сможет с уверенностью объяснить, что толкает маньяка на убийство. Стремление убивать может базироваться на чем угодно: ну, например, на цвете волос или социальном положении в обществе. У маньяка могут быть такие сложные и запутанные ас-

социации, что ни один психиатр, хоть семи пядей во лбу, и представить себе не сможет.

Агеев слушал и хмурился. Эта женщина ловко и незаметно захватила нить разговора в свои руки и теперь задавала вопросы она, а не он. Позор! Вот что значит не спать сутки! Хорошо, что стажера нет рядом.

— Мне кажется, что для маньяка жертвы могут символизировать совершенно далекие от них самих понятия и образы, — продолжала Измайлова. — О нет. Я не отрицаю психиатрию. Конечно, необходимо разобраться, докопаться до первопричин и вычислить побуждающие мотивы. Иначе болезнь не излечить. Впрочем, я считаю, что лечение одержимых манией убивать — дело пустое. Такие люди не нуждаются в лечении. Их излечивают убийства. Ведь больные идут к врачу, когда не видят другого выхода, когда не знают, как избавиться от своего ужасного состояния. А маньяки прекрасно это знают.

— Обстоятельная лекция, — хмуро констатировал Агеев. — Вы, наверное, по совместительству работаете психологом?

— Что вы! Но каждый фотограф в душе немного психолог. Без этого — никак!

Она смущенно улыбнулась и словно расцвела. Приятно было смотреть, как она улыбается. Казалось, что она светится изнутри. А потом она посмотрела на часы, и улыбка сразу пропала.

— Ой, если у вас больше нет вопросов, то я пойду, а? Меня внизу машина ждет.

— Вопросы больше нет, — старший лейтенант протянул паспорт Измайловой и добавил: — Пока нет.

— Через недельку я приеду, — женщина нажала на кнопку лифта и схватила сумки. — Тогда за-

давайте все свои вопросы. Если они, конечно, у вас появятся. — Дверки лифта открылись, она вошла в кабину и помахала на прощание рукой. — Прощайте, лейтенант Коломбо!

— До свидания, — кивнул Агеев и подумал: «Все помешались на этом телесериале о Коломбо».

Он подошел к окошку и выглянул во двор. Анна Измайлова выскочила из подъезда и бросилась к серебристому «Фольксвагену». Дорожную сумку она небрежно бросила на заднее сиденье, а кожаный чемоданчик аккуратно поставила на колени. Машина рванула с места и исчезла за поворотом.

«Кофр» — неожиданно вспомнил Агеев название чемоданчика.

Он подумал, что, наверное, Анна Измайлова — хороший фотограф, если так бережно относится к аппаратуре. А еще он подумал, что Чен прав и Виктор Берковский скорее всего непричастен к убийству, а значит, ему, Агееву предстоит длинное и запутанное дело — еще одна «безнадега»...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мужчины, как дети. Они любопытны и склонны играть с огнем. Поэтому для хорошенькой женщины нет ничего проще, чем познакомиться с мужчиной, пусть даже он будет закоренелым женоненавистником. Главное — правильно выбрать время и, как наживку, бросить таинственную, многозначительную фразу. Потом можно морочить им голову и вить из них веревки — они все простят, все стерпят, потому что мужчины никогда не сойдут с пьедестала своего самодовольства и не признают, что на крючке. Им гораздо приятнее считать себя рыбаками. И чем сильнее мужчина, тем легче с ним справиться. Анна была уверена, что справится с Вадимом Владимировичем Оболенским, потому что тот считал себя исключительно сильным мужчиной.

Момент для знакомства она выбрала удачный. Оболенский прохаживался по палубе теплохода в полном одиночестве. Таня Кустодиева находилась в распоряжении визажистов — готовилась к вечернему балу. По самым скромным расчетам Измайловой, «мисс Россия» должна отсутствовать еще по меньшей мере часа два: титул обязывал следить за внешностью самым тщательным образом. Времени было достаточно, чтобы «подсечь» оставленного без защиты Оболенского глубоко и надежно.

— Что мы о нем знаем? — вполголоса спросила Анна у Юрика.

Она сидела в легком плетеном кресле, под тен-

том, с самым невинным и даже скучающим выражением и старательно делала вид, что следит за чайками.

— Ничего мы о нем не знаем, — таким же заговорщицким шепотом ответил Юрик. — Догадываемся только.

— И что мы о нем догадываемся?

— Что у него куры денег не клюют, — флегматично сказал Юрик. — Часы на руке видишь?.. Они, между прочим, около двухсот штук стоят!

Анна присвистнула.

— А еще мы догадываемся, что он — человек со связями, — продолжал Юрик. — И связи его весьма и весьма серьезные. Позавчера его во «Времени» показывали. Так... На секунду в кадре промелькнул... Но я его узнал. Стоял он, значит, улыбался...

— Ну и что? Подумаешь! Во «Времени» кого только не показывают!

— Это точно. Но не в данном случае! Потому что стоял-то Оболенский в двух метрах от президента и улыбался в ответ на какую-то его шутку. Вот тебе и подумаешь! Это, Аня, человек, с которым шутит президент России!

— Что еще? — хмуро спросила Измайлова.

Задача осложнялась. Оказывается, дело придется вести не с глупым пескарем, а с китом. Кита так просто не подсечешь... Тут гарпун нужен.

— Да все общеизвестно: олигарх, решающий голос в «Соло-банке», определенный контроль над прессой и телевидением и так далее, и тому подобное... Книгоиздатель. «Олма-пресс» — это его детище. Любитель антиквариата. Интересуется древней философией, учениями всякими... Женат. Жена, правда, больна чем-то. Что-то с ногами... Лет пять без движения. Где-то в Италии ее лечат. Н-да... Что еще?.. Ах, да! Он — извращенец.

— Как это?! — ахнула Аня.

— Женщин предпочитает, — с досадой махнул рукой Юрик. — А на настоящую мужскую любовь — ноль внимания. Я специально около него пару раз прошелся, улыбнулся так... Ну, знаешь... Пустой номер! Только нос наморщил.

— Понятно, — с облегчением вздохнула Аня. — А я уж испугалась, что весь наш план полетел к черту. Тонкое это дело — сексуальная ориентация.

— Это точно, — кивнул Юрик, который своей сексуальной ориентации ни от кого не скрывал. — Да ты не волнуйся. Все у тебя получится. Выбьешь ты у него разрешение на пару снимков. От него не убудет. А в благодарность дерни его за нос. Видишь, какой у него нос? Красавец! Есть за что дернуть. Хоть двумя руками можно.

Нос у Оболенского действительно был великолепен. Он выдавал своего владельца с головой. Когда тот был недоволен, нос морщился, собирался в злые складки, как у разъяренного тигра. Наоборот, в час хорошего расположения духа нос разбухал, пламенел, как плащ тореадора, как знамя, под которым полки с громовым «ура» празднуют победу. Огромный, с горбинкой на переносице, покрытый сетью сиреневых прожилок, пористый нос жил своей жизнью и реагировал на происходящие события так же чутко, как хвост собаки.

В данную минуту нос уныло висел, безучастный и равнодушный, не радующийся ни солнцу, ни порывам свежего ветра, щекочущего ноздри. Нос не любил одиночества. Без женского общества он впадал в печаль и хандрил. Ему хотелось изогнуться, как орлиный клюв, и занять место во главе стола, за которым поднимают пенящиеся шампанским бокалы, закружить над откровенным декольте, вдох-

нуть дразнящий запах надушенных локонов и зарыться в трепещущие женские груди. Нос хотел многого — всего, и наливающийся на его кончике багрянец был отсветами этих желаний.

— Пора! — Аня сбросила маску скупающей примадонны и решительно поднялась с кресла. — Чувствую себя такой дурой!.. Если бы Антонов заранее договорился о съемках, мне не пришлось бы разыгрывать эту комедию!

— Если бы да кабы... Только незнаком Антонов с Оболенским, лично не представлен. А знакомство, сама понимаешь, дело тонкое. Первое впечатление накладывает отпечаток на все дальнейшие отношения. Но Кирилл своего добьется. Через «мисс Россию» он познакомится с Оболенским, а Оболенский — это деньги, это раскрутка на телевидении и в прессе, это престиж и известность. Так что все зависит от тебя. Да что это я?!.. Не мне тебя учить тонкостям интриги, — Юрик занял покинутое кресло и вытянул ноги. — Итак, зрители заняли свои места. Поднялся занавес... Представление начинается!

Измайлова поправила прическу и медленно, будто прогуливаясь, направилась к Оболенскому. Она почувствовала себя как птенец, впервые вылетевший из гнезда: и назад не вернуться, и впереди — неизвестность. Пока еще Аня смутно представляла, с чего начать разговор. Оставалось только положиться на импровизацию.

Вадим Оболенский стоял у самого борта, взявшись руками за поручни, и смотрел вдаль, за горизонт. О чем может думать человек, находясь на палубе корабля в открытом море? Вспоминать землю? Стремиться заглянуть за горизонт? Наслаждаться свободой?..

— Свобода!.. — сказала Аня, проходя мимо Оболенского. — Какая насмешка!..

— Что? — рассеянно обернулся Вадим Владимирович. — Это вы мне?

— Ну что вы!.. — кокетливо смутилась Измайлова. — Извините, если потревожила... Просто иногда, когда не с кем поговорить, я разговариваю сама с собой. Вот и сейчас у меня вырвалось! Это бескрайнее море... Оно завораживает меня иллюзией освобождения. Кажется, что прежняя жизнь кончена и я начинаю другую жизнь, полную свободы и приключений, что в этих наполненных соленым ветром просторах я смогу обрести себя, обновиться — возродиться, что ли... А потом я поняла, что море смеется надо мной, и ужасно огорчилась. Понимаете?

— Признаться, нет. — Оболенский оторвался от поручней, пожал плечами. Он собирался уйти в каюту. — Я, знаете ли, не романтик. Так что извините.

— Конечно же, вы — не романтик, — с горечью произнесла Аня. — Вы узник, такой же, как я и как все на этом теплоходе. Поменялась лишь камера заключения.

— Хм... Что вы сказали?

— Наверное, вы, как и я, ступили на палубу этого корабля, надеясь обрести освобождение, тогда как в действительности оказались в заточении. В этом и заключается вся насмешка.

— Но ведь мы в открытом море, — удивился Оболенский. — Ветер, простор... В отличие от вас я представляю себе тюрьму несколько иначе.

«Зацепила, зацепила!.. — ликовала Аня. — Теперь не дать сорваться...»

— О, я тоже читала рекламные проспекты, — доверительно сказала она. — В них говорилось, что отправиться в море на корабле — значит вдохнуть полной грудью счастья на открытом просторе. Ос-

тавим в стороне двусмысленные фразы о полной груди, но открытый простор — это просто издевательство. Вы не находите?

— Ну...

— Заключенный тоже видит через решетку открытый простор неба, но не становится от этого менее свободным. Так и здесь.

— Как?

Оболенский заинтересовался откровениями незнакомки и уходить пока не собирался. Но нос его продолжал уныло висеть, а это было дурным знаком: беседа могла в любой момент закончиться.

Анна знала, что второго шанса у нее уже не будет: если он сейчас раскланяется и уйдет, то следующая ее попытка свести знакомство обречена на провал: Вадим Владимирович сочтет даму слишком назойливой и поднимет мосты. В таком случае не будет и никаких фотографий: «мисс Россия» пикнуть без своего покровителя не посмеет. Тогда Ане лучше не сходить на берег. Можно сразу прыгать в море, доплыть до Турции и согласиться на участь седьмой жены какого-нибудь паши. Ведь Кирилл Антонов разорвет ее на мелкие кусочки, если она не привезет ему фотографии первой красавицы страны.

Эти опасения разогрели красноречие Анны до цистероновских высот. Она почувствовала, что ее понесло, что она городит глупости, но остановиться было невозможно.

— Понимаете, э-э...

— Вадим Владимирович, — подсказал Оболенский.

— Очень приятно, — расцвела в улыбке Измайлова. — А меня зовут Анна. Можно просто Аня.

— Аня? Прекрасное русское имя. Просто Аня! Замечательно!

Оболенский натянуто поклонился, отдавая дань вежливости. Лицо его было невозмутимо, и только нос выдал своего владельца: кончик его слегка порозовел, а ноздри затрепетали.

Задумчиво глядя в морскую даль, Аня грустно сказала:

— Сейчас в нашем обществе считается, что больше всех борется за свободу и любит ее тот, кто громче всех кричит о ней. Я вспоминаю, как однажды Булат Окуджава рассказывал анекдот в одной компании...

— О, Окуджаву я любил слушать, но только его песни, а вот рассказы — не приходилось. И что же он говорил о свободе?

— Спросили как-то у вороны, любит ли та свободу. «О да! Свобода — это воздух, свет, небо, солнце. Как это все прекрасно!» Спросили у орла. Он буркнул: «Угу, люблю». Их обоих посадили в клетки. Через месяц пришли к клетке с вороной и спросили о свободе.

— О, я люблю свободу! Это так прекрасно! Воздух, небо, солнце, простор!..

Подожли к клетке с орлом, а орел — мертв.

Анна сделала актерскую паузу. Она чувствовала, что попала в точку. Оболенский переваривал услышанное, и она продолжила атаку:

— Понимаете, Вадим Владимирович... Мы с вами покинули землю. Пусть она занимает всего четвертую часть планеты, но это — по-настоящему открытое пространство. Там можно двигаться в любую сторону сколь угодно долго, там происходят события, там вершится история. А здесь, на корабле... — Аня театрально обвела рукой палубу, чуть заметно подмигнула Юрику. — Здесь круг людей

ограничен, идти можно от поручня до поручня и не далее, если, конечно, не хотите свалиться в море, и вокруг только небо и вода. Небо и вода... Вот они — невидимые стены вашей... то есть нашей тюрьмы! Но на суше каждая тюрьма имеет дверь, хотя и крепко запертую. Эта дверь иногда открывается, и, отсидев свой срок, каждый сможет вернуться через нее в мир людей. А здесь этой двери нет. Вы и безо всякой двери лишены свободы — никуда не денетесь, никуда не убежите. Вот вам и открытый простор!.. Вот вам и дыхание свободы! — Аня всплеснула руками. — Эти мысли приводят меня в отчаяние.

Анины глаза повлажнели. Подобно истинной актрисе, она вжилась в роль настолько, что сама повела в созданный образ. И слезы были последним мазком, завершающим картину. Какой мужчина останется равнодушным при виде женских слез?! Вот и Оболенский не остался.

Нос его налился багрянцем, даже, казалось, изогнулся орлиным клювом. Значит, проняло. Сейчас начнет вить гнездышко и брать бедную девушку под свое крыло.

— О, зачем же так огорчаться, Аня?! Ну-ка улыбнитесь! У вас чудесная улыбка. И не нужно слез. Здесь и так слишком много соленой воды.

Анна рассмеялась.

— Ах, Вадим Владимирович!.. Какой вы шутник!

— Просто Вадим. Договорились?

— Конечно.

— Давайте спустимся в бар, — предложил Оболенский. — Думаю, бокал хорошего вина развеет ваши печали. Не скрою, вы меня заинтересовали. Кто вы? Искусствовед? Певица? Поэтесса? Душа у вас чуткая и ранимая. О, конечно же, вы — на-

яда, богиня морских глубин, существо таинственное и мистическое? Я угадал?

— Почти. Я — фотограф.

— Ага. Аккредитованы?

— Нет. Я, так сказать, свободная художница. Работаю на разных заказчиков.

Улыбка моментально слетела с губ Оболенского. Даже нос потерял орлиный изгиб и напоминал теперь утиный клюв.

— Значит, не аккредитованы?.. М-м... Как же так?!..

Это был критический момент. Если Оболенский поймет, что эта встреча не случайна, он и близко не подпустит Аню к «мисс России». Для него Таня Кустодиева — это удачно вложенный капитал, который должен принести баснословную прибыль. Каждая рекламная фотография Тани — это звонкая монета, и Оболенский не позволит всяким свободным художницам запускать руку в свой кошелек.

— Вы, наверное, никогда не занимались фотографией, — будто не замечая неловкого молчания, воскликнула Аня. — Это огромный мир, таинственный и мистический, — здесь я должна с вами согласиться.

— Что же в нем мистического?

— Профессиональный фотограф, как Фауст, пытается остановить прекрасное мгновение. Иногда это получается. Разве это не мистика?

Оболенский улыбнулся, покачал головой. Навивный вид Измайловой убедил его в беспочвенности подозрений. В конце концов, половина пассажиров теплохода — профессиональные фотографы. Что удивительного, что он натолкнулся на одну из них.

— У нас с вами несколько разные понятия о ми-

стике, — сказал он, — но то, что вы говорите, тоже заслуживает внимания. Но что же мы стоим?! Вперед! Нас ждет сухой мартины. Кстати, вы приглашены на бал?

Он взял Аню под руку и повел ее вдоль сетчатого ограждения к переходу на нижнюю палубу.

— Ох уж, эти женщины, — пробормотал Юрик, провожая их взглядом. — Разве ж можно с ними связываться?!

Он удобнее разлегся в кресле и задремал, зная, что Измайлова вырвет у Оболенского согласие на несколько рекламных снимков, а значит, вскоре предстоит работа и будет уже не до сна.

* * *

Праздничный вечер еще не начался, но воздух в зале уже дрожал от нервного напряжения. Запоздавшие зрители торопливо рассаживались за столиками, а те, кто заняли свои места, ежеминутно поглядывали на входную дверь: вот-вот должна появиться королева костюмированного бала — «мисс Россия».

Анна вошла в зал одной из последних. Гомон людских голосов, женский смех, звон бокалов, музыка — все это оглушило ее, заставило почувствовать себя смешной — с фотоаппаратом на боку, в несуразном костюме Шахерезады, который она подобрала в костюмерной по совету Юрика. Сам Юрик, к его великому огорчению, не попал в число избранных: Оболенский презентовал своей новой знакомой только одно приглашение.

Перед входом в зал две девицы с зелеными, под водоросли, волосами со смехом осыпали Аню

серпантином и протянули очки-маску с мерцающей вуалью, закрывающей лицо. Странно, но в этой маске Аня сразу почувствовала себя увереннее, словно спряталась за образом восточной принцессы.

Стены зала были украшены разноцветными гирляндами, символизирующими грозные тучи надвигающегося шторма. Серебряные шарики-дождинки весело переливались в свете прожекторов; прозрачные ленты, свисающие с потолка, вибрировали под действием вентиляторов. Зал озарялся розовыми вспышками, гремели литавры, рокотал барабан — поистине, близилась буря со свирепыми ветрами, ослепительными молниями, девятым валом и прочими полагающимися каждой приличной буре атрибутами. Аня огляделась. Оболенский уже сидел за столиком у зеркальной стены и призывно махал ей рукой. Аня кивнула в ответ, прошла между столиками и уселась рядом с Вадимом Владимировичем.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В этот вечер распорядителей костюмированного бала вдохновляли темы «Летучего Голландца». Поэтому внутреннее пространство зала было погружено в предгрозовую полумрак. Неяркий свет струился из скрытых светильников, а по полу стелился фиолетовый туман, похожий на кипящее море. Круглая сцена в середине зала, стилизованная под айсберг, медленно вращалась, а над ней свисали корабельные флаги — символы затерявшихся в морях кораблей.

Все приглашенные на бал гости были в маскарадных костюмах. Восседающие над волнами сиреневого тумана, они выглядели так, будто перенеслись сюда из древних сказаний о поднимающихся из морских пучин кораблях и мертвых моряках, жаждущих искупления. Возле барной стойки крутил шарманку бородатый моряк с попугаем на плече. Он свирепо таращил единственный глаз и предсказывал судьбу. Видно, его предсказания пользовались успехом: вокруг ветерана морских сражений толпился народ.

За сценой играл небольшой оркестр, и две очаровательные танцовщицы, одетые в нечто вроде серебристых купальников, слаженно кружили в восточном танце. Лица их были закрыты мерцающими масками.

— Сначала я подумал, что у меня в глазах двоится, — кивая на девушек, сказал Оболенский. — Фигуры одинаковые, движения — зеркальные... Прямо наваждение какое-то!

Вадима Владимировича было не узнать. Он выбрал костюм морского царя: шероховатый панцирь, шипастые наплечники, голубые, как пузырьки воздуха, ожерелья на шее и над всем этим — золотая корона в форме раковины. Рядом, прислоненный к стене, сверкал трезубец. Весь его облик изменился — появилась стать, незаметная раньше надменность, величие в жестах. И только нос остался прежним — светился, как майская роза, выдавая прекрасное расположение духа своего хозяина.

— Шампанское? — предложил Оболенский. — Ликер? Или, может, что-нибудь посерьезнее, например виски?

— Как прикажете, ваше величество, — кротко опустила глаза Измайлова.

— Тогда шампанского, — решил Вадим Владимирович. — С ананасом. Рекомендую. — Он поднял бокал. — За наше знакомство!

Аня отхлебнула глоток. Кто-то коснулся ее плеча, пробежался пальцами по спине. Она чуть не поперхнулась, огляделась по сторонам. Это был мужчина в костюме морского конька. Именно он, проходя мимо столика, столь игриво обошелся с Измайловой. Морской конек уселся за соседним столиком, помахал Ане рукой. Знакомый жест...

«Да ведь это Юрик!.. Интересно, как он пробрался на бал?!»

— А теперь танцевать!

— Но фотоаппарат...

— Мое величество не потерпит возражений! Иначе утоплю. Царь я или не царь?!

Площадка для танцев была переполнена. Морские тритоны в перчатках с длинными, изогнутыми когтями, едва одетые девушки-нереиды со сверкающими алмазными украшениями в зеленых волосах,

коварные водяные, печальные русалки и свирепые пираты, утопленники с белыми лицами и люди-амфибии — все они кружились в танце, переговаривались друг с другом, хохотали.

Элегантный адмирал флиртовал с беспечной ундиной, синие волосы которой были украшены пышным венком из свежих трав. Зверского вида флибустьер отплясывал со смуглокожей индейской скво, фея морских течений выделявала пируеты в паре с индийским купцом в невероятных размеров тюрбане, украшенном страусиными перьями, Офелия что-то шептала на ухо капитану Немо...

Аня с удивлением поняла, что все собравшиеся в зале знакомы между собой, и знакомы очень близко. Маскарадные костюмы служили слабой защитой. Оболенский то и дело наклонялся к ней и шептал какие-нибудь забавные подробности.

— ...Вон та дама, в костюме греческой весталки... Недавно развелась с мужем. Совсем как в анекдоте... Возвращается она из деловой поездки, а в постели ее муж с ее любовником...

Оболенский склонялся все ближе, шептал на самое ухо.

— ...Некоторые люди и в пятьдесят лет остаются наивными как дети. Особенно это проявляется при толковании снов. Вон тот старик, испанский гранд, как-то увидел во сне пару золотых лошадей. Сон он истолковал как грядущую удачу и с утра все начал делать дважды. На завтрак выпил двойной коктейль, надел второй по счету костюм из платяного шкафа, две минуты сидел в своей тачке перед тем, как завести ее, а вечером отправился в казино «Двойной дублон», купил жетонов на две тысячи, встал у рулетки вторым от крупье и дважды поставил на двойку.

— И чем все закончилось? — спросила Аня, косясь на старика. — Выиграл?

— Проиграл. И через две минуты после проигрыша его увезли на «скорой». Второй инфаркт. Два месяца в больнице пролежал...

Аня фыркнула.

— Признайтесь, Вадим, ведь вы все выдумываете? — спросила она.

Оболенский только пожимал плечами. Нос его пламенел, как гроздь рябины.

Зал был покрыт итальянской плиткой, которая жемчужными отблесками мерцала сквозь пелену тумана. На круглых столиках с темно-синими скатертями стояли светильники в виде керосиновых ламп. Над круглой сценой надувались паруса, и казалось, две танцовщицы, поразившие воображение Оболенского, кружатся в дыхании бриза.

Наряд их состоял из облегающих трико, словно выкованных из тончайших серебряных пластинок, будто рыбьих чешуек, и серебряные же туфли на высоких каблучках, и серебряные сережки, а только волосы были иссиня-черными, как морские глубины. Танцевали девушки прекрасно — просто творили танец на ходу, ткали его на глазах приглашенных.

Неожиданно музыка резко оборвалась, танцовщицы замерли. Вспыхнул свет, грянул туш — и вот в распахнутые двери зала, ослепительно прекрасная, вошла королева бала Таня Кустодиева — «мисс Россия».

Поистине, она была хороша безо всяких «но». Чем дольше Аня вглядывалась в лицо Кустодиевой, в очертания ее тела, туго обтянутого белоснежным, как у невесты, платьем, тем яснее понимала, что перед ней красавица — одно из великих чудес природы. Не было ничего случайного или

спорного, все части тела и лица находились в той единственно возможной гармонии, какая подвластна только кисти великого мастера. Глаза, нос, губы — все было насыщено торжествующей радостью, всей полнотой юности, целостностью жизни. Кирилл Антонов был прав. Лучшей фотомодели для его новой коллекции одежды «Террариум» нельзя было и придумать.

«Мисс Россия» с улыбкой прошла по живому коридору, образованному гостями, поднялась на круглую сцену и под гром аплодисментов проплыла по самому ее краю. Впрочем, заметила Аня, аплодировали в основном мужчины.

На сцену выскочил конферансье, преподнес красавице огромный букет и объявил, что в конце бала «мисс Россия» объявит победителя маскарада. Призом за самый удачный костюм будет фотография вместе с первой красавицей страны. Под нестихающие аплодисменты Таня спустилась со сцены, проплыла между столиками и уселась рядом с Оболенским. Свой букет она небрежно бросила в ведро для шампанского так, чтобы он, как ширма, отгородил ее с Оболенским от Ани.

— Вадик, я так замучилась!.. — жеманно надула губки «мисс Россия». — Здесь жарко. Хочу в Антарктиду. Ты не мог бы поговорить по этому поводу с капитаном?

Оболенский пропустил ее вопрос мимо ушей.

— А еще я хочу клубнику со сливками. Вадик, милый, закажи.

Вадим Владимирович вытащил букет из посеребренного ведерка, махнул рукой и отдал цветы подошедшему стюарду.

— Отнесите, пожалуйста, в номер... И принесите клубнику со сливками. — Стюард кивнул и захлопнул блокнотик. — Татьяна, познакомься. Это

просто Аня. Прошу любить и жаловать. Завтра она сделает несколько рекламных снимков. Так что не налегай сегодня на спиртное. Завтра ты должна быть в форме.

— Фотограф? — покосилась на фотоаппарат Таня.

— Да, — кивнула Измайлова.

«Мисс Россия» окинула Аню холодным оценивающим взглядом, изогнула атласную бровку и отрезала:

— Оно и видно.

Аня покраснела. Эта пренебрежительная фраза ударила ее как пощечина. Казалось, весь зал теперь уставился на нее: «Смотри, как сказала! И поделом!..» Измайлова хотела встать и уйти, но Оболенский ловко разрядил накаленную атмосферу.

— Конечно, сразу видно! — с оживлением сказал он. — Хорошего фотографа за версту можно узнать. Шампанского?

— Где клубника? Хочу клубнику!

— Сейчас, сейчас... Вон, несут.

Между столиками, держа поднос на вытянутой руке, осторожно лавировал официант в костюме индейского вождя. Лицо его было открыто, но боевая раскраска могла заменить любую маску.

Измайловой на минуту показалось, что она уже где-то видела этого человека — фотографическая память не могла ее подвести. Но она никак не могла припомнить — где и когда. Может, при посадке на теплоход, а может, и раньше, на каком-нибудь концерте... Мало ли.

— Мы не встречались раньше? — спросила она.

Индейский вождь ничего не ответил, только пожал плечами. Он поставил на стол блюдо с сочны-

ми ягодами, поклонился и быстро, даже чересчур быстро, исчез в толпе. Таня тут же погрузила ложечку в клубнику.

— Вадик! А пока ты по палубе шлялся... — Таня метнула острый взгляд на Измайлову. — Ах, как вкусно! ...Ко мне опять немцы заходили... Ну те... Из парфюмерной фирмы... Как ее?... «Крюгер»... Или «Крамер»... Подарили набор духов и туалетной воды. Очень мило! В общем они контракт предложили. Очень выгодный. Я обещала подумать.

— Это ты зря, крошка. Тебе не нужно думать. Думаю я.

— Ну Вадик!

— Твои немцы жмутся из-за каждой марки. Нужно выждать паузу. Тогда они сломаются и предложат настоящую цену. Так что ты больше не думай. И не разговаривай с ними. Улыбайся. Улыбка тебе к лицу.

— Вадик, а хочешь клубничку? Давай, давай — ам!

Музыка в этот момент смолкла, и игривая фраза красавицы прозвучала неестественно громко и фальшиво. Аня вздохнула и посмотрела на сцену.

Выступал тот самый официант в костюме индейского вождя. Измайлова сразу узнала его: именно он принес для этой куклы блюдо с клубникой. Странно, что артист выполнял функции официанта, но с корабельными порядками Аня была слабо знакома, поэтому не обратила на эту странность никакого внимания.

Выглядел Чингачгук достаточно эффектно. Расшитый бисером костюм, бахрома на рукавах, пышный головной убор из орлиных перьев... Аня тут же запечатлела его на пленке. Но еще более впечатля-

ющим было его умение владеть холодным оружием.

Он протягивал публике ножи, предлагая попробовать остроту лезвий, а затем метал их, перерезая нити воздушных шариков, и шарики взлетали к самому потолку; он сбивал пламя со свечей одним метким броском — короче, всячески доказывал зрителям, что их не водят за нос, что все это не фокус, не обман: в руках у него самые настоящие ножи из самой настоящей стали.

А потом, когда публика поверила, на сцене появилась одна из девушек-танцовщиц. Она встала возле круглого щита, раскрашенного в виде мишени, и положила себе на голову яблоко. Тревожная барабанная дробь, тишина, в руке Чингачгук таинственным образом появляется стилет — бросок... И яблоко оказывается пригвожденным к щиту.

Зал разразился овациями. Пожалуй, так не аплодировали даже «мисс России». Та нахмурилась, но сделала вид, что ее не интересует ничего, кроме клубники.

— Вадик! Налей мне еще шампанского.

— Сейчас, сейчас... Давай досмотрим. Это же просто невероятно!

— Ну Вадик!

— Говорю же, сейчас!

Девушка-танцовщица стояла, раскинув руки, у круглого деревянного щита в форме мишени, а Чингачгук метал в нее свои длинные ножи. В полной тишине зала было слышно, как ножи ударяют в щит. Бум, бум... Они вонзались так близко от танцовщицы, что, наверное, та чувствовала холодок лезвия.

Раз, два, три, четыре...

Чингачгук почти не метился — жонглировал ножами, а потом один за другим посылал их в цель. Лезвия мелькали без остановок, быстро, словно ав-

томатная очередь. Уследить за ножами было почти невозможно. Только слышно было, как они глухо ударяют в щит, и каждый раз щит чуть заметно содрогался.

Одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Вдруг забила тревожная дробь барабана. Циркач подошел к круглому щиту и раскрутил его. Оказывается, девушка была привязана к щиту. Она начала вертеться, и теперь уже не ножи, а раскрашенные томагавки начали с потрясающей скоростью ударять вокруг нее.

— Не смешно, — наморщила носик Таня Кустодиева. — И очень даже глупо. Он может порезать ей кожу. Шрамы остаются на всю жизнь. Верно, Вадик?

— Он может порезать не только кожу. Он может ее всю на лоскутки раскроить. Так что закрой ротик и смотри.

— Фи!.. Грубиян!

Вот томагавки закончились, в ход пошли оперенные дротики, затем изогнутые кинжалы с двумя лезвиями, затем какие-то жуткие шары, похожие на морских ежей... За лесом рукояток девушки уже не было видно, а Чингачгук доставал из ящика все новые виды оружия и продолжал демонстрировать свое мастерство. Но вот грянули фанфары. Циркач остановил щит, развязал девушку и, поддерживая ее под руку, вывел на середину сцены. Та, ничего не видя вокруг себя, с ослепительной улыбкой раскланивалась залу.

— Мастер, — с некоторой завистью заметил Оболенский. — Уважаю мастеров. А девушка тоже молодец! И хороша собой!

— У нее ноги кривые, — уверенно сказала Таня.

— Ноги у нее как раз ровные.

— Тогда рожа кривая! — упорствовала «мисс Россия». — Иначе зачем она ее под маской прячет?!

— Так ведь маскарад, — заметила Аня. — Все гости прячут лица под масками. Пока ты не выберешь победителя, никто маску не снимет.

— Ваша клубника! — подошедший стюард поставил на стол блюдо с клубникой. — Что-нибудь еще?

— Но нам уже принесли клубнику, — удивился Оболенский. — Уберите.

— Нет, оставьте! — Таня подвинула клубнику к себе, а пустое блюдо сунула в руки стюарда. — И позовите Алексея Андреевича Шорохова. Скажите ему, что я хочу выбрать победителя бала.

— Будет исполнено!

— Ты не торопишь события? — поинтересовался Оболенский. — Ведь бал еще в самом разгаре!

— Ну и что?! Я — королева, что хочу, то и делаю. А теперь я хочу посмотреть на физиономию той плясуньи, от которой ты в таком восторге. Вот увидишь — она уродина! Эй, Алексей Андреевич! — она помахала рукой конферансье. — Сюда! Да... Подойдите к нашему столику. Я выбрала победителя бала.

— Прекрасно, прекрасно... Но... Вы прямо сейчас хотите объявить об этом?

— Да. Именно сейчас.

Кустодиева выскочила из-за стола и поднялась на сцену. Там все еще находились Чингачгук и его помощница. Они собирали и укладывали в ящик холодное оружие.

— Минуточку внимания! — подошла к микрофону Таня. — Дамы и господа! Я хотела бы познать вас с персонажем, который получит из моих рук корону победителя нашего бала. Это... Это... —

Таня растерянно огляделась по сторонам, посмотрела на Оболенского, показала ему язык и перевела взгляд на циркача. — Это поразивший наше воображение индейский вождь. — Она схватила циркача за руку и подвела к микрофону: — Прошу вас! Представьтесь.

— Иван, — циркач поперхнулся. Он никак не ожидал получить титул короля. — Иван Моховчук.

— Очень приятно! — Таня посмотрела на помощницу Моховчука. — А как зовут вашу отважную ассистентку?

— Оля. То есть Ольга. Она не моя ассистентка...

— Это не важно. Мы все видели ее смелость, ее мужество, граничащее с героизмом. И теперь все мы хотим увидеть ее лицо. Итак, дамы и господа, маски долой!

Грянул туш, и гости со смехом начали снимать маски. Сняла маску и Ольга. Таня закусилла нижнюю губку. Танцовщица была отнюдь не уродиной. Скорее, наоборот. Таня отвернулась, сошла со сцены и пошла, почти побежала к выходу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Каюта была просто шикарной, по классу «люкс», с просторной гостиной, в которой постоянно толпился народ, с уютной спальней, в которую мог войти только один человек — Оболенский. Но сейчас Оболенского не было — наверное, смотрел на танцы этой смазливой вертихвостки. И гостиная была пуста: Таня всех выпнала. Она хотела побыть одна, а сейчас вдруг поняла, что одиночество страшит ее больше, чем вероятная измена Вадима.

Странно... Она никого не хотела видеть и в то же время сердилась, что рядом никого нет. А ведь обычно Тане было тягостно с людьми, — она не понимала их, только догадывалась внутренним чутьем, что все они говорят неправду: женщины льстят, чего-то ждут от нее, а мужчины просто хотят ее, и это свое желание высказывают нелепо и смешно. В людях вообще много нелепого и смешного: они служат каким-то странным, отвлеченным идеям, употребляют зачем-то иностранные слова, разглагольствуют о высоких материях, имея в виду самые примитивные и суеверные желания.

— Знаем, знаем, — пробормотала она. — Сами ученые... И не надо мне лапшу на уши вешать!..

Она сидела в кресле, съезжившись в комок, и плакала. Крупные медленные слезы катились по щекам и по вкусу напоминали морскую воду. Свет она не включала — было что-то торжественное в ночной темноте, что-то созвучное ее печали. Таня была в полной растерянности. Иногда ей хотелось вернуть-

ся в зал к Вадиму, а через минуту она в мыслях посылала его ко всем чертям и твердо решала назло ему завтра же уйти в монастырь. Так она сидела в своей каюте, смотрела на ночь и плакала холодными слезами. А потом раздался стук в дверь и послышался голос Вадима:

— Таня! Можно войти?

«Пришел»!

Внезапная радость зажглась в ее душе и мгновенно осушила слезы — заставила тихо засмеяться. Это было так неожиданно, но Таня даже не удивилась этой внезапной перемене в настроении. Какая разница, отчего возникает, откуда приходит на смену слезам радость, исторгающая из груди смех и зажигающая «пожар в очах»? Главное, Вадим оставил и свою новую знакомую Анну, и ту танцовщицу с раскосыми глазами тоже оставил — пришел к ней, к Кустодиевой Татьяне, к своей рыбке и кошечке, к уютной спальне и мягкой постельке! Сейчас он будет умолять о прощении, а она будет строга и неприступна как крепость. Пусть возьмет ее приступом.

Все дело в моей красоте, подумала Таня, торопливо вытирая слезы. Оболенский сам говорил, что красота волнует и что всякое явление красоты радостно. Боже, как глаза распухли!.. А еще он говорил, что «красота подобна падающей звезде. Звезда проносится во мраке и гаснет, как надлежит являться и проходить красоте, восхищая взоры своим ярким, но, увы, преходящим блеском...». Хорошо сказано. Только слишком заумно. Но вывод напрашивается сам собой: нужно пользоваться моментом, пока блеск твоей красоты еще не померк. Просто руководство к действию какое-то... Но глаза! И губы... Помада размазалась. Ужас!.. Как я покажусь ему на глаза?!

Когда Оболенский открыл дверь и вошел в каюту, Таня, прикрывая лицо руками, стремглав бросилась в спальню и замкнула дверь на ключ.

— Таня! Ну перестань!..

Она не ответила — зажгла ночник перед зеркалом и медленно разделась.

— Ну Таня! Открой, солнышко.

Девушка стояла перед зеркалом и смотрела на свое отражение. Незагорелая кожа была молочно-белой и, казалось, светилась в полумраке спальни. Отсветы от лампы пробегали по телу, подчеркивая грудь, оттеняя линию плеч и крутой изгиб бедер. Тело выступало из темноты, оставаясь с ним неразрывным. Будто ночной мрак соткал из мерцающего света звезд женское тело и явил его миру — смотрите, как прекрасна ночь.

— Ну чего ты добиваешься? Скажи, я все сделаю.

Таня не отвечала. Нежная, как распускающийся цветок с мягкими листочками, стояла она, и красота ее тела была для нее приятна. Обнаженные ноги — мягкие линии голеней и бедер, выдающиеся края косточек на коленях и стопах и ямочки рядом с ними, — она любовно все осматривала, гладила руками, и это вселяло в нее уверенность и доставляло новое удовольствие.

«Как мог он смотреть на жалкую попрыгунью?! Негодяй! Да разве же можно ее сравнивать со мной?!»

Таня любила свое тело. Много раз, а в последнее время каждый вечер, любовалась она перед зеркалом своей красотой — одна или вместе с Оболенским. И это не утомляло ее.

— Ну извини, если я обидел тебя! Танюша! Открой! Давай поговорим!

Кустодиева подняла руки над головой и, припод-

нявшись на цыпочках, вытянулась. «Так ему и надо! Стоит за дверью и не видит, как упруго набухают розовые соски... Пусть помучается! Нисколько не жалко. Следующий раз не будет при мне паялиться на разных потаскух!»

— Таня! Черт побери!.. Я сейчас выломаю дверь!

— Только попробуй! Я совсем голенькая, совсем. Буду кричать!

— Вот чертовка!..

Она стояла перед зеркалом, и кружилась по комнате нагая и радовалась своей красоте, и тому, как страдает за дверью несчастный Вадим, а она, прекрасная и строгая, не допускает его в свои покои. Но может быть, и снизойдет. Если он... Если он свозит ее в Париж. Да, в Париж!

— Танечка! Кошечка моя! Ну что мне сделать, чтобы ты не сердилась? Хочешь, в море брошусь?

— Ты в иллюминатор не влезешь. Нос не пройдет, — отрезала Татьяна. — Да и слабо тебе в море броситься.

— Я тебе приказываю — открой! Король я или не король?! — слабо пошутил Оболенский.

— Не король. Я выбрала себе другого короля. Это Чингачгук. Вот это мужик! Вот это... Он с тебя скальп снимет. А я за это ему отдамся!

Таня знала, что ранила Оболенского в самое сердце. Она зло улыбнулась, распустила длинные белокурые волосы, затем передумала и опять собрала их высоким узлом, заколола золотой пряжкой. Потом склонилась над зеркалом, поправляя макияж. Вгляделась в отражение — сначала с удивлением, потом с ужасом.

— О боже!.. — прошептала она в панике. — Что же это такое?! О боже!..

Соперничества, тем более с каким-то там цирком, Оболенский не мог вынести. Вадим Владимирович знал, как понравиться женщине, но это его знание либо немедленно приводило его к цели, либо вызывало легкое отвращение к «войне за телку»...

Конечно, у него с женщинами часто случались недоразумения, размолвки, даже ссоры. Однако Таня Кустодиева была раскрытой книгой, и он прекрасно знал правила ее игры. Можно ввести ее в круг своих знакомых, так называемых «олигархов», — она будет без ума, давно рвется. Можно устроить поездку в Париж. Какая женщина устоит против двухнедельного пребывания на Монмартре?.. Все это, разумеется, он мог сделать, чтобы заслужить немедленное прощение капризной красотишки. Но он колебался, не хотел прибегать к таким методам. Это было противно. Он уже и так сделал достаточно — вывел деревенскую лебедушку в «звезды», дал деньги, известность, превратил в первую красавицу страны. А взамен — ни любви, ни уверенности, что даже после Парижа в один из вечеров он не обнаружит в постели Тани какого-нибудь молодого и сильного кобеля — того же Чингачука. А похоже, так оно и произойдет. И это будет совершенно непереносимо.

«Да и чего ради?» — скривил губы Оболенский. В который раз он повторял себе, что Кустодиева глупа, взбалмошна и не имеет должной выдержки. Он столько времени потратил на ее воспитание, а она до сих пор млеет от высоких понятий, как млеет серая и неотесанная дикарка, которая всю свою жизнь была серой и неотесанной и только что услышала, что есть звезды, и красота, и любовь.

Таня была именно из таких — серых и неотесанных, кто только вчера «вышел из амбара», а теперь вопит на весь мир, что никто, кроме них, не заслуживает ни звезд, ни красоты, ни любви.

«Какой же я идиот!»

Неожиданно для себя Оболенский почувствовал, что ревнует, — стоит перед запертой дверью и ревнует эту потаскуху самым элементарным образом, ревнует и злится... Ведь она его вещь — это он слепил ее из ничего, дал известность, имя, поднял на такую высоту, от которой у нее, видно, закружилась голова.

— Открой, Татьяна! Черт побери! Мне надоело стоять перед запертой дверью. Открой сейчас же, или я ее... Или я тебя... Короче, я не знаю, что сделаю.

К его великому удивлению, в замочной скважине раздался щелчок ключа, и дверь распахнулась. На пороге стояла Таня, обнаженная, с ласковым, таким знакомым телом, но лицо девушки было как каменное — ни улыбки, ни надутых капризно губ — только ужас.

Она втащила Вадима за рукав в спальню, захлопнула дверь и дважды повернула ключ в замке.

— Ну вот, моя кошечка... Я знал, что твое сердечко не выдержит, смягчится. Дай-ка я на тебя посмотрю.

Она была прекрасна. Теперь, после легкой ссоры, она была для Вадима даже желаннее, чем обычно. Просто загляденье, само совершенство.

— Иди ко мне, моя дорогая... Давай обнимемся и все забудем.

Таня отшатнулась от его протянутых рук, прошептала каким-то мертвым голосом:

— Вадик... Я погибаю.

— Что?

— Посмотри, — она включила верхний свет, провела рукой по лицу, груди. — Вот, и вот, и вот тут тоже...

Сначала Вадим ничего не понял, хотел даже поцеловать места, которых касался ее указательный пальчик. Но было в ее голосе и жестах что-то скорбное, отчаянное. Оболенский пригляделся и ахнул.

Ее руки до самых плеч были покрыты мелкими белесыми бугорками и красной сыпью. Из вершинок бугорков сочился желтый гной. То же самое было на груди и, главное, на лице.

Что за ерунда, подумал Оболенский, чувствуя могильный холод в груди. Покраснение кожи, сыпь, гнойные волдыри, которые вот-вот превратятся в язвы...

Лоб его покрылся липким потом, он пошатнулся, схватился за грудь, стараясь унять бешенный стук сердца. Неужели оспа? Холера? Или чума?! Он отступил на шаг и рухнул в кресло. В ушах тонко звенела тишина, прерываемая жалкими всхлипываниями девушки.

— Как?! Когда?!

«О чем это я? Какая разница?.. Факт налицо. А для нее это хуже, чем смерть. Час назад она была королевой красоты, богиней, но вот колесо повернулось — и она рухнула с пьедестала прямо в грязь. А вместе с ней рухнули и все усилия последнего года, все любовно взлелеянные планы, расчеты на прибыль...» Он взглянул на гнойные бугорки на Танном лице, и его чуть не стошнило.

«Какая мерзость, — подумал он. — Вот и все. Была королева — нет королевы. Не пить ей больше шампанское в дорогих ресторанах, не молоть чепуху модельерам и портникам, не кокетничать, не кататься на яхтах, не хохотать в компании молодых

и горячих почитателей... Даже Чингачтуку такая не понравится».

— Вадичек! — она чесала руки и лицо, не замечая этого. — Помоги-и-и...

— Да, да... Конечно...

— Врача! Вадим! На корабле должен быть врач. Позвони! Сделай что-нибудь! Я не хочу — так... Я не могу...

— Да, — Оболенский поднялся с кресла, подошел к телефону, поднял трубку. — Алло?..

Он говорил по телефону, а сам думал, что сейчас придут равнодушные люди в белых халатах, с марлевыми повязками на лицах, возьмут бывшую «мисс Россию» под белые ручки, покрытые гнойными язвами, и отведут в изолятор. И там ждет Таню одиночество, отчаяние и ужас.

— ...Да, да... Врача в двести третью каюту... Нет, не простуда. Нечто серьезнее. Да... Возможно, заразная... Я не знаю. Приходите немедленно, ей нужна срочная помощь.

Он бросил трубку, повернулся к Тане, посмотрел ей в глаза, будто прощаясь. И тогда ее прорвало.

— Я заразилась! — закричала она.

— Тебя вылечат. Накинь что-нибудь.

— Иди к черту! Ты не понимаешь... Тебе наплевать! Я заболела! Это нечестно... Это... Это...

Она захлебнулась в рыданиях. Оболенский бросился к графину, налил в стакан воды, протянул Тане. Она ударила его по руке, и стакан упал на пол, покатился по ковру.

Вадим не знал, что делать, как прекратить истерику, ведь в таком состоянии его подопечная могла выкинуть любой номер, например полоснуть по венам ножом. Его спас стук в дверь. В каюту вошел усатый человек в белом халате с чемоданчиком в руке.

— Что случилось? — спросил он.

— Вот... — Оболенский кивнул на рыдающую девушку. — Сыпь, язвы... По всему телу.

— Я вижу. — Врача ничуть не смутило обнаженное тело заболевшей красавицы. — Так...

Он подошел к девушке, наклонился вперед, рассматривая кожу на вздрагивающих от рыданий плечах.

— Странно... Минутку.

Врач натянул резиновые перчатки, взял руки девушки за кончики пальцев, поднес к самым глазам и озабоченно покачал головой.

«Вот так, — понял Оболенский. — Все с этим врачебным осмотром понятно. Сначала изолятор, потом консилиум, обнадеживающие обещания, чудотворные микстуры и таблетки, а потом, когда пациент привыкнет к своей участи, — бац, заключительный диагноз: медицина бессильна. И тогда моргили, еще хуже, язвы по всему телу до конца жизни. Черт!.. А ведь уже на подходе столько контрактов!.. Нужно было продать девчонку германским парфюмерам! Все затраты бы окупились...»

Врач закончил осмотр и легко похлопал девушку по плечу.

— Идите, оденьтесь, моя дорогая. Простынете.

Таня, всхлипывая, бросилась в ванную комнату.

Врач устало посмотрел на Оболенского. Сердце Вадима Владимировича замерло, ноги сделались ватными, словно чужими. Чтобы не упасть, он прислонился к стенке.

— Что с ней, доктор?

— Странный случай... Н-да. Что она пила и ела последние два часа?

— Немного шампанского... И клубнику — много, два полных блюда.

— Понятно. Так я и думал...

— Что?

— У нее аллергия на клубнику. Вы раньше этого за ней не замечали?

— Нет. Она часто заказывала клубнику... Все было в порядке.

— Тем не менее у нее аллергия. Это факт. Клубнику придется исключить из рациона навсегда. Однако странно... Аллергия не возникает неожиданно в столь позднем возрасте. Боюсь, мы имеем редкий случай повышенной чувствительности организма на...

— У нее аллергия только на клубнику? — нетерпеливо прервал врача Оболенский.

— Должен вас огорчить. У нее идиосинкразия к некоторым веществам. Произошедшее внушает опасения, что теперь у «мисс России» может возникнуть аллергия на любые раздражители.

— Какие?

— Какие именно — трудно сказать. Необходимо анализы, стационарное обследование... Я могу порекомендовать...

— Не нужно — Вадим Владимирович поманил доктора за дверь. — Можно вас на пару слов? У меня есть к вам одно предложение... Все случившееся нужно держать в секрете. Особенно от иностранцев... Понимаете?! Мир, понимаете ли, соткан из секретов и тайн, и если разорвать паутину... Пройдемте в мою каюту. У меня есть для вас небольшой презент.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— И как же ты попал на бал? — допытывалась Аня. — В шапке-невидимке?

— Что за фантазии?!

— Но ведь приглашительного билета у тебя не было. А-а... Ты прошмыгнул через кухню! Признаться, я угадала!

— Фи! Обижаешь. — Юрик наконец закончил румянить щеки и оторвался от зеркала. — Неужели ты всерьез думаешь, что я могу так низко пасть? Пробираюсь на праздник жизни с черного хода!.. Это, по меньшей мере, вульгарно. Я вошел на общих основаниях, через парадный вход. И приглашительный билет у меня был.

— Откуда?

— От верблюда! — отрезал Юрик. — Какая ты, право, настырная. Нет в тебе ни капли тактичности. А еще говорят, что женщина — сосуд мягкости и терпимости! Я всегда знал, что это глупости.

— Врешь ты все! — сменила тактику Анна. — Сунул двадцатку помощнику младшего поваренка, вот он тебя и протацил на бал... В большой суповой кастрюле.

— Ну, знаешь!.. Мне дал билет сам Шорохов! Не ты одна умеешь знакомиться с важными людьми!

— Алексей Андреевич? Распорядитель бала?

— Для кого Алексей Андреевич, а для кого и Лешик, — со значением заметил Юрик.

— Так... Значит, он...

— Ах, оставь! Лешик — очень милый и нежный

мужчина. Не то, что этот грубый мужлан... Как его?.. Моховчук.

— Кто такой?

— Тот, что вчера ножи бросал. Полено неотесанное! Ну, в перьях весь, в раскраске...

— Он-то при чем?

— Прилип к Лешiku как банный лист. Девченок своих — танцорок — ему толкает. Контракт на весь сезон хочет обтяпать. Лезет без мыла... Даже после бала в номер к нам ломился. Дикарь!

— К вам?!

— Фи! Что за тон? — Юрик был само оскорбленное достоинство. — Почему тебе можно вешаться на шею богатым буратинкам, а мне в этом отказано?! Я усматриваю в этом дискриминацию!

— У меня с Оболенским чисто деловые отношения! — возмутилась Аня. Она прикусила губу — поняла, что переходит от нападения к защите и теперь ее позиции в этой словесной баталии становятся уязвимыми. — Я не вешаюсь на шею кому попало!

— Я тоже, — парировал Юрик. — Уж кто-кто, а Алеша Шорохов — не кто попало. И отношения у меня с ним тоже, по большому счету, чисто деловые. Он ценит во мне личность!

— Ага!.. Знаем, что он в тебе ценит.

— Между прочим, Лешик пригласил меня на просмотр. Хочет знать мое мнение насчет тех девчонок, которых толкает ему Моховчук. Понимаешь? Ему важно мое мнение! Что ты на это скажешь?

Аня отвернулась. Сказать было нечего.

— Я вернусь часика через два-три, — небрежно бросил Юрик. — Если что, я — в концертном зале.

— У нас работа с Кустодиевой после обеда, — напомнила Аня. — Оболенский обещал. Я ему рас-

хвалила тебя, как могла. Так что будешь допущен к телу первой красавицы страны. Не подведи.

— Не беспокойся. Сделаю ее для тебя как конфетку. Пальчики оближешь. Я нынче в ударе.

Юрик еще раз посмотрел на себя в зеркало, удовлетворенно хмыкнул и вышел из каюты.

* * *

Несмотря на раннее утро, было жарко. Поэтому на палубах пассажиров было мало. Всего несколько десятков человек лениво прогуливались, любовались морем или загорали в шезлонгах. Основная же масса пряталась в прохладной тени кают, казино или ресторана. Некоторые спустились в концертный зал, где находился бар и можно было за бокалом вина или прохладительного напитка посмотреть на репетицию заключительного концерта.

Похоже, такое количество посторонних ничуть не беспокоило Алексея Андреевича Шорохова. Он поставил два кресла перед сценой, которая уже потеряла величественный облик айсберга, на одно усадил Юрика, на другое уселся сам.

— Начнем, пожалуй, — громко сказал он. — Музыканты готовы? — За сценой послышались утвердительные возгласы. — Отлично! А где наши плясуньи? Где наши звездочки?.. Ага... Тоже готовы.

Юрик услышал за спиной скрежет и оглянулся. Иван Моховчук поставил стул и с самым вызывающим видом уселся позади Шорохова. Юрик поморщился. Он не выносил этого человека. Впрочем, неприязнь была взаимной. Моховчук даже не посмотрел на визажиста, словно того и не было в зале. А позицию этот дикарь выбрал верную, с недо-

вольствием отметил Юрик. Сам он может шептать на ухо Лешику что угодно, а Шорохову, чтобы ответить, придется оборачиваться. Мелочь, но мелочь психологически знаменательная...

— Прощу всех настроиться соответствующим образом. Сегодня у нас Восток, а Восток, как известно, дело тонкое. Итак: солнце, джунгли, храмы, касты, священные коровы и... Что там еще?

— Индийский чай, — брякнул невпопад Юрик.

— Нет. Индийский чай, как и индийское кино, — на любителя. Не рекомендую, — покачал головой Алексей Андреевич.

— Факиры, — подсказал из-за спины Шорохова Моховчук.

— Это ближе. Пусть твои девочки покажут нам пару экзотических трюков. Приготовились... Начали!

Музыканты зазвенели струнами, заплакали на жалейках, и белой лебедушкой выплыла на сцену первая танцовщица, кое-где то взмахивая руками, то смыкая их над головой, то изредка пощелкивая пальцами. Раздумье, девичьи грезы, плавный целомудренный танец сдержанной страсти...

— А она неплохо выглядит, — заметил Шорохов. — Вчера под маской я не мог разглядеть ее лица. Очень неплохо, очень... И фигура соответствует. Как тебе, Юрик?

Юрик пожал плечами, неопределенно кивнул. Мол, да, материал неплохой. А если присмотреться, то даже очень хороший материал...

Девушка действительно была хороша. Нельзя сказать, что она была прекраснее всех на свете, но поспорить за корону с «мисс Россией» она бы могла. Это был совсем другой тип красоты: не жаркий полдень, как у Тани Кустодиевой, а тихая, сдержанная красота расцветающего утра.

Все в ней было очаровательно, все радовало глаз: иссиня-черные волосы, свободными волнами ниспадающие на открытые плечи, точеная шея, вокруг которой змеились разноцветные бусы. Массивные серьги таинственно мерцали сквозь локоны и, когда танцовщица наклоняла голову, казалось, она прислушивается к их шепоту. Но ярче всех украшений были ее черные с поволокой глаза. В них улыбалась луна и расточало жар солнце.

— Как ее зовут? — повернулся к Моховчуку Алексей Андреевич.

— Оля.

— Не пойдет, — покачал головой Шорохов. — Не звучит. Нужно придумать другое имя.

Юрик обиженно скосил глаза на распорядителя. Похоже, тот уже принял решение, не спросив мнения самого Юрика. Это было оскорбительно. Зачем тогда приглашал?..

Музыканты сменили мотив. Глухо застонал барабан, зарокотал бубен и, полуприкрытая прозрачными шелками, позвякивая бубенцами на запястьях и на щиколотках, сверкая раскосыми глазами, растопыривая пальцы, поводя бедрами, на ковер вступила вторая танцовщица.

— Мать моя... — ахнул Шорохов. — Они что — близнецы?

— Нет, — шепнул Моховчук. — Похожи просто.

— Вот это сходство! Бывает же!.. Даже фигуры одинаковые. И глаза!

Иван, с трудом скрывая торжествующую улыбку, откинулся на спинку стула. Он уже праздновал победу. Ох, не зря босс столько сил вложил в потаскушек. Если бы не он, кончили бы они где-нибудь под забором. А босс разглядел алмаз, огранил, поместил в оправу... Денег не жалел — даже ту старую ведьму из Индии выписал, чтобы она научила

их танцу. И не ошибся. Девочки окупили вложенные средства и обещали принести прибыль. Высший класс!..

Иван с гордостью отметил про себя, насколько точно, во всех деталях повторяют эти девушки каждое движение, каждый поворот своей делийской наставницы. И наряд им был к лицу. Под прозрачным шелком обшитых золотом юбок тела их казались белее и нежнее, чем были, бедра казались шире, животы — смуглее и крепче, а обнаженные поясницы над широким взмахом пышных шелков — тоньше и гибче.

Руки танцовщиц, чудилось, поднимались к небесам в молитве, но, не находя отклика, бессильно падали. И благословляли, простирая ладони над землей, незримые осколки неутоленной страсти.

Так виделось Моховчуку, и он торжествующе покосился на Шорохова: нравится ли?

Алексею Андреевичу нравилось. И случайным зрителям у барной стойки тоже нравилось. Некоторые подошли поближе и даже забыли о своих бокалах. А вот голубой визажист — очередная пассия Шорохова — кривился в усмешке. Иван уловил равнодушный и даже пренебрежительный взгляд. Впрочем, реакция гея не озадачила его: одни люди видят жизнь в розовом цвете, другие — в голубом.

Барабан вздыхал, словно от приглушенного желания, бубны все настойчивей, нетерпеливей нагнетали ритм, и девушки одновременно то поднимали над собой узкие покрывала, то слаженно, как одна, роняли их на себя, то отстраняли прочь, все чаще открывая свою наготу.

— Очень и очень... — завороченно бормотал Шорохов. — Вкусно... И сексуально, в духе времени... Забирает... Юрик, как тебе?

— Так себе.

Шорохов не без усилия оторвал глаза от танцовщиц, посмотрел на своего любовника, увидел рассеянный, скучающий взгляд. И пытливо не то сказал, не то спросил:

— Это же индийский танец?!

Юрик кисло улыбнулся:

— Ну какой же индийский? Так, вариации на тему.

— А что не так?

— Вот у Отари Хоравы в «Восточном базаре» танцовщицы! Я там недавно ужинал.

— Знаю Отари. Не раз к нему зааживал по делу и так — посидеть. Только у этого мегрела все девки какие-то толстые, ляжки как у поросят.

— Я не о ляжках, я о плясках. Какие бы у него девки ни были — они пляшут, будто сказку рассказывают. У них даже пальцы разговаривают — подают знаки. И во всем есть смысл и значение.

— А ты, конечно же, умеешь читать их знаки?

— Отари мне кое-что разъяснил. Танцовщиц своих он прямо из Индии привез, из Бомбея. Потому они тебе и кажутся толстыми. В Индии другие понятия о красоте. И танцовщицы там — не чета этим.

Юрик почувствовал, что посеял зерно сомнения. Нет, он ничего не имел против выступающих девушек и критиковал их мастерство скорее из-за неприязни к Моховчуку. Ишь, развалился!.. Мужлан!

— Где ж я тебе посреди моря возьму индийских танцовщиц? Да еще из Бомбея? На безрыбье и водлаз — рыба!

— Это понятно... Только не нужно им танцевать под Индию, — продолжал гнуть свою линию Юрик. — Настоящих танцовщиц там с младенчества обучают. Движение рук — знак. И движение бедер — знак. У тех бедра играют, а у этих просто

вихляются. Не поймешь, чем двигает: не то бедром, не то задом. Не пляшут, а завлекают. Одна перед другой хочет выглядеть завлекательней. А фальшь сразу в глаза бросается. Вот смотрю я на этих, а вижу тех, из «Восточного базара».

— К чему эти придирки, — наклонился к Юрику Моховчук. — Девочки отлично танцуют, точь-в-точь как их учили. Ты, я вижу, слишком привередлив, сынок.

— Ты, папочка, верно заметил: точь-в-точь как те, — не оборачиваясь, ответил Юрик. — Уж не знаю, кто их учил, но сразу видно, что они бездумно переняли каждое движение своей наставницы. Готов поспорить, что девочки не знают, в чем смысл этих движений. Разговаривают танцем, а о чем говорят, не понимают. Вызубрили стихи на чужом языке. По звуку точно, а в чем смысл, не поинтересовались. Правильно ты, папочка, сказанул. Не в бровь, а в глаз: точь-в-точь как научили. Раз навсегда — точь-в-точь. А в «Восточном базаре» танцуют каждый раз по-иному — рассказывают. А эти, разбуди их среди ночи, они и спросонок повторяют все точь-в-точь. В том и разница.

Юрик чувствовал себя на боевом коне. Он не говорил — разил наповал. И неприятель в ужасе бежал прочь.

— Я полагаю, что юноша просто не в духе, — повернулся к Шорохову Иван. — Слова его категоричны, а суждения — субъективны.

— Субъективны?! — холодно усмехнулся Юрик. — Посмотрим! Друг мой, попроси девушек сплясать еще раз да приглядишься, прав я или тип за моей спиной.

Иван проглотил оскорбление. А так хотелось размазать этого наглого хлюста по стене — выбить зубы, чтобы не скалился, разбить лицо, перело-

мать руки... Мать его!.. Но босс запретил любое открытое столкновение, и Иван промолчал.

— Чем точнее они повторят танец, тем меньше души в их мастерстве, — сказал Юрик. Он не подозревал, что был на волосок от увечий. — Ведь известно: чем больше сходства с учителем, тем меньше мастерства.

— А что? Я, пожалуй, попрошу, — согласился Шорохов. — Стоп! Очень хорошо. Девушки! Дорогие мои, еще разик, и с самого начала.

Опять застонал барабан, снова зарокотал бубен, индийским напевом запела, заплакала дудочка. Шорохов внимательно смотрел на девушек. Теперь, когда он ждал более уверенных движений, осмысленных знаков, волнения танцовщиц, он примечал все ту же прилежно вызубренную пляску. Юрик был прав — душа молчала.

— Куклы!.. — поставил точку Юрик, ощущая затылком тяжелый взгляд Моховчука.

— Н-да... — согласился Шорохов. — Все! Спасибо, красавицы. — Он обернулся к Ивану: — Они больше ничего не умеют?

— У Оли есть номер «Поцелуй кобры». Танец со змеей. А Надя, вторая девушка, поет несколько песен. У нее неплохой голос.

— Что ж, давайте посмотрим. Юрик, тебе удобно? Не хочешь что-нибудь выпить?

— Виски, если можно. Только не нашего разлива, а шотландский. Есть?

— Для тебя найдем.

Юрик улыбнулся. Каковы бы ни были его пристрастия, победу он всегда предпочитал отмечать настоящим мужским напитком.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Аня! — Юрик шутливо погрозил пальцем. — Наконец-то я тебя нашел! Нужно поговорить. Такие новости, такие новости!.. Правда, они не очень радуют. Где ты шляешься?! Я уже все палубы обегал — тебя искал!

— Я тоже все палубы обегала... — Измайлова засунула ключ в замочную скважину двери. — Только без толку.

— Меня искала?

— Нет. Оболенского. И куда он запропастился?..

— Он в баре. Беседует с Повелительницей змей. Я только что оттуда. Хотел тебе сказать, что...

— Тихо!

В каюте зазвонил телефон. Аня стала лихорадочно крутить ключ в замке.

— Черт! Это Оболенский! А я... — она чуть не плакала. — Замок, что ли, сломался? Ключ не поворачивается.

— Дай-ка я попробую...

Юрик взялся за ключ, налег на дверь. Неожиданно дверь сама распахнулась.

— Елки зеленые! Да она у тебя не заперта! А мы тут мучаемся...

— Странно... Я точно помню, что закрывала каюту. Там же аппаратура! — Аня бросилась к телефону. — Алло!

— Эх, девичья память! Она как ромашка, — буркнул под нос Юрик. — Тут помню, тут не помню...

— ...Да, да, Вадим... Это я. Что? Но ведь мы ус-

ловились определенно?! А в чем дело? Вы меня без ножа режете!.. Что?.. Мне тоже очень жаль...

Аня положила телефонную трубку и без сил рухнула в кресло.

— Отказал... — растерянно сказала она. — Это же надо: отказал! И никаких теперь съемок.

— Я же тебе про это и хотел сказать! А ты не слушаешь. Вечно вы, женщины...

— Все летит к черту!.. — застонала Измайлова. — Что же это за невезение такое?! Антонов меня съест, утопит в закрепителе, разрежет на лоскутки!..

— Ладно, ладно... Будет тебе... — пробовал ее успокоить Юрик. — Ты ни в чем не виновата. Ну, отказал тебе Оболенский... Он же хозяин: хочет — пообещает, хочет — возьмет обещание обратно...

— Но почему?! Все было договорено! Не понимаю... Ничего не понимаю!

— Значит, причина у него была.

— Какая причина?

— Веская, — многозначительно произнес Юрик. — Без причины даже раки не свистят. Вот так-то.

— Ага... — Аня оторвала руки от лица, пристально посмотрела на своего помощника. — Ну-ка, выкладывай все, что знаешь!

— Оболенский просил меня никому ничего не говорить, — замялся Юрик. — Держать все в тайне. Я пообещал... Как откажешь такому мужчине?!

— Юрий! — в голосе Измайловой зазвенел металл. — Не вынуждай меня прибегать к насилию! Я... Я не знаю, что с тобой сделаю!.. Я тебе...

— Тихо, тихо... Ох уж эти женщины!.. Такие нервные! — Юрик отступил на шаг, ближе к двери. — Да тихо ты! Не подходи. Скажу, все скажу. Так и быть, нарушу слово. Все равно Оболенский не

в моем вкусе... Все дело в его подопечной. У нее что-то с лицом... И с руками.

— Говори яснее!

— Сам точно не знаю... Оболенский говорил полупафосами, темнил, нагонял туман...

— Рассказывай все по порядку! — приказала Аня. — Я хочу выяснить, в чем тут дело. Давай, давай... Не ломайся. С чувством, с толком, с расстановкой...

— Ну, сидели мы... Смотрели с Лешиком псевдоиндийские танцы... За спиной зло пыхтел Чингачгук. Я его пыл урезал! Любо дорого посмотреть! А тут прибегает Оболенский. Лица на нем нет, в глазах безнадежность, словно подписали ему смертный приговор и амнистии не предвидится... Нос, понимаешь, висит, как хобот у раненого слона...

Аня слушала и кивала. Рассказчик из Юрика был самый бестолковый. Он перескакивал с пятого на десятое, то пропускал узловые моменты, то, наоборот, уделял повышенное внимание незначительным мелочам. Тем не менее постепенно из разрозненных сцен, лирических отступлений и наивного бахвальства перед Измайловой возникла цельная картина.

Выходило, что Оболенский заглянул в концертный зал совершенно случайно: хотел пропустить рюмку-другую, а может, посидеть в одиночестве. Но тут он увидел Юрика и вспомнил дифирамбы Измайловой относительно его искусства визажиста. Не долго думая, Вадим отозвал Юрика в сторону и принялся путано втолковывать ему, что иногда люди попадают в сложные ситуации, и что порой бескорыстная помощь профессионала истинно бесценна, особенно если хорошо оплачивается, и что мир соткан из секретов и тайн, и если разорвать паутину молчания, все полетит в таргара-

ры... Короче, Вадим находился в крайне затруднительном положении больного, который пришел на прием к врачу, но стыдится рассказать о своем недуге. Он совершенно заморочил Юрику голову, и когда тот наконец поинтересовался, в чем, собственно, дело, Вадим промямлил, что ему нужен совет специалиста.

— Он спросил, можно ли что-нибудь сделать с кожей, покрытой язвами и сыпью, — сказал Вадим. — Я, естественно, посоветовал обратиться к дерматологу. Мол, если ваша кобыла запаршивела, ее нужно вести к ветеринару, а не укутывать ее пудру и румяна. Шила, мол, в мешке не утаишь.

Похоже, мнение специалиста, каковым Оболенский считал Юрика, оказало благотворное влияние. Вадим Владимирович пробормотал, что уже принял соответствующие меры. А тебе просил передать, что насчет Кустодиевой нужно обращаться не к нему. К его великому сожалению, он был вынужден спешно продать все права на «мисс Россию» немецкой парфюмерной фирме. Впрочем, он сказал, что сам сообщит тебе обо всем по телефону.

— Ни о какой немецкой парфюмерной фирме он мне не говорил!

— Наверное, сделка хранится в секрете, — пожал плечами Юрик. — Я так понял, что немцы сильно лопухнулись — купили kota в мешке. С Кустодиевой что-то не в порядке — может, ветрянка, может, еще какую заразу подхватила. Что-то с кожей... Не знаю. Но теперь «мисс Россия» нефотогенична. И это, скорее всего, надолго. Иначе Оболенский не спешил бы так резво от нее избавиться. Бизнес есть бизнес. Бедная девочка! Но мне почему-то ее несколько не жаль.

— Мне почему-то тоже. — Измайлова вспомнила надменный взгляд Кустодиевой. — Дальше-то что было?

— А дальше, любопытная моя, началось нечто потрясающее! Собственно, поэтому я к тебе и заглянул...

Юрик явно заволновался, глаза его заблестели, он начал спотыкаться на каждом слове, будто не находил достаточно точных сравнений.

— Не знаю, как и сказать... Короче говоря, девчонка Моховчука, та, в которую он томагавки бросал... Я думал, она так — дешевка... Но фигура у нее неплохая, должен признать. И в целом она — даже очень... Так вот. Представляешь, пока мы точили лясы с Оболенским, эта девчонка притащила плетеную корзину. Музыканты за сценой повели мелодию «Пожар над Дели», а подруга сбросила крышку с корзины и начала вокруг нее песни петь да танцевать. Мы смотрим — ничего не понимаем. Но тут из корзины вдруг поднимается голова здоровенной зверюги, надувается капюшон с таким характерным рисунком очков... Мы с Оболенским просто ахнули — королевская кобра!

Аня поежилась. Она панически боялась мышей, крыс и особенно змей. Это был инстинктивный страх, не имеющий ни корней в прошлом, ни оснований в настоящем: Аня не посещала серпентарий и в лес, а тем более в индийские джунгли не собиралась. Но в кошмарных снах ей иногда снились клубки змей, и потому достаточно было даже простого упоминания об этих тварях, чтобы ей стало дурно.

А Юрик, не замечая побледневшего лица Измайловой, продолжал свой рассказ. Он говорил взахлеб, восторженно, самозабвенно, размахивая руками. Видно, номер со змеей основательно потряс его воображение. Даже речь его изменилась: посыпа-

лись образные сравнения, метафоры, характерные детали, точные формулировки...

— ...Девка танцует, звенит бубенцами на запястьях и щиколотках, а я ее даже не вижу. В глазах только это чудовище. Жуть! Подняла голову из корзины почти на метр и начала раскачиваться. Тоже, значит, танцует. Мы с Оболенским как замороженные подошли ближе. А глаза у этой твари — лед. Круглые, немигающие, с вертикальным зрачком... Смотрят холодно — прямо мороз по спине. А потом кобра перестала раскачиваться, замерла, как изваяние, и только на мгновение из пасти показывался раздвоенный язычок, трепетал, как мотылек, и тут же исчезал. Это было ужасно!..

Щеки у Юрика покраснелись, и это было заметно даже сквозь румяна. Будто и не ужасался он кошмарным зрелищем, а пел романтическую балладу. «Чудно, — подумала Аня. — Непонятна натура человеческая. Казалось, знаешь человека тысячу лет, а потом оказывается, что он для тебя по-прежнему тайна за семью печатями. Например, Юрик. Ведь он не переносит страданий, грубости, крови. Натура нежная, тонкая нервная ткань... А оказывается, восхищают его темные страхи, он стремится к смертельным опасностям с таким же отчаянием, как и к изысканным наслаждениям. Наверное, будь в моде публичные казни, он стоял бы в первых рядах, жадно пялил глаза, вытягивал шею, чтобы получше рассмотреть сцены страдания, испытывая трепещущую радость при виде смерти. И это зрелище заставляло бы его вздрагивать от приятного ужаса».

— ...А она продолжала кружиться вокруг этой гадины, совсем близко, всего в полуметре, почти обнаженная!.. Ее гладкая, атласная кожа и стальной блеск змеиной чешуи — рядом. Оторваться было

невозможно. Это был гипноз. Все исчезло: корабль, проблемы, звуки... Остались только девушка и змея. Вечная тема! Помнишь историю об изгнании из Эдема?... Одно меня интересует: вырваны у змеи ядовитые зубы или нет?..

Из-под кресла, на котором сидела Аня, донесся какой-то стук, скрежет. Она не обратила на это внимания — была поглощена рассказом Юрика. Таким возбужденным и вдохновенным она видела его впервые.

— ...А потом по знаку Моховчука музыка вдруг остановилась, и стало тихо-тихо. Представляешь?! В зале было около пятидесяти человек — и ни звука. Даже слышно было, как бьется муха об иллюминатор. З-з-з, бум... З-з-з, бум... И в этой могильной тишине Оля вдруг склонилась над коброй и поцеловала ее! В одно мгновение! Быстрее, чем змеиный бросок! И тут же отпрянула от ответного поцелуя. У меня душа в пятки ушла! Точно! Прямо в пятки! Я теперь знаю, что это такое!.. Думаю, что и Оболенский знает.

Стук и возня под креслом возобновились.

— Подожди...

Аня поднялась, заглянула под кресло.

— Эта девчонка — сущий клад, — сказал Юрик. — Я, как ее увидел, сразу о тебе подумал. Она — именно то, что тебе нужно!

— О чем это ты?

— С Кустодиевой у тебя прокол. А фотографии делать нужно. Тебе следует на нее взглянуть. Она тебе понравится. И Антонову понравится. Я подготавливаю ее, а ты отщелкаешь пленку... Отличный плакат получится!

Под креслом стояла корзина. Крышка упиралась в сиденье, и поэтому заглянуть внутрь было невозможно. Однако в корзине кто-то был: стук и возня

доносились именно оттуда. Анна потянула корзину к себе.

— Что это ты за нее так переживаешь?

— Леша отказал девочке в контракте, — замылся Юрий. — Вроде как с моей подачи. А девочка толковая... Зря я с ней так поступил. Вот и хочу исправить ошибку. Подтолкнуть немного. А что это у тебя за корзина?

— Не знаю. И не моя это корзина. Может, кто по ошибке занес?... Интересно, что там внутри?

Измайлова протянула руку к корзине, но не успела взяться за крышку — та сама слетела от резкого толчка изнутри. Аня охнула и попятилась. Корзина опрокинулась набок, и оттуда вывалилась королевская кобра — огромная, толстая, как корабельный канат. От неожиданности, а больше от ужаса, который внушала эта тварь, девушка окаменела.

Кобра была в ярости. Она вдруг рывком подняла голову метра на полтора и замерла, стреляя раздвоенным языком. А потом раздула свой капюшон и закачалась, как метроном. Неожиданно громко послышалось ее шипение, следом сдавленный стон Юрика. Визажист находился на грани обморока.

Не лучше чувствовала себя и Аня. Между ней и рассерженной коброй было всего около метра. Измайлова видела прямо перед собой четкие вертикальные зрачки змеи.

«Все, — подумала Аня. — Сейчас она цапнет меня за ногу — и все. Прощай, мама!.. Как же с ними факиры справляются?... Дудочка! Только нет у меня дудочки, да и играть на ней я не умею... К тому же, говорят, змеи глухие. И еще... — Аня лихорадочно вспоминала все, что ей когда-либо приходилось читать о змеях. — И еще они могут гипнотизировать.

Посмотрит на тебя — и ты ни рукой, ни ногой пошевелить не можешь. Так что, милая моя, драгоценная, не смотри ей в глаза. И не двигайся. Во всяком случае, резко. О господи!.. Откуда?! Как?! И что прикажете делать?!»

— Кровать, — прошелестел за спиной Юрий. — Двигай за кресло, а потом прыжком на кровать. Там она не достанет. Может быть...

Сам он крался вдоль стены к стеклянному столу. Вот он схватил его за ножки и выставил перед собой, как прозрачный щит. Кобра почувствовала движение, отвернулась от Ани и зло уставилась на Юрика.

— Аня, давай!.. Я ее отвлеку.

Измайлова, не дыша, попятилась, медленно поднялась на ноги и резким прыжком вскочила на кровать.

Королевская кобра поползла к Юрику.

— Эй, ты!.. — забормотал Юрий. — Ты чего?! Ну-ка прекрати!

Отступать было некуда. Какой слабой защитой показалось Юрику стекло! Кобра замерла, потом поднялась еще выше. На некоторое время она застыла перед Юриком в неподвижности. Потом последовал неуловимый бросок... Раздался глухой хлопок. Змея ударилась о стеклянную крышку стола и отпрянула. Юрий почему-то начал хихикать.

Все произошло так быстро, что Аня ничего не успела заметить. Казалось, что никакого броска и не было, если бы не истерический смех Юрика и не мутное пятно яда на крышке стола.

«С зубами у нее все в порядке, — отметила про себя Анна. — Юрий интересовался, не вырваны ли... Так вот — не вырваны».

Юрик засмеялся еще громче, будто вспомнил

какой-то забавный случай. А потом он совершил нечто удивительное. Аня так и не поняла: может, у него ноги подкосились, а может, от отчаяния и безысходности он преисполнился отваги... Как бы там ни было, Юрик неожиданно рухнул на пол, придавив двухметровую змею стеклянной крышкой стола.

— Беги! — закричал он. — Я — следом. Быстрее! Надолго меня не хватит!

Не раздумывая, Аня метнулась к двери, рванула ее на себя и вывалилась в коридор. Через мгновение из каюты выскочил Юрик, захлопнул дверь и отпрыгнул в сторону. Он уже не смеялся, что-то хотел сказать, но слышалось только невнятное мычание — челюсти его свело судорогой. А по коридору к ним направлялся стюард — хотел выяснить, что означают все прыжки и коленца, которые выделывают эти сдвинутые пассажиры. Аня вдруг показалось, что стюард странно напоминает человека, которого она где-то видела раньше. Да и стюард повел себя как-то необычно. Заглянув в каюту, он не стал туда входить и, отвернув от Ани лицо, быстро зашагал к трапу. Вдруг Аню осенило: стюард очень похож на старшего лейтенанта. Как его? Да на того, которого она в шутку назвала лейтенантом Колombo.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Казалось, солнечные лучи никогда не проникали внутрь концертного зала. Здесь царили вечные сумерки, таинственные, неопределенные, расцвеченные разноцветными отблесками витражей на иллюминаторах и оранжевыми огоньками настольных светильников.

Бар с морским названием «Кальмар» по вечерам являл собой самое безалаберное, самое многолюдное и шумное зрелище на теплоходе. Прохладное помещение с литыми морскими коньками на входных дверях, зеркальными стенами, с изумрудными водорослями над стойкой с ужина до поздней ночи было переполнено народом.

Основное веселье начиналось вечером, после семи часов. Если не было концерта, то сюда вваливались шумные толпы пассажиров, и вместе с ними водворялась атмосфера полной анархии, приводившей в отчаяние бармена и официанток. Отдыхающие — народ совершенно отвязанный. Молодые парни и девчата, начинающие предприниматели и восходящие звезды шоу-бизнеса, артисты, фотографы, телевизионщики и, наконец, бизнесмены в бордовых пиджаках — все они были на равных, все общались, танцевали, пили, старались перекрыть друг друга, и все это на фоне оглушительной музыки и гама. Но сейчас здесь было тихо. Вечер еще не начался.

— ...Твой номер меня просто поразил. Да... В самое сердце, — улыбался Оболенский. — Совершенная красота и воплощенное зло! Ведь кра-

сота твоя очевидна, а змея — это и есть сам дьявол во плоти. — Вадим Владимирович сделал театральную паузу. — Так, во всяком случае, говорят. Но что мы знаем о дьяволе, уважаемая моя заклинательница змей? Что мы вообще знаем о зле?

Девушка сидела напротив него и лениво тянула через соломинку коктейль. Она все еще была в сценическом наряде, не успела переодеться, потому что Оболенский стащил ее прямо со сцены, закружил в комплиментах, усадил за столик. Моховчук чуть успел сунуть ей пачку «Мальборо» — диктофон.

Это было неожиданно, и Оля нервничала. События развивались не по сценарию. Не она, а Надя должна была сидеть за столиком и записывать воркование Оболенского на пленку. Девушка оглянулась в поисках Моховчука, но того в зале уже не было. «Вот так всегда, — подумала она. — Когда нужна помощь, ее неоткуда ждать. Ну куда же он делся? Схватил корзину со змеей и исчез. Ну и пусть. К черту! Пусть все идет, как идет».

— Мир полон тайн, моя красавица, — продолжал Вадим Владимирович. — Тайны бесплотны, но имеют символы: каждая — свой. Все в этом мире спрятано за символами. Но иногда люди неверно трактуют значения символов. Например, женское тело считается символом красоты, а изначальное зло якобы прячется за символом змея. При этом обычно вспоминают, что именно змей соблазнил Еву, с чего и началась вся эта наша катавасия. А разве это плохо? Что такого злого совершил змей? Он всего лишь открыл нам глаза! Понимаете меня?

— Ну... Да. Конечно.

Ольге наскучил разговор, но отмалчиваться нельзя. Бойко будет прослушивать ленту и не потерпит нарушения правил игры. Ольга поправила пачку сигарет, пододвинула ее поближе к Оболенскому. Она знала, что Вадим не курил сигареты, только сигары, и потому не опасалась, что диктофон будет обнаружен.

— Ах вы, моя умница! Все верно! Не существует ни добра, ни зла по отдельности. Это признает и на этом базируется вся архаическая философия. Добро и зло слиты воедино: для простоты скажем, что красавица и змий — еще один символ этого неразрывного единства. Красота и мудрость... Ведь змея всегда являлась символом божественной мудрости, совершенства, возрождения и бессмертия. Но эти невежественные христиане не поняли змия и сделали из него нелепый жупел, называемый дьяволом. Но мы-то с вами знаем, верно? Помните, еще Моисей говорит в Книге Бытия, что змий — это самое духовное из всех существ? Не помните?... Тогда верьте мне на слово. Я не обманываю. Да и как можно обманывать такое прелестное существо?!

Оболенский замолчал, откинулся на спинку стула, разглядывая собеседницу. Любовался. Потом подозвал официантку и заказал бутылку ликера.

— Спиртное полезно в умеренных дозах, — сказал он Ольге. — Особенно ликеры. Сахар стимулирует работу мозга, это доказано. А хорошо отлаженный мозг более чутко прислушивается к велениям сердца. Не так ли, моя птичка?

— Конечно, — кивнула Оля. Она чувствовала себя полной дурой. Ей непонятна была тема разговора, ей не нравились все эти «птички» и «рыбки», но приходилось сидеть, с готовностью соглашаться

со всякими глупостями и загадочно улыбаться. Хорошо еще, что Оболенский сам подошел к ней и не пришлось вешаться ему на шею, как плюхе. Почему Моховчук поручил это дело ей? У Нади получилось бы в сто раз лучше. Неспроста, ох, неспроста... Надька даже на сцену не вышла: после номера с коброй Иван свернул представление и кивнул Ольге на Оболенского. Мол, начинай — клиент созрел.

— Твой танец — не просто эстрадный номер! Это таинство, мистическое откровение, символ животворящей силы любви. Красота, прикасающаяся поцелуем к мудрости... Ведь даже Иисус принял змия именно как синоним мудрости, и это отражено в его учении! «Будьте мудры, как змии», — говорит он. А прекрасная девственница, целующаяся змея, — это символ вѣчности и бесконечности. Это — начало всех начал. Это — восхождение на круги бессмертия. Понимаешь?... Этот поцелуй подводит нас к самой сути понятий добра и зла.

Теплоход разворачивался, и вскоре с правой стороны концертного зала зажглись витражи. Цветные пятна заиграли на зеркальных стенах, запрыгали по рядам бутылок, отразились на потолке. Вместе с тем сгустились сумерки, и были они такими же тягучими и сладкими, как ликер. Краем глаза Оля заметила, что в бар ввалилась веселая, уже основательно нагрузившаяся компания. Трое парней: один — высокий, другой — патлатый и третий — коренастый крепыш, которого приятели называли Боханом. Парни расположились у барной стойки и сразу заказали по рюмке. Бохан устался на Ольгу с самым вызывающим видом. Подмигнул заговорщицки, с намеком. Оля отвернулась.

— Что же такое змея?

— Вы у меня спрашиваете?

— У кого же еще, мое золотко?

— Ну, змея — это... Тварь привередливая, — выпалила Оля. — Какой же это символ мудрости, если я ее запросто обманула?! Теперь жрет карасей как миленькая!

— Каких карасей? — удивился Оболенский. — При чем здесь караси?

— А при том! Змея тоже кушать хочет! Ее кормить нужно. Мышами или крысами. А эта сволочь на мышей даже не смотрела. Ей только своих подавай! Каннибализм какой-то! Питается, гадина, исключительно своими собратьями: удавами, гадюками, другими кобрами... Из тех, что послабее. Это же королевская кобра! Гамадриада! Они жрут только себе подобных. А где мне столько змей набрать? На Птичьем обыкновенного ужа и то достать невозможно! Вот и пришлось ее обманывать. Вместо змеи кинула ей угря. Она и слопала. А через полгода и вовсе на карасей да лягушек перешла. Голод — не тетка. Верно, а?

— Верно. Но... Хм... Вообще-то я задавал свой вопрос, имея в виду иные характеристики, не гастрономические.

— Извините... Значит, я вас не поняла. По мне, змея как змея. Ужасная и опасная, злая и коварная... А я ее не боюсь. Опасаюсь, не более того. Вот так.

— Ах, лебедушка моя! Ты наделяешь змею всеми набившими оскомину качествами. Ужасная и опасная, злая и коварная... Еще миг, и ты скажешь, что змея — это сам дьявол во плоти.

— Вполне возможно. Потанцевали бы вы с мое вокруг корзины!.. Обычно мне понятно, как кобра собирает себя вести. Но иногда на нее

такое находит!.. Ну точно дьявол! Так и норовит укусь.

— Сам дьявол? Но ведь это полнейшая чушь! Глупость! Извини меня, голубушка, но жалкое пресмыкающееся не может быть символом дьявола, потому что никакого дьявола нет и в помине, что бы там ни говорили эти изуверы в сутанах! Потому что это именно они сами придумали и воспитали дьявола! И поставили его себе на службу! Дьявол — миф, пустая выдумка лживых святош! О, они знали, что делают! Ведь все народы без исключения поклонялись змию. Все! Египет, Индия, Греция, Рим... Весталки танцевали со змеями в руках, пифии вопрошали змей о будущем, жрецы называли змея создателем сущего. А ты говоришь: дьявол!

— Я и не говорю.

— Зри в корень, моя булочка! Пойми, что змий — это не символ зла и менее всего символ дьявола. Символ змия — круг, эмблема мудрости и вечной жизни, добра и света. Именно света. Но как разглядеть свет? Нужно сравнение, противоположность. И для этого обманщики в рясах придумали тень — так называемое зло. Потому что только тень позволяет свету проявить себя, дает ему объективную реальность. Теперь ты видишь?

— Что?

— Не видишь... Ты еще не вкусила плодов с древа познания добра и зла, как твоя прародительница... Кстати, ты никогда не задумывалась над тем, что это древо находится под полным контролем змия?

— Нет, не задумывалась.

Парни за стойкой опрокинули еще по одной стопке. Высокий и Патлатый начали что-то с шу-

мом обсуждать. Бохан не вмешивался в разговор — его больше интересовали не споры между приятелями, а темноволосая куколка, что сидела за столиком вместе с носатым типом. Бохан давно бы подсел к прекрасной незнакомке, если бы не ее спутник, внушавший некоторые опасения: дорогая одежда, хозяйская манера поведения... Рядом с такими мужиками обычно слоняются телохранители. Бохан огляделся.

Ни один из посетителей на охранника не тянул, и парень улыбнулся. «Смотри-ка, старый пенёк с длинным носом вывел кошечку из кордебалета полкать ликер! А у источника им повстречался он, Бохан. И начались тары-бары...» Бохан подбоченился. Он старался поймать взгляд красотки и оценить свои шансы, но девушка упорно отводила глаза.

— А ведь это очевидно! — Оболенский подлил в опустевшую Олину рюмку немного ликера. — Древо познания взрастил именно змей. И тогда мне становится смешно! Меня просто хохот разбирает, когда я понимаю, как святоши извратили смысл Книги Бытия! Они, видите ли, обвиняли бедняжку Еву в совершении греха по наущению змия. Да только не было никакого греха, потому что змий и есть Бог, который буквально заставил Еву надкусить плод. А почему?

— Почему?

— Да потому, что хотел научить человечество женской красоте, раскрыть ему глаза. И сразу после этого возникла любовь, созидание, творчество, ибо творить может только влюбленная душа. В силу этого змий становится спасителем человечества, первым и основным символом бессмертия. И я преклоняюсь перед змеем! Что? Ты не согласна?

Нет. Оля и не собиралась противоречить. Она размышляла над тем, почему Оболенский ведет такой разговор. Он фанатик религиозной символики? Или философские разговоры для него — один из способов затащить женщину в постель? Странный способ. Не слишком ли сложный?.. Босс говорит, что нужно быть проще, и к тебе потянутся люди. Вот она и сидит, потягивает ликер — сама простота и наивность. Наверное, скоро Оболенский перестанет развивать теории и начнет переходить к практическим действиям: попросит раздвинуть ножки... Черт! И это тоже нужно будет записывать на диктофон?!

Ну нет, твердо решила Оля. Пусть Надька расхлебывается с ним сама. Ей это в кайф.

Ольга отхлебнула из рюмки и покосилась на коренастого типа, который стоял у стойки и уже минут десять не сводил с нее масляных глаз.

— Считается, что из-за Евы на род людской обрушились все беды и несчастья, — глухо говорил Оболенский. — Некоторые идут дальше и утверждают, что беды и несчастья обрушились на человека в момент создания самой Евы — женщины. И это уже не смешно. Хочется плакать.

Голос Оболенского стал мягче, бархатнее. Проникновеннее. «Началось», — подумала Ольга.

— Женщина... Без нее в сердце царит одиночество, чувства опустошены, и ты обречен на поиски пары. И только рядом с женщиной можно почувствовать себя мужчиной и ощутить свою силу. Символ Бога — круг, а символ женщины — перечеркнутый круг. Древние знали, что женщины ближе к Богу, потому что больше полагаются на чувство. Особенно те, которые пробуют творить из живого еще более живое: подруги, жены, возлюбленные... Особенно возлюбленные. Они дарят любовь и ве-

дут к бессмертию. Это важнее всех условностей морали, которые тоже являются символами, но самого низкого порядка. Надеюсь, ты понимаешь, моя кошечка, о чем я?..

— Физкультпривет... кошечка!

Бохан уселся на стул рядом с Олей, схватил рюмку Оболенского и выпил ее залпом.

— Какая дрянь! — деланно возмутился он. — Разве можно пить это засахаренное пойло? Я должен... Нет, я просто обязан угостить тебя чем-нибудь более приличным. Эй, Майкл, неси сюда пузырек коньячку. Будем знакомиться. Такие красавицы нынче редкость, — он посмотрел на Оболенского. — Верно, боров носатый?

— У тебя плохие манеры, — холодно заметил Вадим.

Он потянулся к своей рюмке и выплеснул остатки ликера в лицо Бохана. Парень моментально среагировал, будто ждал нападения. Он уклонился в сторону, и брызги пролетели мимо, не оставив никаких следов.

— Что такое?! Дядя показывает свой норов? — осклабился Бохан. — Я и сам кое-что могу тебе показать. Только не думаю, что тебе это понравится!.. Не бережешь ты, дядя, свое здоровье. Не любишь ты себя.

«Нужно бы ударить его по губам, — подумал Оболенский. — С размаху, в кровь, пронзить окриком». Но на ум ничего не приходило, потому что слова знает только мудрость, а ненависть слов не знает.

— Вон отсюда! — прошипел Вадим Владимирович.

Бохан перестал улыбаться.

— А не пойти ли тебе самому?.. Пока не поздно, — с угрозой сказал он. — А то унесут на но-

силках, будешь потом всю жизнь ковылять на костылях. А то и вовсе с больничной койки не встанешь.

— Это он может. — Слева от Ольги уселся Патлатый Майкл. Он тоже уставился на Оболенского. — Бохан большой специалист по больничным койкам. — Парень перевел взгляд на девушку. — А также по кушеткам, кроватям, диванам, матрасам и просто коврам. Уникальный специалист. Все девушки так говорили. Сам слышал.

Вадим почувствовал страх. Нет, он не испугался угроз этих подвыпивших юнцов — просто отчетливо понял, что справиться с ситуацией не сможет. Это было унижительно. Ощущение было такое, будто его бросили в яму со связанными за спиной руками и все его попытки освободиться заканчиваются неудачей. А по краям ямы сотни зрителей, и все они смеются ему в лицо.

Вадим покосился на бармена. Конечно, можно было крикнуть, позвать на помощь, но это было унижением еще худшим, чем поражение в драке. Маленький мальчик просит о помощи... Зрители — взрослые дяди — спешат на выручку малышу. Катастрофа!

Больше всего на свете Оболенский боялся поражения при женщинах. Как теперь. И вместе со страхом в его сердце закипала ненависть к самому себе за трусость, за нерешительность, и вынести это было невозможно. Вадим привык быть победителем, у него были связи, деньги, влияние. Он знал, что в конце концов разберется с парнями, отыщет их: теплоход — не город. Но это будет потом, а не сейчас. А делать что-то нужно именно сейчас, иначе стыдно будет смотреть в зеркало.

Он поднялся со стула, красный как рак, кипящий от гнева, не знающий, что ему делать. Бо-

хан тут же повернулся к нему и сквозь зубы процедил:

— Это правильно. Тебе действительно пора уходить.

— А он сейчас и уйдет, — с наглой веселостью хохотнул Патлатый. — Сейчас попрощается с дамой и уйдет. Что ему здесь делать? Он чужой на этом празднике жизни.

— Зря вы так, мальчики, — сказала Ольга. — Нельзя забывать о вежливости.

Она была совершенно спокойна, и это удивило Вадима. Мало того, она вроде была рада конфликту и, казалось, едва сдерживает улыбку.

— Мальчики, попросите бармена поставить музыку, да погромче, поживее. Мы потанцуем, — сказала Ольга. — Вы не против, Вадим Владимирович?

Оболенский в замешательстве пожал плечами, а Бохан уже кричал бармену, чтобы тот включил что-нибудь покруче. Дама, мол, желает потанцевать.

С потолка грянул ударник, захохотал саксофон. Мелодия закружила между столиками, в проходах, над барной стойкой, ударила в зеркала, становилась все гуще. Ей было тесно, и она расправляла тугие крылья, и казалось, бутафорские водоросли над барной стойкой колеблются под ее волнами. Ольга поднялась со стула, чуть заметно подмигнула Оболенскому.

Бохан протянул свою лапу, приглашая Олю на танец. Кисть мясистая, толстые пальцы, покрытые редкими рыжими волосками. По-хозяйски тянется к плечу девушки.

— Пляшут зайки на лужайке, — загнусавил он. — Веселятся наши зайки. Вот какие зайки, зайки-попрыгайки...

Дотронуться до Ольги он не успел, потому что та неувловимым рывком оказалась вдруг возле него и заехала ребром ладони по горлу. Тот взревел, схватился за шею, чтобы выплюнуть острую, как шило, боль, лишающую его воздуха. И пока Бохан захлебывался кровью, Ольга перехватила бутылку ликера за горлышко и, коротко размахнувшись, вцепилась со всего размаху Патлатому в лоб.

Музыка гремела, как шторм. Звуки вскипали цветной пеной, ранили, как края жемчужных раковин. Оля кружилась между противниками, будто танцевала. Она чувствовала себя в своей стихии. Тело само знало, что делать. Сказывались уроки, полученные от Ли. Сейчас бы он похвалил ее. Или, наоборот, отругал за то, что она так затянула схватку. «Включайся сразу на полные обороты, — говорил он. — Игра противника должна закончиться не начавшись». Но Оле было весело. Только так она могла снять напряжение последних дней.

А Патлатый обмяк — качался, как тряпичная кукла на ветру, но не падал. Бутылка разлетелась вдребезги. Остатки ликера залили его цветную майку замысловатыми пятнами. Осколки брызнули дождем, и в Олиной руке осталось только горлышко с острыми неровными краями. О, это было интереснее, чем игры с коброй. Легче. Не нужно напрягаться. Просто отдыхаешь.

— Ты что, девка?! Очумела? Мы ж просто пошутили...

Высокий не отрывал глаз от «розочки». Ольга услышала, как щелкнула пружина ножа. Блеснуло лезвие. Парень вытянул руку вперед, целясь ей в живот, выкрикнул нечто вроде боевого клича и пошел в атаку. Глупый мальчик... Ольга подбросила горлышко бутылки в воздух, и, когда парень поднял

глаза, ударила его между ребрами. Высокий согнулся, закричал от боли. Теперь можно было достать до лица. Вот оно, с вытаращенными глазами, сведено судорогой страха, ясно обрисованы скулы и губы раскрылись, обнажая десны и зубы. А глаза широко раскрыты — смотрят на нее, но, кажется, не видят.

Пару дней ему придется провести в полной темноте, с повязкой на глазах. А что с Боханом?.. Ага... С Боханом все отлично! А Оболенский-то!.. Каков боец-молодец, а!

Вадим держал Бохана пальцами за ноздри и отвечивал тому затрепщину за затрепщиной.

— ...Это тебе за рюмку ликера!.. Это тебе за брова носатого!.. Это тебе...

Из глаз Бохана сыпались крупные слезы, щеки покраснели от ударов, а рубашка была залита кровью. Он пытался что-то сказать, но из поврежденного горла вырывались только стоны.

— ...Это тебе за хамство!.. Это тебе за...

Из глубины бара мчались официанты и бармен. «Опоздали, — с холодной усмешкой подумала Оля. — Все самое интересное уже закончилось. Осталось прибрать».

— Это тебе за угрозы! А это тебе — просто так, на будущее!..

Последняя затрепщина свалила Бохана на пол. Он откатился в сторону, прижимая руку к окровавленному лицу, и пополз на четвереньках между столиками к спасительному выходу. Оболенский не стал его преследовать. Он успокоил персонал бара — кончилась баталия, ребята, не волнуйтесь, все в порядке, — потом медленно, улыбаясь, подошел к Ольге, поклонился и поцеловал ей руку.

— Воительница! — сказал он. — Афина! Немезида! Я просто поражен.

Оболенский был словно в тумане. Мир вокруг него расплылся, и осталась только Ольга. В зал вбежали какие-то люди, что-то говорили, о чем-то спрашивали... Среди мутных, расплывчатых пятен лиц Оболенский вдруг узнал Анну Измайлову и этого парня — ее визажиста. Они схватили Олю за руки и потащили к выходу, кричали о каких-то фотографиях, но чтобы немедленно. И еще о какой-то змее, которую нужно забрать из каюты. На миг Оля вырвалась, схватила со стола свою пачку сигарет, а они опять захватили ее в плен и буквально понесли к выходу на руках.

В дверях Оля оглянулась и улыбнулась Оболенскому на прощанье.

— Мудрость и красота, — сказал Вадим Владимирович самому себе. — И сила. Единство в трех лицах. Богиня...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— ...Мальчики, попросите бармена поставить музыку, да погромче, поживее. Мы потанцуем... Вы не против, Вадим Владимирович?

Дальше пошел такой шум и треск, что Иван поморщился и выключил диктофон.

— И что было дальше? — спросил он.

— Ничего особенного, — Оля отошла от иллюминатора и уселась на кровать. — Разметала их, как детей. Тут набежал народ... Измайлова эта... Это ты ей Сати подкинул? Зачем? Одурел совсем?!

— Не твое дело! — огрызнулся Моховчук. — Ошибочка вышла... Забудь.

— Вряд ли босс одобрит твои штучки, а? Это же надо, так меня подставить!.. О чем думал хоть?

— Заткнись! — Иван достал сигареты, закурил, по обыкновению пуская колечки к потолку. — Что говорила Измайлова по поводу м-м... змеи?

— Ничего. Она в шоке. Не сообразила еще. Но сообразит, что никакой ошибочки не было. Фотографировать меня хочет. Умоляет. Для выставки какой-то. — Оля наморщила лоб. — Или показа моделей. Не помню точно. Через полчаса зайдет. — Девушка достала из сумочки зеркальце, посмотрела на свое отражение. — А Оболенский втюрился в меня по уши! Вот мерин! Тошнит!

— Ай-яй-яй... Не нравится ей Оболенский! Вы только посмотрите!..

— Не нравится! Крыша у него поехала, — Оля кивнула на диктофон. — Сам же слышал. Добро,

зло, красота, любовь, бессмертие... Молотит лишь бы что — мозги плавятся!

— Тебя босс не за мозги ценит, — усмехнулся Моховчук, — работай ножками, крути задницей — и помалкивай! Твое мнение никого не интересует!

— Все вы, мужики, сволочи. Ноли!

— Как это?

— Вот так, — объявила Оля. — Дырки от бублика! Полные ноли!

Она взобралась на кровать, скрестила ноги в позе лотоса, закинула руки за голову.

Иван насмешливо посмотрел на девушку. Ольга поменяла позу. Теперь она стояла на голове, вытянув ноги вдоль стенки каюты. Этакая тонкая индийская березка! Подружка решила не терять времени, но в этих гимнастических упражнениях Иван усмотрел глумливую насмешку. Тем не менее он промолчал, отвел взгляд.

Вообще Оля производила впечатление физически хрупкого, нежного создания. Казалось, дунет ветерок и унесет ее за тридевять земель в тридесятое царство. Только впечатление это было обманчивое. Внутри девчонки бурлил океан какой-то могучей внутренней энергии, готовой выплеснуться в любой момент шквалом ударов. А драться она умела, научилась у Ли. И этот внутренний жар, вечная готовность постоять за себя мешали Ивану относиться к Оле как к обыкновенной потаскухе, которую босс пригрел из сострадания. Хотя... Босс и сострадание!..

— Чем же плох Оболенский? Нам с ним работать и работать. Материал добротный, — возразил Иван.

— Ага. Один нос чего стоит!.. Будто и не нос это, а член... Жуткое зрелище!

— А ты хотела переспать с принцем. Да?

— Я не сплю с кем попало, болван!.. Надоело!

— Что тебе надоело?

— Все надоело. И ты тоже.

Оля спрыгнула на пол. Потом опять забралась на кровать и принялась ворчать о всяких мужланах, которые обращаются с девушками как с коровами, которых нужно заклеить, а сами и умеют-то только ножки бросать да курить в каютах без разрешения, а больше ничего, а туда же, мать их...

Иван заметил, как сжимаются и разжимаются Олины кулаки.

— Ладно, ладно... — сказал он, поспешно гася сигарету. — Надька займет твоё место. А ты больше на глаза Оболенскому не попадайся. Подмены он, надеюсь, не заметит, но видеть вас обоих сразу босс запретил.

— А с фотографиями как быть? Измайлова с минуты на минуту притащится. Я обещала.

— Сказал же, Надька тебя заменит во всем. Я уже ее предупредил. Сиди тихо со своей змеей. Вам вместе будет уютно...

— Что ж ты мне голову морочил!

Ольга спустила ноги с кровати и прошлепала к иллюминатору. Небо было ясным, облака растаяли, и солнечные лучи играли на волнах в догонялки. Высоко в небе, едва видимая в потоках света, кружила птица. Чайка, наверное. Ольга зевнула и, не стесняясь Моховчука, стала стягивать с себя сценический костюм. Затем бросила его на кровать, открыла дверцу встроенного шкафа, посмотрела на себя в зеркало.

— Хороша ягодка, — хрипло произнес Иван.

— Хороша Маша, да не ваша, — бросила Оля. — Ты ступай, ступай... Выпей чего-нибудь прохладительного. Вон как вспотел! С чего бы это?

Иван, стиснув зубы от нового унижения, поднялся со стула и направился к двери.

Когда дверь за ним захлопнулась, Оля тихо рассмеялась. Она еще немного покрутилась перед зеркалом, воображая себя то английской королевой, то привокзальной шлюхой, а потом забралась в постель и укрылась одеялом с головой, будто спряталась в скорлупе. Она хотела побыть в одиночестве.

«Все позади, и я опять на ноле. Детский дом, общага, Ли... Вокруг всегда столько людей, музыка, танцы... Время стирает эту мишуру и оставляет главное — былую любовь и радость, для которой не нужны пустые слова и натянутые улыбки, которая может обходиться только взглядами, молча».

А сейчас трудно даже представить, что когда-то Оля могла любить без оглядки. Ли больше нет, он приходит только при закрытых глазах, вместе с памятью. А стоит открыть глаза — маски, а в ушах — музыка и шипение Сати. И тогда кажется, что радость больше никогда не вернется, что она осталась позади, в прошлом, совсем в другом мире, который она попросту выдумала, как дети выдумывают прекрасные сказки.

Так и память. Она все приукрашивает, убирает противоречия, возвеличивает нюансы, наделяет их тайным смыслом. Сказка, всего лишь сказка... Но Ольга все равно радовалась этой своей сказке. Сердце ее было сковано холодом одиночества. Сердце слабло и замирало без тепла жизни и радости. И тогда она забиралась в постель, накрывалась с головой и начинала листать страницы памяти.

Толстый альбом жизни, распухший от множества картинок, иногда дешевых, захватанных, грязных, изображавших только страдание, а большей частью — ярких, красочных, солнечных. Знакомст-

во, годы ученичества, первые победы на первенствах по ушу, любовь к Ли... Эти картинки хранились внутри, в самом сердце. Ольга пересматривала их, останавливалась на какой-то странице, внимательно рассматривала одну картинку за другой, а затем могла или открыть следующую страницу, или вовсе захлопнуть альбом.

Иногда она даже плакала. А виделась ей дорога, по которой шагает Ли. Его одиночество такое же полное, как ее. Двигается он медленно, и нет у него никакой цели — никуда он больше, по своему обыкновению, не спешит, не смеется, не подшучивает, потому что давно уже мертв. Оля знала это наверняка, потому что видела, как его убили. И эта последняя картинка заставляет ее плакать — преследует, будто страница согнулась или смялась и теперь альбом открывается только на ней. Хлопок выстрела, удивленный взгляд Ли, пятно крови на груди — там, где сердце...

А вот у бредущего по серой дороге Ли лицо спокойное. Ни гнева, ни радости, ни удивления, ни боли, как в последние минуты жизни. Он смотрит со страниц на Ольгу, словно укоряет ее за то, что она сделала с его убийцами. А она не могла не отомстить! Она знала о разборках между спортивными кланами, знала упрямство Ли и его нежелание участвовать в грязных махинациях, знала об угрозах четверки. Ольга выследила всех четверых. И нанесла удар не таясь, на виду у всех.

Потом ей пришлось скрываться. Долго. Пока случайно не попала на цирковое представление. Моховчук бросал ножи. Тогда у него не было ассистентки, и Оля предложила свои услуги.

Как ни странно, Иван согласился. Нет, не потому, что ему позарез нужна была ассистентка. Моховчук был поражен сходством Ольги с Надей Бе-

резинкой — новой «звездочкой» своего знакомого. Этим знакомым оказался Владимир Бойко. В обмен на сотрудничество и послушание он предложил ей новый паспорт и новую жизнь.

«Мои законы понятны и просты. Мир перевернется, встанет с ног на голову, — обещал Бойко, — но тебя не найдут... Пока ты не нарушишь мои законы. Понятно?»

А законы Владимира Бойко совсем не были такими понятными и простыми. Они напоминали формулы сложнейших химических соединений, синтезом которых Бойко занимался в студенчестве. Одна молекула цеплялась за другую, вторая — за третью, образовывались цепочки и получалось соединение, которое могло быть и панацеей, и ядом. И Ольге пришлось на ощупь брести по этому лабиринту безоговорочного послушания, потому что каждый ее неверный шаг мог закончиться падением в пропасть. Оля видела смерть и знала, как легко ступить на серую дорогу забвения.

Это знание обрекало ее на одиночество.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Кирилл Антонов лично встречал Измайлову в «Домодедово», и это было удивительно. Еще более удивительным было то, что в руках он держал огромный букет алых роз.

— Глазам не верю... — пробормотала Аня. — Может, я сплю?..

Как большинство людей, считающих себя творцами и созидателями, идущими впереди серой толпы, Антонов был донельзя тщеславен и амбициозен. Он был хорошо известен за рубежом, где его коллекции одежды пользовались успехом. Модные журналы посвящали ему целые развороты, репортеры сражались за право взять у него интервью, многочисленные поклонницы охотились за автографами... Антонов привык быть в центре внимания, им восхищались, ему завидовали, его называли ведущим кутюрье. Призы, награды, почтительный шепот и цветы — охапки цветов после каждого показа. Он принимал эти знаки внимания как должное, сдержанно улыбался, снисходительно кивал, — но чтобы Кирилл сам, по своей воле, преподнес кому-либо хотя бы полевую ромашку!.. У него даже мысли такой не возникло бы! Но факт был налицо: Антонов стоял в зале ожидания с шикарным букетом в руках и напряженно вглядывался в лица прибывших пассажиров самолета. Аня попросила Юрика заняться багажом, а сама начала проталкиваться сквозь толпу к изнемогающему от нетерпения кутюрье.

— Фотографии! — вместо приветствия завопил Антонов. — Ты сделала снимки?

— Успокойся. Негативы у меня. Все в порядке, но, видишь ли...

— Когда на моем столе окажутся фотографии?

— Ну... Сейчас я поеду к Бернштейну... Думаю, часа через два, не раньше. Но дело в том, что...

— Возьми мою машину. Она на стоянке. Скажешь шоферу адрес, он мигом домчит. Или нет... Лучше на такси. Точно, на такси. Машина мне понадобится.

— Мне не нужна твоя машина. Меня должны встретить.

— Кто? Матвей?

— Да. А что?

— А ничего... — Кирилл Антонов продолжал всматриваться в толпу пассажиров. — Как, кстати, отдохнула?

— Спасибо, ты очень тактичен. А эти цветы для меня? Как мило!.. Не ожидала.

Она протянула руку к цветам, но Антонов вежливо отвел букет в сторону. Этого Аня никак не ожидала. От стыда она готова была провалиться сквозь землю.

— Где Кустодиева? — спросил Кирилл. — Почему я ее не вижу?

— Она осталась в Сочи, — с трудом скрывая раздражение, ответила Измайлова. — Сошла с теплохода последней, под вуалью. Мы с Юриком ее специально ждали. Никаких репортеров, никаких интервью. Села в машину и — выють... В аэропорту ее не было, это точно.

— Черт!.. Вот незадача... — Кирилл покрутил в руках букет, протянул его Ане. — Тогда это тебе.

— Спасибо, обойдусь! — отрезала Аня. — Слишком много чести для меня!..

— Да ладно тебе... — Антонов насильно засунул букет в руки Измайловой. — Мне нужно было

представиться Татьяне Кустодиевой. Сама же понимаешь — бизнес есть бизнес.

— Все мне понятно... — Аня раздумывала, выбросить ли ей цветы в мусорную корзину или же отхлестать ими Антонова по щекам. Однако публичный скандал не входил в ее планы, и она проглотила обиду. — Кстати, Кустодиева отказалась работать. На негативах другая модель.

— На черта мне другая модель?! — опешил Антонов. — Ты что?! Мне нужна Кустодиева и никто другой!

— Модель превосходна! То, что нужно. Умница, красавица, очень фотогенична. К тому же прекрасно двигается, танцует, имеет хороший голос... Даже дерется! Трех жлобов раскидала, как кегли. Я сама видела!

— Просто собрание достоинств, — поморщился Кирилл. — Такого не бывает! Дамы с таким количеством добродетелей обычно носят очки в роговой оправе, прячут под пудрой бородавку на носу и днями рассматривают альбом с карточками разлетевшихся кавалеров.

— Она не такая.

— Спасибо, успокоила!

— Увидишь фотографии — тогда и скажешь «спасибо».

— Не дождешься! Ты все испортила. Как мне ее раскручивать?! И зачем?! — Антонов был в ярости. — Та была уже раскрученная «мисс Россия», протеже Оболенского!.. Как ты не понимаешь элементарных вещей?! Кустодиева — это Оболенский, Оболенский — это деньги, а деньги — это стопроцентный успех!.. А ты мне подсовываешь никому не известную мордашку, пусть даже очень симпатичную... Конец проекту! Ты меня зарезала, убила!.. Хуже того — ты перечеркнула итог двухлетней рабо-

ты — и очень напряженной работы, поверь мне! Эх, елки-метелки!..

— Надежда Березина... Так зовут девушку.

— Мне плевать! Я и запоминать это имя не хочу.

— А вот Оболенскому не плевать. Он ее Наденькой называет!

— Что?

— И еще кошечкой, рыбкой и золотцем. Вот так! Кустодиева уже не в почете. Он ее продал немецким парфюмерам. Теперь он опекает Наденьку. Просто бредит ею. Так что если хочешь добраться до толстого кошелька Вадима Владимировича, тебе придется запомнить это имя. Надя Березина. А вон и она. Рядом с Оболенским. Под ручку. Заметь, нос у Оболенского, как помидор.

Гнев Антонова испарился. Он лихорадочно оценивал сложившуюся ситуацию, выгоды, которые он может извлечь, и варианты предстоящих действий.

— Березина, Березина... — пробормотал Кирилл. — Не звучит... Нужно придумать псевдоним. Это вон та, брюнетка?

— Да.

— Извини!..

Антонов выхватил букет у Измайловой и на крейсерской скорости поплыл к приближающейся паре.

— Мерзавец! — прошипела Анна.

Она круто развернулась и, кипя от злости, направилась к выходу из зала, где уже с сумками в руках маячил Юрик.

— Ну что? — поинтересовался тот. — Антонов утвердил Березину?

— Негодяй!

— Кто? Я? — опешил Юрик.

— Подонок!

Анна с белым от ярости лицом прошла мимо, ни-

чего не ответив и не объяснив. Юрик пожал плечами, схватил сумки и помчался за ней.

Она остановилась только у автостоянки, огляделась, ничего не видя вокруг себя, окутанная досадой, как вуалью. Из серебристого «Фольксвагена» выскочил Матвей. В руках у него был букет.

— Это мне? — на всякий случай спросила Измайлова.

— Кому же еще?! — Матвей вручил Анне букет, обнял, поцеловал. — Как долетела? Как похोдила по морям-океанам?

— Спасибо! — растаяла Аня. — Все прекрасно. Только меня чуть змея не слопала.

— Какая змея?

— Потом, потом... — Аня вдохнула аромат цветов. — Чудесно!.. Спасибо, милый. Иногда так хочется чувствовать себя женщиной, а не ломовой лошастью.

— Змеи, лошади... Господи, да что с тобой?

— Ничего. Просто я устала, — она прижала букет к груди. — Какие прекрасные розы!..

* * *

Именно таким Надя и представляла себе жилище колдуна. Поистине, это была самая удивительная комната, в которой ей приходилось когда-либо бывать. Вадим называл ее «Пещерой темных знаний». И это было действительно так.

В отличие от пышного убранства верхних помещений, эта комната была нарочито грубой: потемневшие от времени доски, серая штукатурка, прикрытая старинными гобеленами, камин из неотесанного камня...

— Ах, какая прелесть!

Со стропил свисал самый настоящий крокодил, огромный, с разинутой зубастой пастью, со стеклянными глазами рубинового цвета. В отсветах настенных светильников казалось, что чудовище заговорщицки подмигнуло девушке.

Кроме чучела крокодила были тут чучела птиц — павлинов с радужными хвостами, хохлатых попугаев, отливающих ультрамарином ворон, мелких, размером с жука, пичужек разных расцветок. Все они чуть заметно колебались под волнами вентилятора, смотрели на гостью пристально — оценивали. А между ними болтались в пучках, привязанные за хвосты, высохшие ящерицы, саламандры, лягушки.

— Настоящая пещера средневекового алхимика! — восхищенно произнесла Надя. — Духи неба, земли и воды... И это в двух шагах от города! Ой, а это что?!

В стеклянных витринах были разложены кабаны кльки и львиные когти, клюв утконоса и слоновый бивень, рога носорогов, буйволов, антилоп. А над витринами красовались головы снежного барса, и памирского архара, и уссурийского тигра...

— Ой, да ты у меня охотник! — всплеснула руками Надя. — Зверобой! Всех этих зверей ты убил сам?

— Я охотник за истиной, — скромно ответил Оболенский. — Я не убийца.

— Но эти чучела?..

— Поиски истины требуют соответствующего антуража, моя рыбка. Художник творит среди картин, писатель — среди книг, музыкант — среди звуков. Даже ассенизатор выбирает себе подходящую обстановку.

— Фу, котик!..

— Специфика работы, моя дорогая. Без этого — никак нельзя.

— Понятно...

Надя прошла мимо комнаты мимо круглых гнезд диких ос, мимо африканских скульптурок, мексиканских идолов, индийских божков, соломенных масок и капюшонов, которыми должны накрывать головы медиумы во время транса, когда их забирают в свои владения многоликие божества. Амулеты, талисманы, заспиртованные в банках гадюки, сосуды темного стекла с растолченными в пыль кореньями, пучки сухих трав, свисающих, как скальпы поверженных врагов...

— Ой, Вадик! Сколько книг!..

Полки вмещали в себя тысячи книг. Были здесь новые, еще пахнущие типографской краской издания, но большинство книг прошли через время. Они были на разных языках, разного размера и толщины, и от них тянуло плесенью, а некоторые побуревшие кожаные переплеты были прикованы к полкам цепями.

Сумрачность библиотеки внушала благоговение и беспокойство. Надя поежилась. В своем летнем, пожалуй, даже чересчур открытом платье она вдруг почувствовала себя неуместной среди этих томов.

— Это книги о магии?

— О магии?.. Скорее о потерянной, забытой духовности, о благословенных временах, когда христианство еще не завладело миром. Это книги о временах, заселенных демонами, духами, присутствием мертвых, эманациями вечности... — Оболенский вещал загробным голосом: то ли шутил, то ли действительно испытывал благоговение. — Смутные, разрозненные знания, осколки бывшего великолепия. Индийские брахманы, пифагорейцы, древние иудеи, египетские маги, гимнасофисты, даже шаманы Край-

него Севера, друиды Британских островов, мексиканские колдуны... Забытый, потерянный мир.

— Наверное, это был чудесный мир.

— Да, чудесный. Тот мир был насыщен гармонией чуда, тонким присутствием потусторонних сил, и нужно было их постичь, позволить им проникнуть в сердце, завладеть разумом. Делалось это при помощи магии. — Надя заметила, что в голосе Вадима исчезли шутливые нотки. Оболенский был серьезен, торжествен и строг. — Только магия позволяет воздействовать на природу сил, приводящих в движение гомеопатию. Ах, белочка моя! Смешно смотреть на потуги современной науки! Истинная мудрость неуловима, преходяща, ускользаема — она выше всех измерительных приборов.

— Неужели ты прочел все эти тома?!

— Все, — кивнул Оболенский. — Но секрета так и не нашел. Увы.

— Ты совсем как Бойко. Тот тоже все время ищет какую-то древнюю книгу. Про магию.

Вадим удивленно приподнял брови.

— Про магию?

— Да, — улыбнулась девушка. — Выписывает книги бог знает откуда, все читает, читает, а потом выбрасывает книгу в мусорку. Иногда даже рвет в клочья. Не то, мол. — Надя опасливо оглянулась, подошла к Вадиму, прошептала на ухо: — Я сначала думала, что он какую-нибудь формулу ищет. Он ведь химический факультет закончил, виды подавал, мог стать большим ученым... А потом поняла, что дело здесь не в химии. Он с мертвыми разговаривает. Ей-ей! Я сама слышала. Может жару или дождь наслат. Или болезнь. Сказать по секрету, я его немного побаиваюсь.

— Неужели? — недоверчиво улыбнулся Обо-

ленский. — Такая отважная воительница, танцующая с кобрами, — и боится какого-то там... Забыл, как его...

— Бойко, — все тем же шепотом подсказала девушка. — Владимир Семенович Бойко. И он не какой-то там... Ох, зря я тебе про него сказала!

— Ты поразительное создание! С тобой не соскучишься... И ты все время такая разная... Не понимаю.

— Чего?

— Перемен твоего настроения. На теплоходе ты была одна, потом стала другая. Странно даже!

— А какая лучше? — Надя кокетливо улыбнулась, скрывая свою растерянность: неужели Вадим заметил подмену?.. — Какая из нас тебе милее: та, другая, или вот эта?

Она раскинула руки в стороны, словно для объятий, приподнялась на цыпочках, стройная, сверкающая молодостью в полумраке «Пещеры», сильная и желанная.

— Обе хороши, — выдохнул Оболенский. — И все они — ты! Иди ко мне, моя кошечка!.. Дай-ка я тебя обниму.

— Ах, котик!.. — жеманно наморщила носик Надя. — Только не здесь... Я здесь не хочу.

— А что ты хочешь? — Нос Оболенского, красный, пористый, уже навис над глубоким декольте. — Хочешь звездочку с неба? Нет?! А сама хочешь стать звездочкой? А-а, вижу, вижу!.. Хочешь! И правильно. Я сделаю тебя звездочкой, настоящей звездой! Твои портреты — везде, тебя будут узнавать в лицо, тебе подражать, тобой восхищаться... Хочешь?

— Ах, котик!..

— Иди сюда, на диван... Давай присядем, моя волшебница! Моя колдунья! Фея!

— Ну Вадим!.. Не нужно. Я боюсь.
— Чего? Я же с тобой!
— Среди этих книг... Среди всей этой магии... Ну... Мне кажется, что на меня смотрит Бойко. Понимаешь?!

— Господи, да кто такой этот Бойко? Ну-ка рассказывай, что это за тип! Я начинаю ревновать!

«Зацепила, — улыбнулась Надя. — Сработало. Главное, теперь не переборщить, а то не поверит. А от постели, похоже, не отвертеться... Ну и ладно. Это даже интересно. И еще одно интересно: про «звездочку» он мне обещал серьезно или так — бахвалился?... А если серьезно?! Но — потом, потом... Сначала дело».

— Бойко мне говорил, что ревность породил Бог. Когда он вылепил Адама из глины, то через некоторое время создал из огня ему жену. Но Адам не мог выдержать огромную температуру, он стал ревновать жену к огню, и в конце концов жена ушла от него. Адам мучился, грустил, и Бог, поняв свою ошибку, создал Адаму новую жену из его же ребра. И они стали жить дружно.

— Понятно, не зря написано в Библии: «Плоть от плоти», «кость от костей». Молодец твой Бойко. Если послушать его, то оказывается, у Адама было две жены. Я же свою первую жену отправил в Италию.

— А вторую?

— А вторую? — игриво улыбнулся он. — Вторую — подбираю. Как учит твой Бойко.

— Бойко знает все, что происходит на земле, в воздухе, в морской пучине... — еле слышно произнесла Надя. — Родители хотели, чтобы он получил хорошее образование...

И она со вздохом, медленно легла на спину.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Родители хотели, чтобы он получил хорошее образование», — вспоминал Оболенский Надин рассказ. У них были возможности и средства, поэтому Владимир Бойко получил образование за рубежом. Там он якобы и увлекся тайными науками, глубоко скрытыми в архаических каньонах и потерявших смысл традициях. Сначала он покупал брошюры с дешевыми рецептами, как приворожить возлюбленную или наслать чуму на недруга, как оградить себя заговоренным кругом и управлять погодой. Но все это были вздорные выдумки дилетантов, ничего не смыслящих в древних искусствах. Владимир оказался в тупике. И тогда появился человек в сером. Именно он научил Владимира таинствам Великой Ночи, ритуалам заклинания Князя, пророчеству, предвидению... В подземных храмах неофиту было рассказано, как общаются духи и люди, как живут демоны, что любят, как завладевают душой и телом. Он постиг страх, искусство трансформации предметов...

— О небо! — вздохнул Вадим. — Какая чужь!

«Этот тип совсем заморочил девушке голову. А ведь она верит этому бреду. Верит и боится Бойко, как провинившаяся собака боится своего хозяина. Так дело не пойдет! Девушка должна принадлежать только ему, Оболенскому, бояться только его и любить тоже только его!»

Вадим Владимирович сидел в своем кабинете за огромным столом из красного дерева — «саркофагом», как его называли редакторы. Неимоверные

размеры стола символизировали мощь и незыблемость издательства «Олма-пресс». Но все это было фикция, обман, иллюзия, потому что издательство было создано исключительно с одной целью — отделять зерна от плевел.

Внешне все выглядело вполне респектабельно: солидный интерьер, картина Мане в холле, ковровые дорожки, широкий перечень наименований издаваемой литературы, большой оборот. Но хозяйственных расходов издательство не несло. Весь штат составляли пять психологов, занимающих должности редакторов, бухгалтер, именующий себя финансовым директором, старушка-экспедитор, чаевничающая на складе в подвале, и секретарша. Предприятие было ширмой, прикрывающей от посторонних глаз интерес Оболенского к мистическим учениям.

Вадим Владимирович посмотрел на часы. Через пятнадцать минут начнется совещание редакторов.

«А если парень действительно что-то умеет? Если за путаными речами испуганной девчонки скрывается толика истины? Вдруг впервые за эти годы он натолкнулся на нечто существенное — на то, ради чего он открыл издательство? Что, если Бойко — маг?»

— Глупости, — сказал своему отражению в глубине полированной поверхности стола Вадим. — Слишком много «если».

По роду своей деятельности он не раз встречался с людьми, которые утверждали, что открыли источник вечной молодости или секрет бессмертия. Этакie проходимцы с физиономиями профессиональных магов: прямой греческий нос, густые брови и хищный взгляд. Обычно они носили длинные волосы — заплетали их в косички или перевязывали

кожаными ремешками с амулетами. Обязательный атрибут — борода, но негустая, с проседью, часто искусственной. Зато усы — пышные, залезают на верхнюю губу, и это даже хорошо, потому что улыбки этих типов омерзительны: хищные, чуть презрительные, многозначительные и зубастые. Почему-то у доморощенных магов всегда отвратительные зубы.

Несколько раз Вадим, по «наводке» редакторов, принимал подобных фанатиков и, бывало, даже чуть не покупался на их выдумки. Они приходили со своей книгой с заклинаниями против злых духов или с действенными рецептами против старости, они бережно клали отпечатанные листки на стол и, вежливо улыбаясь, будто разговаривали с ребенком, сообщали, что с рукописью нужно обращаться с пониманием и опаской. Потом, между прочим, они рассказывали о том, как изгоняли бесов из своих одержимых друзей, как это было опасно для непосвященных, но человеку знающему бояться нечего: мир духов тоже подчиняется законам, и они, маги, эти законы знают.

Оболенский иногда не понимал, верят ли они сами в то, что говорят. Он вежливо прощался с такими авторами, пускал их рукописи по обычному «бумерангу» и больше о встрече не вспоминал. Однако, если в мире существуют маги, они должны как-то себя проявить: выйти на прессу, что ли. И тут-то Оболенский их вычислит. Магия, как вино, а вино молчит только в закупоренных бутылках.

Вадим Владимирович усмехнулся своему отражению. Он вспомнил, как неделю назад редакторы привели к нему одного типа с рукописью о том, как легко и просто создать в домашних условиях го-мункулуса. Автор утверждал, что инструкции опи-

саны детально и гомункулус украсит любое жилище наподобие симпатичного мопса.

Действительно, рецепт создания гомункулуса оказался чрезвычайно простым. Нужно было собрать в трехлитровую банку немного человеческой спермы, смешать ее с выделениями беременной коровы, потом настаивать смесь сорок дней, пока, наконец, в банке не начнет сгущаться фигурка крошечного человечка. В этот момент банку с зародышем следует поставить в темное место и ждать еще два месяца. А в начале третьего месяца из нее вылезет чудесный коротышка, который никогда не умирает.

— Вот так-то, брат, — сказал Вадим. — Никогда! И бессмертие — единственный вопрос, на который следует искать ответы.

— Вадим Владимирович, — раздался из интеркома голос секретарши. — Редакторы собрались.

— Я пока занят. Совещание начнем через пять минут. Что еще?

— У меня несколько писем от читателей.

— Издательство «Олма-пресс» не интересуется читателями, — напомнил Оболенский. — Нас интересуют только авторы.

Действительно, издательство прекрасно обходилось без читателей. Оболенский без сожаления хоронил в «саркофаге» детективы, боевики, фантастику и прочее чтиво, которое могло бы при разумной постановке дела принести прибыль. Но не деньги интересовали Оболенского. Деньги у него были. Другое дело авторы, интересующиеся вопросами бытия и духа, серьезные авторы, поднимающие серьезные вопросы. Именно таких людей искал Вадим Владимирович, просеивая через сито своего издательства.

Система была предельно проста. Через прессу

и телевидение начинается рекламная кампания издательства. В сети шумихи обязательно попадается несколько крупных рыб. Они присылают аннотации, развернутые синопсисы или сразу всю рукопись целиком. Материал попадает в руки редакторов. Как правило, редакторы просматривают рукопись «по диагонали», после чего отдают ее секретарше, в обязанности которой входит придать листкам бумаги потертый и затасканный вид. Затем редакторы встречаются с авторами, трясут «зачитанной до дыр» рукописью и сообщают тем, что они создали нечто потрясающее, что редактор просто рыдал над строчками всю ночь напролет, что получены самые восторженные отзывы. Но, к великому сожалению редактора и всех рецензентов, автор создал вещь, опередившую время на века. Во время этого спектакля автор цветет как майская роза и начинает рассказывать о себе самое сокровенное.

Система опроса выстроена таким образом, чтобы редактор мог легко оценить степень значимости автора, понять, представляет он интерес для Оболенского или нет. Во втором случае после беседы редактор сетует на некоммерческий характер произведения, на отсутствие мощностей и бог весть еще на что. Автору возвращается рукопись, и двери издательства перед ним закрываются навсегда.

В случае если автор заинтересовал редактора, ему устраивают встречу с Оболенским. В кабинете, за «саркофагом», Вадим Владимирович ставит окончательный диагноз автору и определяет судьбу его опуса. До сих пор Оболенскому не попадалось ничего стоящего. Однако, дабы сохранить престиж издательства и заманить в сети новых авторов, Вадим Владимирович не выбрасывал рукописи в кор-

зину. Он придумал систему «бумеранга», по которой автор сам издает и сам покупает свое произведение.

Технология была прекрасно отлажена. После встречи с Оболенским автор снова попадал в руки редакторов. Ему еще раз сообщали, что вещь опередила время, и поэтому массовый читатель книгу не примет, следовательно, издательство не получит прибыли. Короче говоря, издать свыше трех тысяч экземпляров никак нельзя. Однако если автор согласен принять на себя расходы по изданию хотя бы тысячи экземпляров, то можно подписать договор на десяти тысячный тираж.

Как правило, автор соглашается, и через месяц-другой книга выходит — в блеске рекламы, с биографией автора во всех подчиненных Оболенскому газетах, с хвалебными отзывами нанятых литературных критиков. Автор считает себя причисленным к Парнасу, он в сонме гениев, где-то рядом с Пушкиным и Достоевским. Однако он не знает, что вместо десяти тысяч экземпляров отпечатана всего тысяча. Из этой тысячи двадцать экземпляров пойдут автору, а чуть меньше пятисот как благотворительная помощь, вычитываемая из налогов, будут распространены между больницами, школами, тюрьмами.

Еще через несколько месяцев автор получит письмо, в котором с прискорбием будет сообщаться, что творение действительно опередило время и потому оказалось нераспроданным. Издательству необходимо освободить склады, в связи с чем оставшиеся пятьсот экземпляров предполагается пустить во вторсырье. Автору предлагается выкупить эти экземпляры.

После бессонной ночи и горестных стенаний большинство авторов соглашаются и выкупают свои

книги. В итоге получается, что автор полностью оплатил расходы по производству тысячи экземпляров, причем пятьсот экземпляров было оплачено вторично. При этом издательство, не затратив ни копейки, выдало зарплату всем сотрудникам, заплатило за аренду помещения и даже отложило некоторую сумму на свой счет.

Как ни странно, ни один из авторов не поднимал шума. Похоже, они были счастливы приобщиться к лучам Парнаса. Точно так же ни редакторы, ни сам Вадим Владимирович никаких угрызений совести по поводу столь явного надутельства не испытывали. Они продавали счастье, и это помогало им заниматься поисками знатока магии.

«Мне нужно встретиться с Бойко, — твердо решил Вадим Владимирович. — Надя нас сведет. Этак случайно. И сегодня же. Посмотрим, что из себя представляет этот тип».

* * *

— Вот, шлюхи!.. Ничего не стыдятся!

Иван поправил стержень направленного микрофона, чтобы убрать шумы, и опять откинулся на спинку кресла. Он сидел на террасе загородного дома Бойко и слушал разговор Оли и Нади.

Последнее время девушки близко сошлись: босс попросил их пожить здесь, за городом. «Отдохнете, позагораете, поплещетесь в бассейне, поправите здоровье»... Ха! Очень заботит его их здоровье! Он хочет, чтобы они были под присмотром. Иначе зачем посадил сюда его, Ивана, всучил этот дурацкий микрофон и попросил чуть что — докладывать?! О чем

докладывать-то? О том, как они голые нежатся в бассейне и обсуждают свои сексуальные привычки?

Моховчук поднял бинокль, приложил к глазам.

Волосы Надежды — более светлого, рыжевато-го оттенка... Особенно это заметно на лобке. А глаза темнее. И загар ровнее. Надя часто загорала обнаженной, и бледные полосы от купальника не были заметны. Но эту разницу мог заметить только тот, кто не раз видел девушек вместе, причем обнаженными.

Иван на миг оторвался от бинокля, надвинул соломенную шляпу на глаза и сделал еще один глоток из бокала. Бокал был массивный, старинный, из толстого зеленого стекла. Босс любил вещи с историей. Говорил, что они имеют душу. Глупости, конечно. И вообще босс занимается неизвестно чем... После прослушивания диктофона с голосом Оболенского Бойко всерьез увлекся изучением литературы о магии. Все дела забросил — сидит, читает, что-то выписывает... Иногда такое выдаст — в дрожь бросает.

На гнутых стенках бокала было выгравировано изображение змеи, кусающей себя за хвост. Это символ божественной мудрости. Черт!.. У самого уже крыша едет от всех этих магических вывертов!

Моховчук вновь прильнул к биноклю.

Грудь у Надьки упругая, еще девичья. Отчетливо видно, как скатываются по ней капельки воды, и оттого светло-коричневые соски бухнут, начинают наливаться крепостью. Это зрелище несказанно завораживает, как магнитом притягивает взгляд Ивана.

— Я чувствую, что тебе это все не нравится, — донесся из наушников голос Нади. — А мне в кайф.

Мы разные, хоть и похожи как две капли воды. Не любишь ты мужиков.

— Не люблю, — согласилась Ольга.

— Значит, тебе женщины нравятся? Я, например?

Надя протянула руку, коснулась сосков подруги, начала поглаживать их, водить вокруг них кончиками пальцев, наконец охватила груди ладонями и до боли сжала их. Оля вскрикнула и оттолкнула протянутую к ней руку.

— Женщины мне тоже не нравятся, — словно ничего не произошло, ответила Оля. — А ты... Ты, как мое отражение. По городу проезжала, глазам не верила — везде мои фотографии расклеены. Прямо как сон. Потом дошло, что это же ты, это же тебя решили сделать знаменитостью некоторые длинноносые товарищи — не будем называть фамилии.

— А ты ревнуешь?

— Тьфу на тебя! Глупости. Меня от этого Оболенского тошнит.

— А зря. У него есть несомненный талант. В постели он не имеет себе равных. Уж ты мне поверь, я знаю, что говорю... Когда он в ударе, то придает любовным утехам такой шарм...

— Шарм?! Любовные утехы?! Господи, где ты слов-то таких нахваталась?

— С кем поведешься...

Иван поставил бокал на столик и протер платком вспотевшие ладони. Ему почему-то подумалось о белых пляжах далеких островов, о том, что надо бы навести порядок в квартире — выкинуть к черту все спортивно-туристическое барахло и свить этакое уютное гнездышко, ловушку для ночных бабочек. Чертовы шлюхи! Но фигуры у них!.. А талии! Ах, сучки!.. Совсем стыд потеряли...

— И конечно же, ты считаешь меня шлюхой?

— Не мне тебя судить, — пожала плечами Оля. — Ты ищешь счастья и многим жертвуешь ради его достижения. Это я понимаю. Мне и самой приходится... Н-да... Но думаю, не следует заходить в своем самопожертвовании слишком далеко...

Надя рассмеялась. Иван замер. Тело девушки лучилось свежестью. Она скрестила руки за головой, и ее груди поднялись вверх, соски торчали в разные стороны. Ивану невольно вспомнился случай, когда во время предвыборной президентской кампании студентки Новосибирска вывесили плакаты, на которых было написано: «Девки! Отдадим наши голоса и тела Явлинскому!»... Вдруг он услышал, что девушки заговорили о нем самом.

— Иногда ты похожа на Ивана, — подавив смех, сказала Надя. — Для него все женщины — шлюхи и потаскухи. Он глуп и мелочен. Кстати, знаешь, Вадим показал мне книжку, старую такую, слова с твердыми знаками на конце... Так в ней было написано, что моховой — это маленький дух зеленого или бурого цвета, живет во мху и наказывает тех, кто собирает ягоды в неурочное время.

— Быстрее бы он нас отпустил, — буркнула Оля. — А-то все мучает да мучает. Сегодня хотела в город смотать — не пустил. Козел! Так и врезала бы! Нет, не люблю я мужиков.

— А любила когда-нибудь?

— Когда-то, давно. Он был самый добрый.

— Он тебя бросил?

— Нет. Его убили... Ах, оставь! Радуйся, что вокруг тебя мужики выются как пчелы. Не злишься, что Бойко тебя в постель к Оболенскому толкнул?

— Никто меня в постель не толкал! Владимир Семенович был даже против. Хотя ему женщины — до лампочки. Лишь бы выполняли его указания. Он только деньги любит. Станный тип. И что ему нужно от Вадима?..

— Деньги, что же еще. Глупая ты. Наивная.

— А Вадиму нравится моя наивность. Он такой милый.

— Милый женатый потаскун.

— Его жена больна... Навсегда. А меня он любит. Он сам этого не знает, а я вижу — любит. Вижу также и то, что ему нравится секс, особенно когда он приправлен легким налетом насилия. Почему бы мне не пойти навстречу его желаниям?!

— Почему бы и нет, — безразлично поддакнула Оля.

— Сегодня утром предложил переехать к нему. Чтобы видеть меня каждый день. Хочет, чтобы я жила в его доме на положении... любовницы, что ли.

— Наложницы...

— Какая разница! Все женщины живут или на положении любовницы, или на положении рабыни. Зато не каждой предлагают весь мир.

— А что говорит Бойко?

— Он не знает. И вообще...

Надя замолчала, прикусила пухлую нижнюю губку, словно по наивности и доверчивости чуть не выдала страшный секрет.

— Ну, что в рот воды набрала?! — подтолкнула ее Ольга.

И Надя все рассказала своей подруге.

Та сидела в шезлонге, строгая, невозмутимая, щурилась от солнца, а Надя говорила и говорила без умолку. Она была не в силах остановиться, потому что ей нужно было поделиться с кем-то этой своей

тайной, разделить предвкушение скорой радости, а рассказать все она могла только Оле. Она была ее богиней и царицей. Даже больше — она была для Нади как старшая сестра, с которой можно было говорить о чем угодно, говорить свободно, не таясь. Ведь сестра никогда не отстранится, не отгородится утрюмым молчанием, предоставив самой разбираться со своими трудностями. Надя верила, что Оля всегда поможет, делом или советом, потому что она сильнее, потому что она знает о жизни все. За ней как за каменной стеной.

— Ты пока ничего никому не говори... — лихо-радочно шептала девушка. — Уйду я от Бойко. Скоро. Давай со мной! Жалко расставаться. Мы с тобой как сестры. Вадим не будет против. О деньгах не думай. Он богатейший человек. Один из самых богатых людей в стране. И он очень умен. И он доверяет мне. Поэтому позволяет делать все, что я хочу.

— И ты пользуешься этим? — с интересом спросила Оля.

— А что в этом такого?

Иван подался вперед, поправил наушники. Разговор становился более чем интересным.

— Если Бойко узнает о твоём уходе, он тебя убьет, — сказала Оля. Сказала просто, без угроз, как факт. — Помнишь Свету Родину? Она на подтанцовке была...

— Ну. А при чем здесь Бойко?

— Не знаю. Может, и ни при чем. Странно просто... Очень много совпадений. Она ведь тоже собиралась завязать с Бойко. И вдруг — пузырек кислоты в лицо. Тут невольно призадумаешься...

Надя фыркнула, не поверила, а Ольга замерла, сама испугавшись своих слов. Теперь она была по-

хожа на мраморное изваяние. Только капельки воды продолжали стекать с волос на грудь. В глазах испуг. Даже над верхней губкой от волнения выступили мелкие бисеринки пота.

— Бойко — странный человек, это правда, — снисходительно улыбаясь, произнесла Надя. — Я его почти не знаю, хотя работаю у него уже тысячу лет. Но никогда не поверю, чтобы он докатился до пузырьков с кислотой! Неужели ты в самом деле думаешь, что Бойко...

— Ничего я не думаю, — отвернулась Оля. — Сижу вот, загораю.

Надя поняла, что не дождется ответа и замолчала, начала разглядывать маникюр на руках. Не нужна ей была правда о смерти Светы Родиной. И Ольге тоже не нужна была эта правда. Она жалела о сорвавшихся словах и злилась на Надино молчание. Пусть бы Надя рассмеялась, пусть бы назвала последней душой, сказала, что Бойко — милейший человек, рубаха-парень, что ни на что такое он не способен даже в мыслях и любые догадки такого рода лишены каких-либо оснований. Ольга готова была поверить любой лжи, лишь бы успокоиться, лишь бы увериться, что Бойко ничего не сделает ее подруге, отпустит с миром. А если босс и задумает какую каверзу, то Вадим Владимирович сумеет оградить Надю от всяких бед. Но Надя молчала. А когда осмотрела лак на всех пальчиках, как бы между прочим, как о чем-то несущественном спросила:

— Ты не скажешь Бойко о моих намерениях?

— Почему это тебя так волнует? Что с того, если он и узнает? У тебя ведь есть Оболенский!

— Я прощу тебя... Еще не время. Бойко затеял какую-то игру против Вадима. Я не хочу в этом участвовать. Я поговорю с ним. Потом. Или, луч-

ше, тихонько исчезну — и все. Только ты пока ничего никому не говори.

— Ага!.. Значит, ты все-таки его боишься?!

— Ничего подобного! Но я многим ему обязана. Не хотелось бы уходить со скандалом. Не скажешь?

— Выкинь все из головы, глупыш. Я ничего не слышала. Делай как знаешь.

— А ты? Давай со мной, а?

— Я не могу. Ты — птичка свободная, а у меня крылышки подрезаны. Эх!.. Пустой разговор. Давай лучше купаться!..

Ольга вскочила на ноги. Юная, прекрасная, с разметавшейся по плечам копной черных волос, дерзкая от сознания своей неволи. Она подошла к краю бассейна и нырнула в голубую воду. А Надя сидела в шезлонге, обхватив лицо руками.

— Вот, дрянь, — процедил сквозь зубы Моховчук. Он пододвинул к себе телефон и начал набирать номер босса.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— ...Вот, значит, как... — задумчиво произнес Бойко. — Наша восходящая звездочка решила махнуть крылышками и покинуть курятник? И это в самый ответственный момент! — он сокрушенно покачал головой. — Нехорошо, очень плохо...

— Крылышки можно и подрезать, — глядя на часы, заметил Иван. — А то и вовсе вырвать. С корнем.

— Не забегай вперед! — осадил Моховчука Бойко. — Насилие — лекарство слабого, и прибегать к такому средству нужно в крайних случаях. Пока ограничимся разговором. — Он заметил взгляд Моховчука, брошенный им на часы. — В чем дело? Ты куда-то торопишься?

— Остановились, что ли?.. — Иван потряс рукой, приложил часы к уху. — Сколько времени, босс?

— Половина второго. А что?

Часы у Бойко были очень дорогими. Это было заметно сразу. Платиновый корпус и браслет, шестигранный циферблат с крошечными алмазами...

— Хорошие у вас часы, босс. Дорогие, наверное?

— Пожалуй. Так куда ты торопишься? Не на свидание?

— Гадину эту нужно кормить, — поморщился Иван. — Гамадриаду. И зачем вы держите ее в своем кабинете?! Босс, вы бы поручили кормежку кому-нибудь другому! Сил моих нет... Как гляну на это чудовище — дрожь пробегает!

— Привыкай. Змеи, как женщины: требуют терпения и правильного обращения. Кстати, я слышал,

на теплоходе какая-то история со змеей вышла?

— Корзину по ошибке не туда занесли, — солгал Моховчук. — Змея чуть не удрала, пассажиров перепугала до смерти... Но все обошлось. Поймали голубушку.

— По ошибке, да?

Иван похолодел. Если босс узнает, что никакой ошибки не было, а все было спланировано для того, чтобы убрать свидетельницу, то... Иван даже представить себе не мог, что будет. Ничего хорошего бы не предвиделось. Босс не прощает промахов, а Иван уже дважды промахнулся: засветился во время истории с этой Родиной, а потом не смог убрать свидетельницу. Ошибки нарастали как снежный ком.

— Чистая случайность, — стараясь сохранять спокойствие, ответил Моховчук. — Дурацкая история. Не стоит обращать внимание. Лучше скажите, что делать с Надькой?

— Пока ничего делать не нужно. Надя — умная девушка. Она поймет, что лучше доиграть роль до занавеса, чем сойти со сцены посреди первого акта.

— Не пойму, босс... — Иван вздохнул с облегчением: инцидент со змеей был пройден. — Что за игру вы ведете?

— Игру стоимостью в миллион. Ты хоть представляешь такую сумму?

— Ну... Именно миллион?

— Эти деньги Оболенский может собрать за сутки. Я наводил справки... Поскрипит, поднатужится, но соберет. Миллион зеленых — это, конечно, не три миллиона. Зато никаких проблем в будущем!

— Три миллиона лучше, чем один, босс. Если Оболенский за день может собрать миллион, то за три дня соберет три миллиона, а за неделю...

— Пошло-поехало... Ишь, раскатал губу! Загонять человека в угол тоже нельзя. Себе дороже. Но три миллиона, действительно, лучше, чем один... Только в этом случае Оболенский будет жаждать крови, потому что получит взамен совсем не тот товар, что ожидал. Нас ждут проблемы...

— А с девками? — кивнул Иван в сторону бассейна. — С ними нас тоже ждут проблемы?

— Да, с ними тоже будут проблемы, — Бойко поднял глаза на помощника. В данном случае от Ивана не было никаких секретов. Владимир Семенович доверял ему, полагался на него с тех самых пор, как тот разобрался со Светой Родиной. — Тебе эти проблемы придется разрешить... Кардинально.

— Значит, на девушках можно ставить крест? — уточнил Моховчук.

— Надя играет главную роль, значит, и Оля будет в курсе всего сценария... Когда занавес опустится, их длинные языки могут доставить нам большие неприятности. Поэтому я говорю — да: большой и жирный крест. Имей это в виду.

— Понятно. О чем тут говорить?..

— Вот-вот... Говорить тут не о чем. А насчет девушек... Сможешь поставить на них крест по первому моему сигналу? А не станет тебе их жалко, таких молодых и свеженьких?

Иван скривил губы. Да, совсем еще молодые, свеженькие, но... Для них он дурак, козел и прочее, и прочее... Так что ставить большой и жирный крест будет даже приятно.

— Девчонок-то? Не жалко.

— Тогда пока все. Бизнес есть бизнес. Так что ни о чем пока не думай, но помни. А сейчас сосредоточься на предстоящей ночью акции. Изучи план дома, схему проводки... Не мне тебя учить. Все должно пройти гладко. Это очень важно! От этого зависит

успех всего дела: поверит мне Оболенский или нет. Завтра мы с ним должны встретиться, поэтому кровь с носу, но с электропроводкой разберись! Надей-ка нам немного выпить. И...

— И что?

— И не хмурься так — радуйся. Понимаешь?

— Нет, босс, — честно признался Иван.

— И хорошо. Просто радуйся, что дела у нас идут прекрасно. Я даже сам не ожидал, что ситуация сложится так благоприятно, — Бойко усмехнулся. — Черт! Мне иногда обидно, что никто по достоинству не может оценить мой труд. Я чувствую себя художником, творцом. Как объяснить слепцу, что такое картина? Немного синего, немного желтого, немного красного... У дилетанта получится мазня, а у мастера — шедевр. Эскиз готов: Оболенского мы зацепили, подогнали к самой ловушке. И в этом твоя помощь просто неоценима. Да! И я хочу тебя отблагодарить...

Бойко снял с руки часы и протянул их Ивану.

— Я заметил, они тебе понравились. Очень точный ход. Теперь ты с точностью до доли секунды будешь знать, когда кормить кобру.

Иван посмотрел на циферблат.

— «Картье»?

— Да, — кивнул Бойко. — Очень удачная модель. Знаменитая. Между прочим, осталась без изменения с тысяча девятьсот четырнадцатого года.

— Дорогие часы...

— Захочешь — обменяешь их на «Мерседес», — улыбнулся Владимир Семенович. — Но ведь ты не захочешь. Куда тебе ехать? Или тяга к путешествиям еще не исчезла?

Иван смутился. Поистине, боссу было известно о нем все. Неужели он знает и о промахе с Измайловой?! Нужно решить вопрос с фотожурналисткой! И как можно быстрее.

— Мне нужно подготовиться к ночному визиту, — сказал Иван и спросил: — Я свободен?

— Да, — кивнул Бойко. — Не подведи. Будь осторожен! Дом Оболенского, как крепость. Внутрь не лезь! Мне удалось достать схему сигнализации... Все продумай, а теперь ступай. И позови ко мне Надю.

* * *

Отношения между Бойко и Надей всегда были сугубо деловыми. Разговаривать с ней и держать себя в рамках было далеко не просто. И дело здесь было вовсе не в симпатиях и антипатиях, не в робости, нахальстве или неумении держать себя с женщинами. Мужчинам всегда было сложно разговаривать с Надей. У нее был особый дар.

После первых же общих фраз даже самый фанатичный женоненавистник в конце концов переставал контролировать свои поступки и терял голову. Безмятежная, с невинной ангельской улыбкой, Надя неосознанно бросала сексуальный вызов. Она вызывала в мужчинах смутное беспокойство, нетерпение, желание что-то доказывать, совершать самые идиотские поступки.

Бойко это понял сразу, давно, с самых первых минут знакомства, когда совсем еще девчонкой она пришла на отборочный конкурс и подняла на него свои огромные глаза. «Я спою песню про любовь, — сказала она. — Вы не против?»

Конечно же, Владимир был не против. Тем более что голос у Нади был, была пластика и желание учиться. Бойко принял ее в подготовительную группу, но общение ограничил до коротких, сугубо

деловых указаний и не менее коротких разговоров, тоже сугубо деловых. Любовных интрижек со своими подчиненными он себе не позволял.

В ходе работы им приходилось часто встречаться, и Владимир надеялся, что в конце концов привыкнет к мощным потокам сладких грез, излучаемых девушкой. Но привыкнуть так и не удалось. Когда Надя подходила к нему, медленно покачивая бедрами, томно проводя рукой по своим темным, с рыжеватым оттенком волосам, Бойко иногда терялся — он просто забывал, что хотел сказать. Речь путалась, а разговор терял логику, скатываясь на глупости.

«Все дело в ее железах и гормонах, — находил оправдание Бойко. — Эта девка умеет вести разговор двумя способами: словами и телом. И каким телом!.. Этого ни один мужчина не выдержит».

Действительно, все в Надежде будило сексуальные желания: не только расцветающее тело, но и нарочито медлительная походка, отточенная небрежность жеста, живая мимика, поза, запах и даже лукавый блеск в глазах и чуть заметная улыбка. Конечно же, ей было над чем смеяться! Она была далеко не душой и наверняка знала, какое воздействие оказывает на мужчин. Только ей не приходилось прилагать к этому никаких усилий. Улыбка с ямочками на щечках, несколько «ахов», ожидание в глазах — и мужчина сам вешал себе ярмо на шею. Все происходило само собой. Это шло изнутри, было состоянием ее души, ее сущностью.

В дверь постучали, небрежно, едва слышно, указательным пальчиком. Она! Владимир Семенович откашлялся.

— Входи, Надя! К чему эти церемонии?!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— ...И вот она вывалилась из корзины... — рассказывала Аня. — Шлеп на пол, капюшон нараспашку — и все. Толстая, противная, жуткая и... У меня эпитетов не хватает.

— Ужасающая, — подсказал Матвей, — свирепая, огромная, кровожадная.

— Да, — кивнула Аня. — Именно. А я стояла как дура, и думаю, сейчас цапнет — и прощай время, здравствуй вечность. И обидно мне так стало. Ничего ведь в мире не изменится: по-прежнему будет волноваться море, сиять небо, гудеть теплоход. Но без меня. Был человек, и нет человека. Все так буднично и просто. Вот это и было самым страшным. Ожидание... И пустота.

Матвей кивнул и поставил фужеры на журнальный столик. Он достал из бара бутылку, налил вина и протянул один фужер Ане. Затем Матвей вновь примостился на кровати, потому что все стулья в квартире были завалены какими-то вещами, свертками, пакетами, коробками.

— Ты б навела здесь порядок!.. Ногу поставить негде.

— Да, да... Как-то нужно собраться. Ты же знаешь, последний месяц я почти здесь не бывала. Удивительно, что моя хойя не завяла. Даже не помню, когда поливала ее последний раз. Бедняжка...

По стене, на натянутых лесках, вьющееся растение упорно тянуло свои ветви с восковыми листьями к окну. Невнимательность хозяйки только уси-

ливала его стремление к солнцу и жизни. Листва становилась все гуще, даже уже начала заплетать настенный светильник.

Свет бра, пробиваясь сквозь зеленую сетку стеблей, расцветчивал комнату самым удивительным образом. На стенах и потолке плясали фантастические узоры, и все фотографии, прикрепленные кнопками к обоям или просто разбросанные по комнате, казались разглядывающими хозяйку и ее гостя.

Вон надменно выпятила нижнюю губку детская мордашка; в руках у девчушки кукла, которую она не променяет ни на что на свете. Чуть ниже, в светлой металлической рамке, застыл в задумчивой неприступности старик; даже трубка в его руках перестала дымиться, потухла, а он этого и не заметил — размышлял. На журнальном столике, рядом с бутылкой, изготовилась к прыжку спортсменка; рядом, на краю стола и на табурете, смотрели исподлобья какие-то подозрительные личности: небритые, спившиеся, потерянные. На полу, на подоконнике, на шкафу — всюду лица, лица и лица. Молодые, старые, смеющиеся и скорбные... И все это — судьбы, а комната — город, вместивший в себя радость и слезы своих обитателей.

— Почему ты рассказываешь мне об этой истории только сейчас, спустя столько времени? — спросил Матвей.

— Не хотелось вспоминать, — Анна пригубила вино, посмотрела на фужер, любуясь рубиновыми бликами на хрустальных гранях. — А сейчас почему-то вспомнилось. Интересно, как змея оказалась в моей каюте? Мы с Юриком так и не выяснили. Правда, особо и не старались: работы было по горло. Надя — прекрасная модель, но она — глина, еще не

фарфор. Я с ней завела разговор об этом случае, но она ничего толком и не сказала. Чудно... У меня сложилось впечатление, что ей неприятно упоминание о змее. Впрочем, мне тоже. Но... Вот сейчас я уже постепенно прихожу в себя, могу спокойно вспоминать эту кошмарную историю. Но чем яснее я вспоминаю, тем больше вижу странностей и нестыковок. Вот я и спрашиваю: а случайно ли ко мне в каюту попала эта кобра? Не хотели ли меня спровадить на тот свет?

— Так я и знал! — Матвей хлопнул себя по колену, чуть не расплескав вино. — К этому все и шло! Как только ты впервые заикнулась об этом случае, я понял, что ты вляпалась в очередную историю. У тебя просто дар привлекать к себе убийц и насильников. Я — единственное исключение. Правда, все шишки, предназначенные тебе, валятся почему-то на меня. И к батареям меня приковывали, из пистолета в меня стреляли, душили, травили, взрывали машину... Думаю, на этот раз убийца не даст промаху и уколошит меня обязательно. Ты будешь приносить цветы на мою могилку?

— Матвей, мне не до шуток.

— Ладно, — Матецкий допил вино одним глотком и поставил фужер на столик между фотографиями спортсменки и бомжа. — Давай разберемся. Итак, тебя хотели убить. Кто?

— Да кто угодно, — дернула плечом Аня. — Например, соседка с верхнего этажа. Я уехала на лифте перед ее носом. Правда, на теплоходе я ее не видела.

— Значит, соседка отпадает. Кто следующий в списке?

— Откуда мне знать?!

— Так... Тупик, — Матвей озадаченно поскреб затылок. — Значит, мы взялись за расследование

не с того конца. Давай лучше попробуем определить мотивы убийства. Кому в последнее время ты крепко насолила?

Аня задумалась, начала что-то бормотать про себя, загибать пальцы для памяти. Когда она загнула восьмой палец, Матвей понял, что и этот метод не принесет никаких результатов. Он и сам готов был убить прямо сейчас человек десять. Например, гаишника, который ни за что ни про что содрал с него штраф. Чем не мотив?

— Давай сузим круг подозреваемых, — предложил он. — На теплоходе плыли в основном люди, каким-то образом причастные к шоу вокруг «мисс России»? Покушение на убийство, если таковое имело место, мог устроить только кто-то из них. Это первое. Согласна?

— Мне не нравится твое «если имело место»!

— Я забираю его назад.

— Тогда согласна.

— Прекрасно. Второе: убийца должен тебя знать и иметь на тебя зуб, иначе преступление не имеет смысла. Невозможно вычислить пассажира, который так, походя, без особой причины, а просто от скуки подкинул тебе змею. Это уже никакое не покушение на убийство, а невинный розыгрыш со смертельным исходом. Так?

— Ну, так... Наверное.

— Значит, и ты должна знать убийцу! — закончил логическое построение Матвей. — Было бы странно, если бы убийца тебя отлично знал, а ты его — нет.

— Пока все логично, — кивнула Аня.

— Осталась ерунда. Нужно составить список всех известных тебе типов, которые путешествовали вместе с тобой, и вспомнить все, чем ты могла им напакостить!

— Да я с половиной корабля перезнакомилась!

— Нет. Убийца должен был знать тебя до турне.

— Тогда это Юрик! Пойду ему позвоню и спрошу, за что он меня хотел прикончить. Может, к Шорохову приревновал?.. — Она было вскочила на ноги, но на полпути к телефону остановилась, а потом вернулась на место и сказала: — Нет, погоди... Опять тупик. Не мог Юрик этого сделать. Он же со мной рядом был. На него, собственно, кобра и напала.

— А может, это Юрика хотели убить?

— Может... Ой, я совсем запуталась!

— Тогда нужно еще выпить, — потянулся к бутылке Матвей. — Истина, как известно, в вине. Хм... — он потряс бутылку. — Почти пустая. Н-да... Но ничего. Давай-ка сюда свой бокал и пошли на кухню. Я приготовлю тебе «Желтую подводную лодку». Сам изобрел.

Анна протянула свой бокал и покорно пошла следом за Матвеем. Она была растеряна, чувствовала себя школьницей: будто сидит она за партой и не понимает ни бельмеса, а у доски строгий и мудрый наставник расставляет точки над «i».

— Покушения... Потоки крови... — бормотал Матвей. — Иногда мне кажется, что истребление ближнего своего — это основное занятие рода человеческого. Мы думаем, мы поступаем, мы живем исходя из возможности и желательности убийства. Черт, где же сливки... Ага, вот... Прекрасно, а теперь нам нужен лимон...

— Лимон в нижнем отсеке, рядом с консервами.

— Так, вот он... Н-да... Режем, наливаем вино, добавляем, размешиваем, немного какао... Мне нужен куриный желток. Где у нас яйца?

— На верхней полке дверцы.

— Ага... Нашел.

— Не верю я, что покушались на Юрика, — Анна сбросила с табурета на пол хозяйственные сумки и уселась за стол. — Хотела бы поверить, но...

— Держи, — Матвей протянул Ане фужер, наполненный мутной взвесью коричневого цвета. — Задраить люки! К погружению все готово. Мелкими глоточками, не торопясь...

Аня взяла фужер. Руки предательски дрожали: она с трудом отпила несколько глотков и удивленно посмотрела на коктейль.

— Ты уверен, что это можно пить?

— Проверено, — авторитетно заявил Матвей. — Мин нет. Пей и забудь о своих страхах.

— Может, это был какой-нибудь маньяк? — с надеждой спросила Анна. — У нас недавно в подъезде убили девушку. Следовательно считает, что это был маньяк-убийца.

— Так... Расследование стихийно продолжается, — покачал головой Матвей. — И опять ведет в тупик. Тогда убить тебя мог любой на корабле, потому что все люди в какой-то мере маньяки-убийцы. Наверняка ты сама не раз мысленно желала своим недругам смерти: продавщице, которая тебя обсчитала, небритому мужлану, который норовил схватить тебя за бочок... Мысленно, потому что между мыслью и поступком существует граница. Но как определить того, кто перешел грань?

— К чему ты ведешь?

— Я пытаюсь понять психологию убийцы, — пояснил Матвей. — Раз мы не можем разобраться в мотивах, то попробуем нарисовать психологический портрет преступника. Вдруг ты узнаешь в нем кого-нибудь из своих знакомых.

— Все мои знакомые — приличные люди. Они и мухи не обидят!

Нервное возбуждение схлынуло, и по телу разлилось приятное тепло. Даже дрожь в руках прошла. «Удачное название для коктейля, — подумала Аня. — «Желтая подводная лодка». Будто погрузилась я на дно, спряталась и осматриваюсь через перископ». Действительно, то ли от коктейля, то ли от чуть саркастических, но рассудительных построений Матвея, Анна почувствовала себя увереннее.

— Мне нравится твоя вера в светлое и доброе, — сказал Матвей. — Но такой подход к делу нас никуда не приведет. Давай-ка погрузимся еще на пару футов...

Аня послушно отхлебнула из фужера.

— Итак, рассмотрим, какими чертами характера должен обладать твой предполагаемый убийца. Во-первых, он не хочет в тюрьму.

— Никто не хочет в тюрьму, — заметила Аня.

— Поэтому можно сказать, что убийца смел, решителен и умен. Умен, потому что не попался, а смел и решителен, потому что догадался проверить номер с коброй. Просто мастер!

— Мастер?! Вижу, ты им восхищаешься.

— Нет, конечно, но... Преступление требует мастерства. Убийство — дело тонкое, почти искусство, которому нельзя предаваться без удержу, по интуиции, без оглядки на законы жанра и уголовного кодекса. Кобра в каюте! Надо же! Почти Агата Кристи! Очень элегантно, с умом, интеллигентно и изящно. Кобру в тюрьму не посадишь и у нее не спросишь, кто заказчик. Убийство чужими руками. Вернее, зубами. Умные люди так и поступают. Кстати, а кто имел доступ к змее?

— Надя. Это она танцевала со змеей. Еще... У нее еще была напарница, но я ее не видела. То есть видела, но мельком или в гриме.

— Кто еще?

— Любой, у которого был ключ от каюты девушек. А замки на корабле... Сам знаешь. Я сама могла бы открыть любую дверь вот этой замочком.

— Н-да... Опять тупик, — помрачнел Матвей. — Я как-то просматривал статистику нераскрытых преступлений... Это впечатляет. Может, нам махнуть куда-нибудь... за бугор? На всякий случай, а?

Аня отвела взгляд и посмотрела в окно. Луны не было, и на небе ярко и чисто мерцали звезды. Аня попыталась разглядеть знакомые созвездия, но ничего не получалось: звездыплыли, кружились. Наверное, сказывалась глубина погружения на «Желтой подводной лодке». А не прибавить ли еще парочку футов?! Тонуть так тонуть!

— Если со мной хотят покончить, найдут и за бугром, — мрачно констатировала Анна.

— Понятно... А эта Надя... Французы говорят: ищите женщину. Может, это ее происки? У тебя не было какой-нибудь интрижки с Надиными поклонниками? Нет? Жаль... То есть что это я?! Очень хорошо. Но вариант с женщиной отпадает.

— Не понимаю... Последнее время я никому не переходила дорогу, не охотилась ни за какими секретами, ничего не видела, не слышала...

— Может, ты и видела что-то, но не отдаешь себе отчета. Попробуй вспомнить что-нибудь странное, что-то особенное, из ряда вон выходящее. Ну? Что или кто тебя удивил за последнюю неделю?

— Ну... Надя удивила. Я тебе говорила... Понимаешь, самое верное впечатление от человека возникает в течение первых трех минут знакомства. Когда я увидела, как Надя раскидала этих парней, а потом зашла в мою каюту — и раз: схватила кобру между головой и капюшоном, та даже дернуться не успела. Да ловко так!.. У меня составилось одно впечатление. Но буквально через час, когда мы начали с ней работать, ее будто подменили. Исчезла жесткость, порывистость, сила... Зато появилось такое мощное женское обаяние, что даже Юрик стал расточать комплименты. Жесты, пластика движений, походка... «Ахи» и «охи». Мне не верилось, что эта девушка только что заталкивала разъяренную кобру в корзину.

— Напоминает историю доктора Джекила и мистера Хайда, — скептически заметил Матвей. — Надю мы внесли в список странностей. Кто тебя еще поразил?

— Больше, пожалуй, никто...

— Может, на твоих глазах что-нибудь произошло и ты это, по своему обыкновению, сфотографировала. И теперь убийца охотится за негативами.

— Я половину корабля перефотографировала. Ну и что? На корабле-то никого не угробили! Единственная ценность — это Надины портреты... Но они и так висят на каждом углу. Ничего особого в последние дни не происходило: ни дома, ни на работе... Хотя... погоди. У нас в подъезде девушку убили. Помнишь? Мы с тобой заехали ко мне за вещами, ты еще три чашки кофе у меня выхлебал, пока я собиралась в дорогу. Ну, с меня еще допрос снял этот старший лейтенант Коломбо, м-м... Агеев. Стажер с ним еще был, нахальный такой. Все за локомоток меня норовил уцепить.

— Помню, помню. И что?

— Помнишь, когда мы подъехали к подъезду, все окна на этаже были темными?

— Не помню.

— Нет, ты вспоминай, вспоминай! Ты еще что-то пошутил про дом с привидениями.

— Да, точно. Окна не горели.

— А как только мы остановились, окна начали загораться. Мы еще подумали, что шум мотора всех на ноги поднял.

— Да, помню.

— А ведь это музыка всех разбудила. Из квартиры убитой. Значит, ее включили в тот момент, когда мы подъехали.

— Да... Наверное.

— Не наверное, а точно! — с торжеством вскричала Аня. — Все понятно! Все ясно как божий день!

— Да что тебе ясно?

— Я видела убийцу! — понизила голос Аня. — Столкнулась в подъезде с каким-то мужиком крайне подозрительного вида. Он торопился, чуть с ног меня не сбил! Понятное дело: убегал с места преступления!

— И кто это был?

— Он не представился, а видела я его мельком. Но при встрече узнала бы.

— А на теплоходе ты его видела? На палубе, может, гулял, зловеще ухмылялся, поджидая момент?

— Нет. На палубах его не было. Точно, не было.

— А на балу?

— Не видела я его.

— Ну, вспомни!

— Как я могу вспомнить, если на балу все были в масках?!

— Значит, опять тупик...

Анна одним залпом допила «Желтую подводную лодку» и потянулась к Матвею.

— Я устала, — сказала она. — Мне так хочется спать.

— Конечно.

Матвей обнял ее, прижал к себе.

— Мне все время снятся змеи, — пожаловалась она. — Даже засыпать боюсь. Эти зубы, язык, глаза...

Она что-то бормотала про стеклянный стол, и про Юрика, и про то, что ночь слишком долго длится. Речь ее становилась все глуше, неразборчивее. А потом Аня замолчала, тихонько засопела — заснула. А Матвей лежал и смотрел в темноту, чувствуя приближение беды, и думал о том, как ее предотвратить.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Трехэтажное здание из красного кирпича стояло посредине лужайки, которую пересекали несколько узких пешеходных дорожек и выложенный плиткой подъездной путь, шедший из-за холма от магистралей.

Слева от дома пряталось в тени деревьев одноэтажное оштукатуренное строение, где размещался обслуживающий персонал: повар, уборщики, охранники. Вся территория была окружена высоким кирпичным забором и просматривалась телевизионными камерами, сигналы от которых поступали на мониторы охранников, по очереди дежуривших в домике обслуживающего персонала. По ночам периметр забора через каждый час осматривался одним из охранников с собакой. Одним словом, свое жилище Оболенский охранял надежно.

В светлое время суток нечего было и пытаться проникнуть в дом незамеченными. Другое дело ночью. Ночью приходилось опасаться только охранников и собаки. Поэтому Бойко назначил операцию именно на начало ночи, когда бдительность охранников еще низка, а темнота уже служит защитой.

Иван остановился и, не выходя из машины, снял с себя серый костюм, рубашку, носки. Надел все черное: черное трико, черную шапочку-маску, туфли-тапочки с твердыми подошвами и мягкими носками — в таких удобно взбираться на стену, опираясь на вбитые клинья. Потом он распаковал свертки, сложенные в рюкзак. Клинья, молоток, моток тонкой прочной веревки, пластиковая взрывчатка, радио-

управляемый запал... Кажется, все, что может понадобиться.

Дело казалось простым, как скакалка. Прыгал он когда-нибудь через скакалку? Пожалуй, да. В детстве. Веревка как веревка — вервие простое. Хотел бы повторить? Только не сейчас — сейчас у него другие игры. Моховчук вышел из машины и направился к дому Оболенского, туда, где деревья парка вплотную подходили к забору.

Забор он перемахнул легко, тихо прокрался по лужайке и, спрятавшись в тени деревьев, оглядел здание уже вблизи. На всех окнах первого этажа решетки. Парадный вход с мраморными ступенями освещается прожекторами. А электрический кабель входит в дом почти над самым крыльцом... Добираться до него от парадной двери было бы безумием. Кто-нибудь из охранников обязательно увидит. Значит, наиболее реальный путь — взобраться по отвесной стене торца, лишенной окон, на крышу, оттуда, прячась в тени, спуститься на веревке до кабеля и установить крошечную мину.

Просто, как скакалка...

Рюкзак Иван закрепил так, чтобы тот был на груди: в нем были все необходимые инструменты, которые понадобятся во время подъема. Он вплотную подошел к торцовой стене, вынул первый клин и вбил его на высоте пояса — замер, прислушался. Тихо. Он оперся правой ногой на вбитый клин и подтянулся, цепляясь опытными руками за каждый выступ в кирпичной кладке, — для бывшего циркового артиста, каким был Иван, любой неровности было достаточно. Так, вбивая клин за клином в швы между кирпичами, подтягиваясь по стене наверх, страхуя себя на отвесной стене продетой сквозь отверстия в клиньях, как сквозь ушко иглки, бечевкой, Иван поднимался все выше и выше.

Неожиданно внизу раздался собачий лай. В стороне, между деревьями, проходил охранник, и доберман, почуяв запах чужого, залаял. Охранник остановился, осветил стену фонариком. Лучи скользнули по распластанной на фоне стены черной фигуре Ивана, но не задержались на ней.

Освещение парадного входа сыграло с охранником дурную шутку. Благодаря прожекторам на торцовую стенку падали причудливые черные тени от толстых ветвей растущего неподалеку дуба. Одетый предусмотрительно во все черное, Иван показался охраннику, не ожидавшему увидеть ничего сверхординарного, просто тенью ветви. Собака полаяла, а потом начала кружить по траве, вынюхивая следы постороннего. Охранник выругал добермана за пустобрехство, и собака вынуждена была уступить давлению жесткого ошейника.

«Идиот, — подумал Иван, глядя вслед удаляющемуся лучу фонарика. — Дать бы тебе совет на будущее: больше доверяй собаке, чем людям. Собаки редко ошибаются... Но ведь дуракам советы не нужны. Так что ходи счастливым».

До крыши оставалось всего ничего. Трудно было на самом переходе между стеной и крышей: проблему создавал небольшой выдающийся над стеной карниз. Тут помогли цепкие, тренированные пальцы, гибкая спина, хорошая координация. Поистине, работа в цирке не прошла даром. Вцепившись пальцами в карниз, Иван мощным рывком подтянулся, зацепился ногами и со стоном перевалился через окаймляющую крышу невысокую стенку. «Черт бы побрал архитекторов этого особняка, — подумал Иван. — На кой черт нужно было создавать такие ненужные архитектурные излишества?»

Вдалеке, со стороны домика для персонала, слышался стук дверей, собачий лай: охранник за-

кончил обход и загонял пса в вольер. Моховчук дождал, пока охранник скроется в домике, и приступил к основной фазе операции.

Закрепив бечевку на крыше, он спустился по стене до электрического кабеля. Затем, продолжая висеть на одной правой руке на высоте в десять метров, он закрепил на кабеле пластиковую взрывчатку, осторожно вставил микровзрыватель. Теперь стоило Бойко нажать на кнопку дистанционного взрывателя, как раздастся небольшой, едва заметный взрыв. Однако кабель перережет, как ножом. Так что с босса причитается премия. Впрочем, Бойко платил вполне достаточно, чтобы вести безбедную жизнь. Можно было бы уходить на покой уже сейчас. Но это было не в характере Ивана. Он предполагал поработать с боссом еще лет десять. Во всяком случае, пока он в отличной физической форме. А от болезней после сорока никто не застрахован. Там и поглядим, подумал Иван, вновь забираясь на крышу.

Он вернулся прежним путем. Спускаться было легче, чем подниматься, однако приходилось распахивать и складывать в рюкзак клинья. Следы в растворе между кирпичами останутся, но заметить их можно будет только специально приглядываясь. Отталкиваясь большими пальцами ног от стены — ступни могли оставить следы, способные вызвать подозрение, — Иван поправил закрепленную наверху веревку и большими прыжками, от клина до клина, скользил по стене.

Как и в жизни, иронизируя над собой, подумал Иван: то карабкаешься вверх, столько усилий предпринимаешь... то стремительно падаешь вниз. Впрочем, в данном случае его спуск — это своего рода подъем: каждый метр спуска по отвесной стене поднимает его финансовый счет у Бойко.

Опустившись на мягкий травяной газон, он при-

слушался. Кажется, обошлось. Теперь нужно было уничтожить последний след — веревку. Он щелкнул зажигалкой. Сделанная из специального, очень прочного и быстро сгорающего материала, веревка мгновенно занялась. Ниточка огня вспорхнула к самой крыше и потухла, осыпаясь пеплом. Иван перекинул рюкзак за плечи и бегом бросился к забору.

Только переодевшись и упаковав в мешок свое снаряжение, он почувствовал, как смертельно устал. И как чудовищно хочет есть. Но оставалось еще одно дело. Иван завел машину и поехал в город. Адрес Измайловой он помнил наизусть.

* * *

Сон все не шел. Небо затянули тучи, и в окно с дробным треском начал хлестать дождь. Матвей осторожно вытащил руку из-под Аниной головы, на цыпочках прошел на кухню, закрыл за собой дверь.

Очень хотелось курить, но курить нельзя — Аня не выносила табачного дыма. «Обойдусь, — решил Матвей. — Проявлю волю и выдержку». Матвей попытался улыбнуться, но ничего не получилось.

«Великолепие великосветского времяпрепровождения всегда восхищало венценосца весельем венского вальса».

Странная буква «В». Очень изысканная и деликатная. Похожа на женские груди. Вид сверху. Или на ягодицы. Вид снизу, что само по себе уже совсем не так изысканно и деликатно.

«...Вдруг враждебный вихрь ворвался в волны венского вальса. Все видоизменилось...»

А еще это очень бесовская буква: вакханалия,

великаны, вампиры, ведьмы, водяницы, вой, всхлипы, визг, вопли... И вечность. В букве «В» собрана вся ночь. Вон она... Крадется за окном, как волосатый вурдалак с мокрой, дымящейся от сырости шкурой, осторожно заглядывает в темные прямоугольники окон, скалится на запоздалых прохожих, снующих между его мокрых лап. А вдоль обочин текут мутные ручьи. Город. Огромный город, над которым безраздельно властвует ночь. Матвей уже давно стал ненавидеть слова, которые начинались с буквы «В».

«Странно, но ночью я перестаю чувствовать себя венцом творения и хозяином этого мира. Блекнет уверенность в своих силах, тает определенность, нарушается порядок во всем, а причины и следствия меняются местами. Значит, неопределенность и страх порождает темнота? А ночь — это всего-навсего отсутствие света? Но ведь это не так. Тогда квадрат — отсутствие круга, а смерть — отсутствие жизни?! Или же смерть — иное состояние, неразрывно связанное с жизнью? Как ночь и день? И кто-то непонятный, с мокрыми лапами, пытается перевести Аню из одного состояния в другое. И если у него это получится, для меня наступит ночь. Навсегда».

Матвей, вздохнув, отвел взгляд от окна, ступая босыми ногами по холодному полу, подошел к газовой плите и напился из чайника, прямо из носика. Свет он не зажигал. Страшно было даже подумать — зажечь свет. Тогда он будет весь на виду, и тот, с мокрыми лапами, сможет смотреть на него из-за дождя неоновыми пятнами фонарей, оставаясь невидимым и неуязвимым.

«Уехать! Кинуть все и умотать к черту на кулички, спрятать Аню от вурдалаков и водяных, защитить, уберечь... Но куда бежать? Мир, оказывается,

такой тесный... Бежишь по нему, будто топчешься на одном месте, а спина твоя на весь горизонт, беззащитная, уязвимая. Сам погибнешь и Анну не спасешь... Странно даже, что где-то там, далеко, или совсем рядом, под окнами, бродит хищник, охотится на эту женщину, единственную, самую дорогую... Нет, нужно докопаться до истоков, узреть корни и нападать. Это будет лучшей защитой. Вот только где он, этот хищник? Как до него добраться?»

— А может, и нет никакого хищника?! — сказал сам себе Матвей. — Случайное совпадение не связанных между собой событий. И смерть Светланы Родиной никак не связана с коброй в каюте. А мы тут напридумывали: мотив, преступление... Как дети, честное слово! Иди-ка ты, брат, спать. Скушай половинку яблока и ступай. Утро вечера мудренее. А кушая яблоко, будь внимателен: лучше увидеть в нем целого червяка, чем его половинку.

Матвей взял нож, выбрал яблоко, но разрезать его пополам не успел — в прихожей ожил и залился звонкой птичьей трелью дверной звонок. Матвей кинулся к двери, на ходу запахивая полы халата.

— Иду, иду... — Матвей взялся за ключ. — Кто там?

Звонок продолжал трезвонить, не утихая ни на мгновение.

— Кто там? — чуть громче спросил Матвей.

Все та же трель. Словно не слышал ночной гость вопроса. Или не было за дверью никого, просто щуптил какой-нибудь малолетний балбес: залепил нажатую кнопку звонка скотчем и убежал. В комнате сонно заворочалась Аня.

Матвей не стал снимать с двери цепочку — щелкнул замком и приоткрыл дверь.

— Хватит трезвонить, — сказал он в темноту. — Кто там?

Нет, на малолетнего проказника ночной гость похож не был. И на почтальона тоже. Высокий, широкоплечий... Лица не видно, слишком темно.

— Извините, — в некотором замешательстве хрипло сказал незнакомец. — Кажется, я ошибся подъездом.

В руках мужчины блеснул какой-то металлический предмет: то ли нож, то ли ножницы по металлу.

— Да, — холодея, кивнул Матвей. — Наверное, ошиблись. Бывает...

Мужчина попятился.

— До свидания, — сказал он.

— До свидания.

Матвей захлопнул дверь, дважды повернул ключ и припал спиной к стене, оглушенный биением собственного сердца.

— Кто это был? — сонно спросила Аня.

— Ошиблись, — солгал Матвей.

Потому что не было никакой ошибки, и Матвей это понял. Это был точный расчет.

Аня наверняка не выдержала бы трезвона и открыла дверь. Перекусить цепочку ножницами — дело одной секунды. Дальше парень входит в квартиру и... Но Аня была не одна. Этого незнакомец не ожидал и растерялся.

— И теперь она не будет одна, — прошептал Матвей. — Насколько это зависит от меня. Но... Что же делать?! Что же делать...

Осторожно, чтобы не потревожить заснувшую Аню, он лег в постель под жалобный стон диванных пружин и замер, маясь без сна, а в голове царил сумятица.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

У него было лицо военного. Если судить по фотографиям в газетах, по репортажам из Чечни, у всех людей, видевших смерть, были такие лица. Это, должно быть, явилось следствием жесткости и понимания относительности человеческой жизни: запавшие скулы и слегка лихорадочный взгляд. Такие лица Оболенский видел по телевизору в сценах расстрела у осужденных и у их палачей. Во все времена люди с одинаковыми лицами стреляли друг в друга. Во всяком случае, на доморощенных «магов», с которыми Вадиму Владимировичу приходилось иметь дело в издательстве «Олма-пресс», Бойко похож не был.

— Очень рад встрече, — поздоровался Оболенский. — Извините, что заставил вас ждать в холле. Дела... Просту в столовую. Сейчас подадут обед.

На Бойко был черный костюм, черная рубашка и жемчужно-серый галстук, но инстинктивно Вадим спросил себя, почему гость в штатском. И волосы гостя тоже были черными с едва намечающейся сединой. Лицо загорелое, отмеченное не только морщинами: бледный шрам пересекал левую щеку от скулы до уха. Нож или прикосновение пули?

Бойко пропустил вперед Надю, которая впорхнула в столовую легко и оживленно, как птичка, и тут же начала щебетать о чудесной погоде, о том, как ее начали узнавать на улицах, о письмах и звонках неизвестных поклонников. Ее пустая болтовня была к месту: заполняла натянутое молча-

ние, во время которого гость и хозяин оценивали друг друга.

Столовая находилась в просторном помещении, обставленном изысканными сервантами, которые были заполнены антикварной посудой весьма почтенного возраста. На одной из стен висели турецкие кривые сабли, ятаганы, русские пашки и мечи, австрийские и французские шпаги и рапиры, кинжалы, дуэльные пистолеты явно не позднее восемнадцатого века. Как ни странно, в отличие от Ивана, Бойко относился к холодному оружию, как оно того и заслуживало — холодно. Впрочем, и к «горячему», то есть огнестрельному, тоже. Кровь, раны — нет, это слишком грубо, это для наемных убийц и грабителей с большой дороги, а таковым Владимир Семенович себя не считал. А считал он себя искателем приключений, чем-то вроде авантюристов прошлых веков, корсаров двадцать первого века. Таким, во всяком случае, ему хотелось себя видеть.

— Я понимаю, — начал разговор Оболенский, заметив интерес гостя к оружию. — Для оружия больше подходит кабинет. Как, впрочем и для картин.

Почти все пространство стен над сервантами было увешано небольшими картинами. Горизонтальные рамки были выравнены по музейным правилам. Работы были все превосходные, но повесили их очень тесно. Словно Вадим Владимирович и не собирался наслаждаться достоинствами картин, а хотел в любой момент удостовериться, что все работы на месте.

«Нет, Оболенскому далеко до истинных любителей искусства, — решил Бойко. — Такому и голову морочить проще, угрызения совести не будут мучить».

— Может быть, сделать ярче свет? — поинтересовался Вадим Владимирович.

— Нет! — отозвалась Надя. — Здесь так таинственно.

Столовая была погружена в неясный полумрак. Свет исходил из витражных окон со свинцовыми ромбовидными переплетами. Янтарные, карминовые и ультрамариновые пятна смешивались с дрожащим светом свечей, стоявших в серебряных подсвечниках на уставленном блюдами столе. Ярko освещен был только стол, все остальное пространство столовой пряталось в опаловой темноте.

— Прошу садиться, — Оболенский указал гостеприимным жестом на стулья. — Еще раз прошу простить меня за опоздание. Пришлось просматривать некоторые поступившие материалы. Мои редакторы утверждают, что сейчас самое время для опытного издателя, чувствующего культурную атмосферу, открыть серию книг, посвященную оккультным наукам.

— Ах как интересно! — воскликнула Надя. — А это что?

Она указала пальчиком на одно из блюд.

— М-м... Что это? — бросил в темноту Оболенский.

— Мититеи из говядины, — раздался голос официанта. — С чесноком, острым перцем и мускатным цветом.

— Слишком остро... — покачала головкой Надя. — А вот это?

— Перепела, тушенные в виноградных листьях, с зеленым горошком. Вымочены в коньяке.

— А что-нибудь полегче есть? Диетическое?

— Струдель с вишней, чулама из грибов, рагу из овощей, запеканка с крапивой...

— Хватит, хватит... Я возьму рагу из овощей.

— А вы — гурман, — с улыбкой заметил Бойко, осматривая стол. — Простите, это м-м... рябчики?

— Куропатки с каштанами и грибами, — раздался голос из темноты.

— Прекрасно. Блюдо из союза воздуха и земли... Но я отвлекся... О чем вы говорили?

— Ах, пустяки... — махнул рукой Оболенский. — Мои редакторы обеспокоены тем, что немногочисленные серии по мистическим темам, выпущенные издательствами несолидными и не внушающими доверия, известными своей поверхностностью, некорректностью, более того, не заботящимися о точности, не воздают в полной мере должного внимания богатству и глубине этого поля исследований.

Надя чуть не поперхнулась и с удивлением посмотрела на Вадима. В глазах ее светилось восторженное благоговение перед его стилем изложения.

— Вы правы, — невозмутимо кивнул Бойко. — После краха науки современного мира настало время по-новому оценить культуру прошедших эпох, в частности оккультные науки.

— О, я нашел единомышленника! — с некоторым скепсисом воскликнул Оболенский. — Но что лично вы имеете в виду, говоря об оккультных науках? Спиритизм, астрологию, черную магию?

Бойко поморщился, также скептически улыбнулся.

— Помилуйте, господин Оболенский! Это как раз и есть та пустая беллетристика, которой зачитываются простаки. А я говорю о науке, пусть и тайной.

— Нельзя ли немного поточнее?

Бойко отложил нож и вилку, откинулся на спинку стула и начал блуждать взглядом по комнате, словно в поисках мистического вдохновения.

— Что ж... Я считаю, что знания адепта должны охватывать не только умение составлять дешевые гороскопы или сочинять рецепты пророчеств. Есть и другие области знания — серьезные области. Среди них, например, физиогномика, касающаяся оккультной метафизики, конечно же, астрология, затем эзотерическая биохимия и изучение демонов стихий, герметическая биология. Добавьте сюда антропологию, изучающую гомологическую анатомию, пророческие науки, флюидную статику, психирию, социальный герметизм. Но это позже... А на предварительном этапе познания надо постичь хотя бы элементарное: космографию невидимого, магнетизм, научиться распознавать ауры, направлять сны. Я уже не говорю о таких дисциплинах, как физиогномика, чтение мыслей, искусство гадания вплоть до пророчества и экстаза. Это азы, господин Оболенский, и мы с вами об этом знаем, не так ли? Что касается истинного оккультизма, я посоветовал бы вашим редакторам для начала разрабатывать такие темы, как брахманизм, гимнософия и мемфисская иероглифика.

Оболенский был удивлен. Более того, он внутренне ликовал, надеясь и не веря, что наконец-то нашел человека понимающего, разбирающегося, а может, и владеющего забытыми науками! Он больше не улыбался и убрал из голоса сарказм. Но слишком часто Вадиму Владимировичу приходилось сталкиваться с пройдохами, выдающими себя за Магистров Черной Мессы. И он продолжил проверку. На всякий случай.

— Недавно для меня подготовили справочник всех тайных обществ, существующих на сегодняшний день в мире, — небрежно сказал он. — Только не спрашивайте меня, откуда взялся этот справочник, он просто существует. Вот он. — Из темноты возникла рука мажордома, протягивающая несколько отпечатанных страниц. — Некоторые общества довольно любопытны. Вы не находите? Если вас не затруднит, не могли бы вы отметить те, которые заслуживают внимания моих редакторов?

— Нисколько не затруднит.

Бойко полистал страницы.

— Ага... «Абсолютисты». Глупости. Они исчерпывают доктрину метаморфозами... «Маринисты»... О, эти всю телепатически общаются с Марсом. «Анашезы»... Знаю. Несколько яйцеголовых из Великобритании занимаются поисками утраченного счастья. «Просвященный круг Хатор»... Группа сексуально озабоченных типов из Калифорнии, по ночам поклоняются богине любви и хранительнице Каньона Мертвых. «Кружок Элкафа Леви» из Гурри. Ищут Чашу Грааля... Хм... Не знаю, что и сказать, господин Оболенский, — Бойко вернул справочник. — Ничего, достойного вашего издательства, здесь отметить не могу.

— Так я и думал! Простите, я отвлек вас от блюда... И давайте попросту, без «господ».

— С удовольствием.

Какое-то время обед проходил в молчании. Оболенский слегка расслабился, поглядывая на своего гостя с уважением и интересом, но без доверия. Это было очевидно. Бойко понял, что продолжения экзамена не избежать. Новый раунд мог начаться с какого-нибудь подвоха, тонкости, известной только специалисту, а Владимир Семе-

нович не настолько полно овладел темой, чтобы избежать скрытой ловушки и обстоятельно ответить на какой угодно вопрос Оболенского. А если хозяин усомнится в компетентности гостя, то весь план полетит к черту: Оболенский и копейки не даст, и двери его дома для Бойко будут навсегда закрыты.

Владимир покосился на Надежду, чуть заметно повел бровью. Мол, что же ты, дрянь?! Зря, что ли, с тобой репетировали?! Веди тему, мать твою, или все пропало!

Девушка опустила глаза. Она не понимала этого фарса, затеянного боссом, однако знала, что ни к чему хорошему для Оболенского он не приведет — тому готовят капкан. А свое будущее Надя видела рядом с Вадимом. Стало быть, ее заставляют играть против себя! Однако недавний разговор с Бойко испугал ее: не действовали ни мольбы, ни жалобные взгляды, ни нежные вздохи. Бойко был тверд как камень. Дело дошло до прямых угроз. А ведь Оля предупреждала ее...

Надежде совсем не нравилось происходящее, но она не была еще готова к прямому отказу от участия в этой дурацкой игре. И потому приходилось подчиняться. Она оторвалась от тарелки и вытянула перед собой руку с крупным перстнем на безымянном пальчике.

— Владимир! — с капризным укором произнесла она. — Ты даже не обратил внимания на подарок Вадима Владимировича. Между прочим, это — платина! А камешек видишь? Это из... Как его... из Атлантиды. Верно, Вадим?

Оболенский не ответил, посмотрел на гостя — не смеется ли. Тот не позволил даже тени улыбки, был серьезен, поглощен осмотром блюд из птицы.

— Мне попало кое-что об исчезнувших цивилизациях и таинственных странах, — подкладывая гусиный паштет, заметил Бойко. — Считается, вначале существовал континент Му, где-то возле Австралии, и именно оттуда во все стороны потянулись великие потоки миграций, затем кельты, основатели египетской цивилизации и, наконец, Атлантида... Одно время тема Атлантиды была очень популярна в издательском деле, не так ли?

— У меня весь портфель был забит рукописями об атлантах, — клянуул на наживку Оболенский. — А также статьи о миграции греков на Юкатан, роман о пропавших триремах Тиберия, повествующий о барельефе с изображением воина из Чичен-Ицы, похожего на римского легионера как две капли воды... Помнится, особый упор автор делал на схожесть племен: те же конские хвосты.

— Все племена в мире украшены либо перьями, либо конской гривой, — объявил Бойко. Он был доволен: разговор шел по сценарию. — Это не доказательство.

— Для нас, но не для автора. От конских хвостов он перешел к поклонению змее во всех цивилизациях и из этого делает вывод, что эти цивилизации имеют общее происхождение... Каково?! Безграничная самоуверенность и безграмотность, и при этом правильный вывод из совершенно неверных предпосылок! А еще мне приносили рукописи о русалках, саламандрах, эльфах и сильфидах, феях. Особенно меня поразило эссе о гномах... Автор рассуждал об истоках арийской цивилизации и пришел к выводу, что праотцами нацистов являются семь гномов.

— Держу пари, он их спутал с нибелунгами.

— Нет. Речь шла именно о гномах: этикие добрые малыши, только чуть-чуть задиристые. Впрочем, мне попадались материалы еще похлеще. Например, о масонской символике в первобытной живописи. Или о заблуждении Галилея и нематериальной природе Солнца и Луны. Или о мистической тайне атомной энергии древних египтян. Наверное, это вам неинтересно. Может, поговорим на другие темы?

— Нет, отчего же?! — торопливо, даже слишком торопливо возразил Бойко. — Мне иногда очень даже по душе обзор фортовских наук.

— М-м... Как вы сказали? Фортовских? А что это такое?

— Фортовские науки — это огромная коллекция необъяснимых явлений. Название происходит от имени некоего Чарлза Хоу Форта, который, собственно, и собрал эту коллекцию. Отпечатки рифленых подошв, перекрытые следами динозавров в Девоне, дождь из лягушек в Бирмингеме, таинственные пятна охры — карты звездных трасс — в некоторых пещерах, нерегулярность в наступлении равноденствий, надписи на метеоритах, кровавый снег, черные грозы, загадочные крылатые существа на высоте восемь тысяч метров над Болоньей, светящиеся круги в море, останки гигантских человеческих существ, осадки из первичной протоплазмы на Суматре и, конечно, все эти следы на Мачу-Пикчу и других вершинах Южной Америки, свидетельствующие о приземлении в доисторические времена мощных космических кораблей. Форт был уверен, что мы не одни во Вселенной. Как видите, здесь мы имеем обратный случай: верные факты и совершенно неверный вывод. Однако сама коллекция очень забавна.

— Неплохо, — одобрительно кивнул Оболен-

ский. — Что-то я читал об этом... Помнится, меня заинтриговали две крылатые змеи в Египте, одна — на троне Тутанхамона, другая — на пирамиде Саккара, и что это отсылает нас к Кетсалькоатлю. Автор задавал вопрос: почему по обе стороны Атлантики находят пирамиды? Смешно! Да потому что пирамиды легче строить, чем сферы. Потому что ветер образует дюны в форме пирамид, а не Парфенона.

— Вы правы. Многие профаны считают, что надо вначале установить аналогии, а затем находить им объяснения. Однако многие факты не укладываются в эту концепцию. Так, например, очевидно, что египтяне знали электричество.

— Это гипотеза, — возразил Оболенский.

— Это факт! — объявил Бойко. — Иначе они не смогли бы сделать то, что сделали. Немецкие инженеры, которым было поручено прокладывать канализацию под Багдадом, нашли электрические батарейки — еще действующие электрические батарейки, относящиеся к эпохе Сасанидов! Это раз! Во время раскопок в Вавилоне обнаружили аккумуляторы, созданные четыре тысячи лет назад. Это два. И наконец, Ковчег Завета, в котором находились скрижали с заповедями, жезл Аарона и сосуд с манной из пустыни, был неким электрическим конденсатором, способным производить разряды порядка 500 вольт. Вспомните, ковчег был сделан из древесины, покрыт золотом изнутри и снаружи — тот же принцип, что в современных электрических конденсаторах: два проводника, разделенных изолятором. Не правда ли, богатая пища для фантазии ваших авторов?

— Пожалуй... Но фантазия их бедна. Они пишут об одном и том же, словно сговорились, словно подпитываются друг от друга: один приводит

в качестве свидетельства утверждения другого.

— Ну и что? — пожал плечами Бойко. — Не думают ли ваши редакторы предлагать читателю то, что ему неизвестно? О, надеюсь, они не сделают такой ошибки! Книги должны говорить об известном, книги должны взаимно подтверждать друг друга, и тогда читатель поверит. Право, не следует гнаться за оригинальностью. Эта гонка — бег по поверхности, а ведь есть глубины...

— Признаться, я не совсем понимаю вашу мысль.

— Охотно поясню. Ваш автор задает себе вопрос: как египтяне двигали каменные глыбы для своих пирамид? Минут через пять автор находит ответ: египтяне поднимали глыбы с помощью электрических разрядов. Вроде бы автор прав, однако он скользит по поверхности.

— А есть еще глубина?

— Конечно. Подумаешь, электричество!.. Я сам, не сходя с этого места, могу управлять электричеством во всем вашем доме. Электричество! Настоящему посвященному известно, что это только метафора, в лучшем случае искусственное прикрытие забытой прародительской силы. Электричество — не тайна, а один из побочных эффектов тайны, которую посвященный ищет и однажды найдет. А самая главная тайна — это...

— Бессмертие, — подсказал Оболенский.

Бойко сделал многозначительную паузу — не подтвердил, не опроверг. И так сказано было чересчур много. Но старика зацепило. Бойко видел, что близок к победе — полотно готово, но нужен последний убедительный мазок.

— Продление физической жизни, — Владимир, словно в раздумье, повторил слова Оболенского. — Да... Это не фокусы с электричеством...

— Кстати, Владимир, ты говорил, что можешь управлять электричеством, — подхватила заученную тему Надя. — Это была, конечно же, шутка?

— Магия не любит шуток, — нахмурился Бойко. — Я говорил вполне серьезно.

— Да? — Оболенский был заинтригован, но не верил. Пока еще не верил. — А не могли бы вы показать нам что-нибудь? Продемонстрировать ваше умение? Если, конечно, это вас не затруднит.

— Мне не хотелось бы устраивать здесь цирковое представление... — замялся Бойко.

Оболенский скептически улыбнулся. Мол, так я и знал. Еще один профан. Все ясно.

— ...Но, чтобы не быть голословным — пожалуйста, — твердо сказал Владимир.

Он щелкнул пальцами, и в ту же секунду где-то ухнуло, и люстра над столом погасла. Мрак в столовой стал плотнее, стусился вокруг пламени свечей. Где-то в темноте из рук мажордома вывалился поднос. А Оболенский так и замер с вилкой в руке.

Он был потрясен.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Он сорвал с нее платье, повалил на кровать и набросился, ворвался в нее, как зверь, и темные волны его желания сошлись над Надей, понеслись по своим течениям. Вадим что-то кричал, шептал горячими губами — она ничего не могла разобрать, да и не хотела. Мир ограничился размерами кровати, мир закружился в стремительном водовороте, где было все: и ночь, и радость, и боль.

Язычки свечей отражались в зеркалах, расплылись в звездный узор. Пламя становилось все ярче, поднималось до нестерпимого жара, и над этим пылающим великолепием плыло ее тело. И казалось, вот-вот плоть исчезнет в языках пламени, и ничего не останется от Нади прошлой, вчерашней. Ее жизнь начнется сначала, и все изменится, все станет иначе.

То, чем они занимались, уже нельзя было назвать любовью. Это был секс, какое-то безумное соитие, в котором не было ни нежности, ни сопереживания, одна только физиология. Они перекачивались по кровати, толкались, сливались друг с другом, пытались достичь максимального наслаждения.

Вадим не жалел ее, наваливаясь всем телом, вколачивая себя в ее плоть, казалось, готов был разорвать на части. Она вскрикивала, стонала, выворачивалась, почти отталкивала его, но он был сильнее. Он зажимал ей рот губами, и глаза его были близко-близко — смотрели на нее, словно не узнавая, и в них был весь остальной мир, та поло-

вина Вселенной, которую он обещал положить в ее сумочку.

Вадим мял ее тело, терзал, и из жестокости рождалась нежность. Ему хотелось прижать ее к себе, охватить всю, спрятать, пожалеть, потому что она ни в чем не виновата. Это он нашел ее, полюбил и был рад своей неволе. Разве любовь — это свобода? Разве он сам выбрал ее? Нет. Их что-то взяло и притянуло друг к другу, в один миг и на годы, на долгие годы...

Она стонала уже непрерывно, перекачивая голову из стороны в сторону, и улыбка совершенно преобразила ее лицо. Гримаса боли и счастья, слезы радости и муки.

— Ты добрый, — горячо шептала она, и слезинка ползла по ее щеке, оставляя влажную дорожку. — Ты сильный... Самый сильный на свете. Возьми меня, спрячь... Мне страшно и стыдно...

Вадим искал губами ее губы, прижимал к себе, взлетал и падал снова, а она выгибалась навстречу, радостно принимала его, впитывала, и трепетная покорность была в ее поцелуях. Она чувствовала, как наполняется им, как искажается в судорожном экстазе его лицо, как приливной волной надвигается наслаждение.

А потом он отстранился, отодвинулся в сторону, стараясь выровнять дыхание, и лежал с закинутыми за голову руками. А она обвила его ногами, тихо прижалась влажными от слез глазами к его груди.

— Ты сегодня другой, — сказала она через несколько минут, когда он немного успокоился. — Зверь, порождение мрака и ночи, волшебник...

За окном была ночь, а в зеркале плясали искорки свечей, удивительным образом выписывая рельефные узоры на потолке, картинах в толстых позолоченных рамках и на персидском ковре, осве-

щая по-новому фигурку африканского божка с разинутым, словно в неслышном крике, ртом.

— Я люблю тебя, — ответил Вадим. — И хочу быть с тобой. Везде. И всегда. Долго-долго. Целую вечность.

— Не могу представить себе вечность.

— Это все время мира, моя маленькая леди, повелительница змей, амазонка.

— Ты меня совсем не знаешь... Я... Ты...

Надя прикусила язычок. Она не могла сказать, что боится змей до смерти, что ни разу в жизни не дралась и никогда бы не справилась с тремя здоровенными мужчинами и что Вадим путает ее с другой девушкой. Нет, подумала она. Иногда правда хуже всякой лжи. Потом, когда-нибудь, она все расскажет, но не сейчас.

— Я знаю о тебе все, — беззаботно сказал Оболенский. — А то, что я не знаю, и знать не следует. Конец абзаца. Точка. Хочешь выпить?

— Нет.

— А чего ты хочешь?

— Хочу уехать с тобой на какой-нибудь остров на самом краю света. Сейчас же. Немедленно. И чтобы никаких телефонов, никаких пейджеров. Только ты и я.

— Мы погибнем от информационного голода, — перевел разговор в шутку Вадим. — Это раз. И как же быть со зрителями? Ты теперь сияешь на всех плакатах, открытках, календарях... Я не могу позволить тебе упасть с небосклона! Это два. А по рюмке коньяка мы просто обязаны выпить. Даже не спорь. Это три.

Он легко поднялся с кровати, накинул халат и подошел к бару.

— Коньяк согревает душу и открывает сердца, — сказал он, наливая золотистую жидкость

в рюмки. — Иногда он даже позволяет увидеть новые горизонты. Это так здорово: стена рассыпается, и перед тобой — дальние дали, выпинные выси. И ты радуешься.

— Чему?

— Новой дороге, которая куда-то ведет.

— Куда?

— Это и предстоит выяснить.

— А-а... — догадалась Надя. — Ты о визите Бойко?

— Интересный тип. Держи, — он уселся на кровати и протянул девушке рюмку. — Ты хорошо его знаешь?

— Так... — пожала плечами Надя. — По работе только. Да и то... Мы и раньше редко виделись, а сейчас и подавно. Ты ведь знаешь мой распорядок.

Да, Оболенский знал ее распорядок. Сам же и составлял. С утра вскочила, сделала лицо, помчалась под полными парусами на студию, дружеские приветствия — как дела? прекрасно выглядишь!, — костюмерная, сценический макияж, репетиция, очередная перепалка с режиссером, команда оператора, и вот все замерли — съемка. А вечером можно выкроить минутку и включить телевизор, чтобы посмотреть на саму себя. Вот она, молодая, уверенная, двигается легко, словно плывет. Ее много, она повсюду — на витринах, улыбается с рекламных щитов, заглядывает в квартиры через миллионы телевизоров. А вот сейчас, когда она лежит рядом с Вадимом и смотрит на пламя свечей, то замечает, что ее совсем мало, птичье перышко, пушинка, — подует ветер, и она исчезнет без следа. Может быть, ее вообще нет — есть любовница, выдающая себя за другую девушку, есть певичка, мечтающая избавиться от хозяина, есть плакатная красотка, холодная и фальшивая, есть работа, а самой Нади нет.

Вот Вадим — другое дело. И Бойко — другое дело.

— Он злой, — сказала Надя. — Я его боюсь. Он ничего не делает просто так. И с тобой он познакомился неспроста. Ему что-то нужно.

— О господи! Моя ты маленькая! Всем что-то нужно друг от друга. На этом стоит свет.

— На этом стоит тьма, — Надя одним глотком выпила коньяк и уронила рюмку на пол. — И я не маленькая. А Бойко злой, злой, злой!.. Я это чувствую. Только не знаю, что он задумал. И зря ты усмехаешься!

— Извини... Но ты такая смешная, когда сердишься.

— Давай уедем, — умоляюще произнесла Надя.

Оболенский допил коньяк, улегся рядом с девушкой, прошептал на ухо:

— Ты же знаешь, что я не могу все вот так бросить. Я очень люблю тебя. Я больше всего на свете хочу быть с тобой на коралловом острове, смотреть сквозь пальмовые ветви на звезды, болтать с тобой о всяких пустяках и чтобы ты прижималась ко мне, как сейчас, и дергала пальчиками за нос, за мой невообразимый, потрясающий, сногсшибательный нос... Но если я все брошу, то с чем мы останемся? С носом? Кем мы будем? Тени в толпе смутных теней, стертых забвеньем?

— Я тебя прошу.

— Прекрати этот детский сад, дорогая моя. Тебе уже пора стать взрослой. У тебя прекрасная работа... Ведь у тебя прекрасная работа? Тебя окружает масса подружек и почитателей, а ты стоишь в центре, в лучах славы. А это хорошо — быть в центре: в центре событий, в центре внимания...

— Жаль. Я не смогла тебя уговорить.

Она повернулась на спину, а он взял в ладонь

ее грудь, тугое полушарие, и они лежали, плотно прижавшись, слушая дыхание друг друга.

— А этот фокус?.. Ну... С электричеством. Как Бойко это сделал?

— Он мастер на всякие штуки.

— А вдруг он знает тайну?

— Какую тайну?

— Самую главную.

— Не верь ему. Ему просто нужны деньги.

— Это я понимаю. Вопрос, что он предложит взамен?

— Ничего. Вот увидишь.

— А вдруг?

— Давай спать. Просто спать — и все. Я так устала.

— Я хочу с ним встретиться. Завтра. Нет, послезавтра. Завтра утром мы встречаемся с одним модельером м-м... Кирилл Антонов, кажется. Он хочет сделать тебя центральной фигурой своего шоу. Интересное предложение! Днем нужно будет сделать несколько снимков в казино «Последний шанс», а потом устроим пресс-конференцию.

— Да, конечно, милый.

«Завтра, — подумала она. — Бойко не понравится, что я поднимаюсь за его спиной, без его участия. Ну и плевать! Но поговорить с ним нужно сегодня, прямо сейчас. Твердо. От и до. Завтра не хватит решимости. Скажу, что не хочу участвовать в его играх с Оболенским. И вообще покидаю его группу. Навсегда. Вот так! Он будет сердит до невозможности, но согласится. Не может не согласиться. И тогда все будет хорошо, все образуется само собой».

— Я сейчас приду.

— Давай быстрее.

Она поднялась с постели и направилась в холл, к телефону.

Аня взглянула на Матвея. Машину он вел легко. Глаза его были скрыты за большими черными очками, на губах играла слабая улыбка. Она наклонилась вперед, чтобы взглянуть на приборную доску. Стрелка спидометра дрожала около отметки в сто двадцать километров в час.

Они уже вырвались за город и мчались по магистральной на полной скорости. Матвей любил быструю езду. Аня выпрямилась на сиденье.

— Может, ты все-таки скажешь, куда это ты меня везешь? — спросила она.

— На каникулы, — весело, с беспешальной удачей ответил Матвей. — Хочу провести с тобой несколько дней за городом. Есть одно чудесное место: лес, свежий воздух, тихая речка, нежные рассветы и пламенные закаты. И мы с тобой около камин, в охотничьем домике.

— И чей же это домик?

— Одного моего приятеля. Я звонил ему утром. Он сказал, где ключи.

— Но я не могу...

— Всего несколько дней.

Аня кивнула. Она поняла, что спорить сейчас бесполезно. Матвей настроен решительно и не склонен принимать к сведению, что она во что бы то ни стало днем должна быть в казино «Последний шанс»: Антонов заказал несколько рекламных фотографий Нади. Впрочем, до съемок оставалось еще целых шесть часов. Анна была уверена, что за это время сумеет образумить своего пылкого похитителя.

Матвей же расценил Анино молчание как проявление покорности и широко улыбнулся. Он нажал

на акселератор и вплотную приблизился к идущей впереди «Тойоте».

— За рулем почтенная дама, — разглядывая водителя, сказал он. — Ей, по меньшей мере, лет триста, а она гонит на полных парах!..

Матвей чуть повернул руль, собираясь обогнать машину, но дама, сидящая за рулем, посмотрела на него верблюжьим взглядом и не пропустила вперед, блокируя дорогу.

— Ах, так!.. Ну погоди!

— Матвей! Без лихачества. Прошу тебя!

— Никакого лихачества! Только трезвый расчет. Ты же меня знаешь.

— В том-то и дело, что знаю...

Он почти вплотную подошел к «Тойоте» и теперь практически касался ее заднего бампера. Аня посмотрела на Матвея. Его губы растянулись в азартной улыбке, а глаза за очками радостно сверкали.

— Не родилась еще та женщина, которая сможет обставить меня на трассе! — громко рассмеялся Матвей, поворачивая руль влево и увеличивая скорость.

Аня взглянула на спидометр. Сейчас они шли со скоростью сто сорок километров в час, а стрелка спидометра упрямо ползла вверх. Она почувствовала давление на тело и с опаской посмотрела вперед. Если «Тойота» не уступит дорогу сейчас же, дело закончится аварией. И прежде чем эта мысль мелькнула у нее в голове, Матвей бросил свою машину вперед и, едва не касаясь дорожных столбиков, обогнул «Тойоту».

Она видела, что дама за рулем что-то зло кричит им вслед и делает невероятные усилия, чтобы догнать. Матвей снова прибавил скорости. Стрелка спидометра прыгнула на отметку «сто пятьде-

сят», и «Тойота» начала стремительно отставать.

Матвей умел водить машину. Если бы он только захотел, он мог бы стать самым лучшим гонщиком. Но он никогда не рисковал понапрасну, как сейчас. Будто он пытается кого-то догнать или, наоборот, от кого-то спрятаться.

— Матвей! Ты с ума меня сведешь! Что происходит?

Он повернул голову и встретил ее взгляд. На губах у него играла улыбка. Он покачал головой и сказал, что ничего не происходит, что просто ему очень весело в обществе возлюбленной дамы сердца и ради нее он готов выкинуть и не такие фортели. А потом Матвей посмотрел в зеркальце заднего вида, нахмурился и что-то удивленно пробормотал. Аня тоже оглянулась. Далеко виднелась «Тойота». Теперь она начала гонки с белой «Нивой».

— Сумасшедшая! — пробормотала Аня. — Некоторые так и нарываються на неприятности... Самоубийца!

— Надеюсь, «Ниву» она не пропустит. Хотя бы еще полчаса, до поворота.

— Чем тебе «Нива» не угодила? — удивилась Аня. — Я, например, полностью на стороне ее водителя против этой сумасбродки.

— Не нравится мне эта «Нива». Тащится за нами с самого города, — Матвей натянуто улыбнулся. — Вдруг это твой начальник Антонов? Хочет вернуть похищенную беглянку. Мне придется скрестить с ним копыя.

— Во-первых, у меня нет начальников! Я — птичка свободная. Во-вторых, Антонов никогда не сядет за руль «Нивы». Ему «Мерседес» подавай. А в-третьих, можешь прибавить хоть до двухсот километров в час. Если ты думаешь, что я испугалась, то ты действительно ненормальный.

Стрелка спидометра показывала сто пятьдесят. Матвей рассмеялся и вновь нажал на акселератор. Серебристый «Фольксваген» рванулся вперед, как норовистая лошадь. В тот же момент послышался слабый хлопок под капотом машины. «Фольксваген» задрожал, двигатель заглох. Они начали опасно вилять по дороге.

— Тормози! — ахнула Аня. — Тормози...

— Нельзя! Перевернемся...

Она видела, как напряглись мышцы на его руках, когда он пытался удержать руль. Нога его время от времени коротко нажимала на педаль тормоза, скорость снижалась медленно, но машину все равно начало заносить в сторону обочины.

— Осторожно! — закричала Аня. — Кювет!

Матвей резко крутанул руль, но было поздно. Два правых колеса машины попали в кювет. «Фольксваген» накренился и перевернулся вверх колесами.

Все закружилось перед глазами, завертелось, как в детском калейдоскопе. И казалось, что все это происходит не с ними, а с кем-то другим, на экране телевизора. Стон гнущегося капота, треснувшее белое лобовое стекло, ветви кустарника, хлещущие по окнам... Дурной сон, весело хохочущий на качелях, и нет сил проснуться. А потом безумная карусель остановилась, и стало тихо-тихо. Где-то высоко всполошенно стрекотала сорока, ветер шелестел травой, гулко билось сердце.

Матвей выбрался из-под машины, вскочил на ноги. От двигателя начали подниматься желтые струйки дыма. Он обежал машину, рванул на себя дверку, крикнул в ватную тишину салона:

— Анна! У тебя все в порядке?

Прошла целая вечность, пока до него донесся ее слабый голосок:

— У меня все к порядку. Ох, нога...

Он опустился на колени, заполз в салон. Анна опиралась на заднее сиденье руками и поворачивалась всем телом, пытаясь выбраться из машины.

— Слава богу! Цела! Выбирайся быстрее! В баке сорок литров бензина!

Она перестала извиваться. Она чуть не плакала.

— А я что делаю?! — раздраженно крикнула она. А потом вдруг хихикнула, начала смеяться.

— Чему ты смеешься?

— Не обращай внимания... Ой... Это нервное. Мое платье... Оно зацепилось за что-то.

— Я помогу. Сейчас, сейчас... — Матвей просунул руку под платье и разорвал его, потом потянул девушку к себе за плечи.

— Нога... — застонала Аня.

— Сбрось босоножки, — приказал он. — Вот так... Получается! Помогай мне... Еще немного...

Анна выбралась из машины, все еще нервно посмеиваясь, а Матвей схватил ее за руку и поволок к зарослям, прочь от дымящейся машины.

Постепенно шок проходил, и она перестала смеяться.

— Боже мой!.. — растерянно пробормотала Аня.

Она вдруг поняла, что почти полностью раздета. Разорванное платье валялось в машине, и на ней были только тоненький бюстгальтер и трусики.

— Я достану твою сумку, — сказал Матвей. — А ты стой здесь и ни шагу! Понятно?

Она послушно кивнула, а он помчался к машине, надеясь, что взрыва не будет, что он успеет и все как-нибудь обойдется. А между тем дым над машиной стал гуще.

К счастью, ему не пришлось забираться в салон. Дорожная сумка валялась метрах в пяти от маши-

ны. Видимо, выпала через открытое окошко во время карусели. «Молния» разошлась, и часть содержимого высыпалась на траву. О небо! Чего здесь только не было! Пластмассовые тарелки, наушники для плеера, желтый пакет с фотографиями, жетоны на метро... Ну скажите, кому в лесу могут понадобиться жетоны на метро?! Не было только одежды, если, конечно, не считать полупрозрачную ночную сорочку. Видно, весь гардероб был в чемодане, а чемодан в багажнике. Хм...

Матвей затолкал все барахло на место, схватил сумку и сделал несколько шагов к машине, надеясь отыскать огнетушитель, погасить огонь и попытаться открыть багажник.

Со стороны магистрали слышался шум мотора. Белая «Нива» медленно ехала вдоль обочины, притормозив недалеко от них. Матвей прищурился, стараясь разглядеть фигуру водителя. И тут грянул взрыв.

Взрыв был жутким, неправдоподобным, словно вырезанным из сериала о гангстерских разборках. Воздух вздрогнул от грохота и жара, как испуганная лошадь. Матвей внезапно оглох, и ему казалось, что вздувшийся пузырь белого пламени растет и ширится в мрачном, угрожающем молчании.

Пламя яростно рванулось во все стороны, превращая перевернутый «Фольксваген» в крошево раскаленного металла, кусков стекла и пластика. Земля содрогнулась от взрывной волны. И вспышка пламени... Световой удар пришелся по глазам, и Матвей рухнул на землю.

Он не слышал, но знал, что над его головой во все стороны летят обломки мотора, изодранные лохмотья стекла и металла, горящий бензин... Матвей зажмурился и прижался к земле, пополз по-дальше от нестерпимого жара. Из глаз потекли

мелкие, жгучие слезы. В горле пересохло, а в голове звенело, как будто кто-то огрел его доской по затылку.

Возле самых зарослей он поднялся, удивленно огляделся. День утратил свой блеск. Он съежился, потемнел, уступая место бушующему пламени.

Матвей взглянул на часы. Стекло треснуло, и стрелки стояли на месте. Время остановилось. Время замерло в неподвижности, притаилось, свернулось вокруг жирных, ленивых клубов дыма, сквозь которые ярились оранжевые языки пламени.

Матвей по-прежнему ничего не слышал. Вокруг стояла болезненная, звенящая тишина. Казалось, все звуки вспыхнули в этом жадном пламени, заметались, охваченные огнем, пока не сгорели дотла и не осыпалась на почерневшую траву горсткой серого пепла. А потом один за другим звуки вернулись. Слышны были взволнованные крики Анны и шум мотора со стороны магистрали. Матвей оглянулся.

Белая «Нива» неторопливо развернулась и на полной скорости помчалась обратно в город. Матвей проводил ее мрачным взглядом, перехватил поудобнее сумку и повернулся навстречу бегущей к нему Ане.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Раньше, в молодости, Бойко очень часто представлял свою жизнь рекой. Вот она течет по равнине — ни резких поворотов, ни порогов, пологие берега поросли травой, вода мутная и словно бы спит в ожидании. Как и любая река, она не знает, в каком направлении, к какой цели стремится, да это ее и не интересует.

Точно так же и жизнь. Каждый день Владимира Семеновича был похож на другой, единственное разнообразие вносила работа. Впрочем, даже самые рискованные сделки в конце концов потеряли для него остроту. Иногда Бойко сравнивал себя с посетителем дешевой столовой, где изо дня в день подавали одно и то же блюдо. А ведь общеизвестно, что не принято каждый день есть одно и то же — от этого пропадает аппетит. С другой стороны, аппетит пропадает и у того, кто слишком дотошно изучает меню. Но река-жизнь текла, и Владимир Семенович плыл по течению, повторяя каждый день вчерашние действия. Наверное, это движение по инерции и научило его точности, которую Бойко ценил среди человеческих добродетелей превыше всего. Он просто носил ее на себе так же, как одежду или обувь.

Он вставал всегда в шесть часов утра, все равно зимой или летом. Мгновенно, как заранее заведенный механизм, просыпался и тут же вскакивал, даже не оглянувшись на постель.

Поднявшись, Владимир Семенович открывал окно, независимо от того, расцветало ли над городом летнее утро или снежная пелена кружилась в нео-

новом сумраке фонарей. Несколько минут он стоял у окна, занимаясь дыхательной гимнастикой, — именно так, как это рекомендуют медицинские журналы, — и, не засматриваясь на нежный румянец восхода, рассеянно обводил взглядом пустынные берега реки.

В десять минут седьмого Бойко появлялся за воротами своей резиденции в голубом тренировочном костюме. Маршрут его бега всегда был одинаков — вниз по улице, потом через поле и до реки. Пожалуй, эта утренняя пробежка было самое лучшее в его монотонной жизни. Он всегда бежал быстро, энергично, остро ощущая силу и выносливость своего тела. И так день за днем, каждое утро.

Приятней всего было возвращение, он и сам не понимал почему. Возвращался он не через поле, а напрямик — через лес по еще мягким и влажным от утренней росы тропинкам. В столь ранний час в лесу было еще очень тихо, лишь время от времени шуршала в листве какая-нибудь птица. Этот тихий покой леса каким-то необъяснимым образом передавался ему, даруя ощущение радости и внутреннего мира. Только тут, в лесу, мозг его словно бы незаметно затихал, отстранялся от мелких бытовых проблем, поднимался над суетой текущих дел. Именно в эти минуты Владимира Семеновича больше всего радовали встречи с Профессором. Тот тоже в эти часы бродил по тропинкам со своей неизменной тросточкой. Дальше они шли вместе — беседовали.

* * *

— ...И тем не менее позвольте с вами не согласиться, уважаемый Владимир Семенович! Очень

часто человек — враг самому себе. Эта банальность известна еще с незапамятных времен. Увы, человек весьма плохо приспособлен к тому, чтобы сносить абсолютное счастье.

— Вы, как всегда, смеетесь надо мной? Ведь люди как раз и стремятся быть счастливыми. Счастье — это все, чего следует желать от жизни.

— Бабушкины сказки, — махнул рукой Профессор. — Давно уже настала пора расстаться с ними. Слишком долго нам твердили, а мы наивно верили, будто поиски счастья так или иначе приведут к счастью. А между тем Синей Птицы никто еще так и не поймал. А почему, позвольте спросить? А потому, что никто толком не знает, как выглядит эта Синяя Птица. К примеру, вы в состоянии точно определить, что же, в сущности, означает это самое пресловутое слово «счастье»?

— Я? Нет, я не могу. У каждого свое представление об этом предмете. Даже святой Августин считал ни более ни менее, как двести восемьдесят девять различных точек зрения на счастье. Однако я знаю одно: каждый человек желает быть счастливым. Вот у вас в руках томик Достоевского. Наверняка там есть двести девяностый рецепт счастья.

Сергей Сергеевич открыл книгу, перелистал несколько страниц, отыскивая нужное место.

«...Чего же можно ожидать от человека?.. — начал читать он. — Да осыпьте его всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении все-

мирной истории, так он вам и тут, — человек-то, и тут, — из одной неблагодарности, из одного пакости мерзость сделает. Рискнет даже пряниками и нарочно пожелает самого пагубного вздора, самой неэкономической бессмыслицы единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумию примешать свой пагубный фантастический элемент. Именно свой фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удерживать за собой...»

— Величайший из психологов, — захопнул книгу Профессор. — А если продолжить экскурс в мировую литературу, то можно убедиться, что исходным материалом для великих литературных творений служили исключительно всякие ужасы, трагедии и преступления. Так что, милый Владимир Семенович, хватит дурачить самих себя всякими глупостями. Только представьте себе, во что бы превратился человек, не будь он несчастным! Несчастье нам просто необходимо.

Они шли по тропинке между зарослями и темной водой ручья, над которым плыла утренняя дымка. Было тепло, даже жарко, и очень тихо. И дымка, густая, белесая, двигалась навстречу, большими клубами скользила над ручьем, касалась деревьев своими мокрыми боками.

— А ведь вы не выглядите несчастным, — осторожно заметил Бойко. — Прекрасный особняк, коллекция фарфора, шестисотый «Мерседес»... О нет, я не спрашиваю, откуда могут быть такие деньги у простого психолога. Вы ведь, насколько мне известно, доктор психологических наук?

— Все верно, — кивнул Сергей Сергеевич. — И звание, и особняк, и коллекция... Мне не грозит голод, я надежно защищен от опасностей и болезней, включая даже зубную боль. Будущее

представлялось мне ясным и безоблачным. Будущее мне улыбается. Но все это — клетка. Вы только посмотрите на меня и сразу увидите, к каким катастрофическим последствиям приводит содержание человеческого существа в клетке, пусть и комфортабельной. Увы, перед вами психопат и неврастеник. Эту же практику содержания в клетке пытается на общегосударственном уровне осуществить и любое правительство, кроме, конечно, нашего. По мнению любого президента или премьер-министра, жизнь сограждан должна быть застрахована от любых невзгод и пронизана счастьем от колыбели до могилы. Благородная цель! Однако достижение этой благородной цели требует непрерывного повышения уровня социальной беспомощности граждан, а беспомощность никак не совместима со счастьем. Правда, я мало завишу от альтруизма правительства.

— Что же тогда мешает вам быть счастливым? Тот же Достоевский сказал следующее: «...человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это все, все! Кто узнает, тотчас станет счастлив, сию минуту». Так что, как видите, выход из ситуации достаточно прост.

— Наш мир буквально наводнен бесчисленными руководствами, советами и рецептами, которые учат нас, как стать счастливыми. А почему? Потому, что человек от природы наделен талантом самостоятельно мастерить свой маленький персональный ад. И каждый из всех сил старается реализовать этот талант на свой лад.

— Быть несчастным в наше время не проблема, — сказал Бойко. — Это доступно каждому.

— Верно. Но выковать свое несчастье своими же собственными руками — этому надо серьезно

учиться. Надежным путеводителем в этом деле могут служить народные пословицы и поговорки. Являясь выражением так называемого здравого смысла, народная мудрость таит для нас неисчерпаемый источник для подражания. Правда, для всякой пословицы всегда можно найти другую, совершенно противоположную по смыслу... Взять хотя бы «Береженого бог бережет» и «Волков бояться — в лес не ходить». Но это не важно. Главное — раз и навсегда выбрать какое-нибудь одно такое изречение и сделать его своим кредо. Например, «Алмазы не горят». Размышляя над этой иезуитской фразой, нетрудно прийти к убеждению, что мир устроен неправильно хотя бы потому, что этих алмазов у вас нет. Оказавшись перед выбором между миром, каков он есть, и миром, каким он должен быть, слабый сходит с ума, а сильный начинает все переделывать. В конце концов и тот и другой погружаются в пучину несчастья.

Лесная чаща сменилась лиственным редколесьем. Через несколько шагов открылся пологий склон, расчерченный клетками заборов. До особняка Сергея Сергеевича оставалось всего метров пятьдесят. Бойко понял, что и на этот раз разговор останется незавершенным. От Профессора просто невозможно добиться полной ясности!

— Алмазы не горят... Это ваше кредо? — спросил Владимир Семенович.

— Да. А вы можете выбрать себе другой лозунг. Например, «Мрамор требует резца» или что-нибудь в этом духе, только более несурзное. Впрочем, боюсь вам советовать. Вы — человек зрелый, опытный.

— Вы считаете, что я уже так стар, что не способен учиться? — обиделся Бойко.

— Вовсе нет. Зрелость, как определил ее один из моих коллег, — это способность человека принять решение даже вопреки тому, что оно совпадает с советами собственных родителей.

— Но вы мне не дали никакого совета.

— А вам и не нужен никакой совет, — ответил Профессор. — Этим вы и отличаетесь от строителей собственного несчастья, которые остаются глухи даже к доводам собственного рассудка. Так змея, не довольствуясь возможностью укунить свой хвост, потихоньку начинает пожирать сама себя. Надо ли говорить, что достигаемое при этом ощущение несчастья просто не поддается никакому описанию.

— И как же достичь счастья?

— Следуйте своему кредо. «Мрамор требует резца».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Простившись с Профессором, Владимир Семенович вернулся к себе ровно в семь часов, переоделся, принял душ и по привычке подошел к распахнутому окну.

Все как обычно — летнее утро, жаркое снаружи и прохладное в комнате. В тени прибрежных кустов река казалась темной, несмотря на совсем уже светлое небо. Голубое, темно-зеленое, розовое — эти подробности его не интересовали. Но Бойко не любил слишком ярких солнечных дней, жаркого полдня, душных вечеров. А день, к сожалению, обещал быть именно таким. Здесь, у окна, глядя на реку, Бойко чувствовал себя настоящим хозяином своих мыслей — прокладывал дорогу к своей «Крепости», продумывал до деталей свои стратегические планы. Сегодня Бойко думал об Иване Моховчуке.

— Мрамор требует резца, — сказал он самому себе. — Другими словами, насилие требует идеи. В противном случае даже убийство низводится до ранга заурядного хулиганства.

В свои сорок с лишним лет Владимир Семенович неплохо знал людей. Часто не понимал их, но знал. И ни разу не пожалел, что не похож на них — лишен тех внутренних моральных ориентиров, того душевного содержания, которым обладают обычные люди. Фрейд и Достоевский только укрепили его уверенность в том, что человек — это нечто хилое, недоразвитое, неосознанное. Нет, Владимир Семенович не хотел быть, как другие, не хотел разделять с ними их безысходность, их слабость,

их жизнь, раздираемую страстями и страданиями.

Потому и возникла мечта о «Крепости». Жизнь Бойко изменилась внезапно и резко. Так оно обычно и бывает и у людей, и в природе — наводнения, ураганы, землетрясения случаются всегда неожиданно, особенно часто следом за тихими, безоблачными днями. Но Бойко радовался этим изменениям. Он знал, что его река минует пороги и вновь потечет безмятежно и радостно. Он найдет свою гавань, построит «Крепость», и жизнь его будет праздником. В ней не будет ни криков, ни слез, ни отчаянных мыслей о завтрашнем дне. А будет только солнце в окошке, что бы там ни говорил Профессор.

Хлопнула калитка. Это Оля помчалась купаться на речку. Зачем? Ведь есть бассейн! Вот он, рядом! Владимир Семенович пожал плечами и посмотрел на часы. До встречи с Иваном оставалось сорок пять минут.

Бойко нахмурился. Он должен был убедить Ивана совершить еще одну акцию. Этот ночной звонок Нади переворачивал все планы. Нужно было немедленно что-то предпринять, каким-то образом отвлечь неминуемый проигрыш.

И вдруг эти мгновения сосредоточенного ожидания нарушило смутное ощущение какого-то дальнего движения. Он взглянул на берег реки, все еще темный в предутреннем сумраке, и вздрогнул от неожиданности. На миг ему показалось, что он видит Надю. Но это была Оля. Она собиралась заняться восточной гимнастикой ушу.

Девушка была в светлом кимоно, сама тоже светлая, и только волосы — словно сгусток мрака. Постояла и вдруг скинула к небу руки, как будто собралась взлететь. Да нет, это она просто потянулась, может, даже слегка зевнула с тем внутренним

удовольствием, с каким, проснувшись, потягиваются и кошки, и хорошенькие женщины. При движении кимоно распахнулось, и Бойко на мгновение увидел девичью грудь, упругую, необычайно красивую в утреннем свете.

Владимир Семенович почувствовал, как в нем вспыхнула и тут же угасла какая-то всепроникающая, как рентгеновский луч, искорка. Там, на берегу, Оля еще не успела опустить руки, а искорка уже разгорелась, и сразу разрозненные элементы рассыпанной мозаики сложились, образуя новый узор. Это было словно озарение. Владимир Семенович улыбнулся. Теперь он знал, как превратить поражение в победу.

Через полчаса, когда белая «Нива» Ивана въехала во двор, Бойко был, как всегда, собран и уверен в себе. Он радушно, по-приятельски поздоровался с Моховчуком, отметил его измотанный вид, посетовал, что жизнь — сплошное кино и нельзя как следует выспаться, потому что рискуешь пропустить самые интересные кадры. Разговор он начал издали, потому что важные вопросы никогда не решаются в лоб, с налета. Кроме того, в последнее время Моховчук беспокоил Бойко своим растерянным, несколько удрученным видом.

— У тебя проблемы? — спросил Владимир Семенович.

— Все свои проблемы я решил, — ответил Иван. — Все в порядке.

— А что так задержался?

— На дороге была авария, — отвел глаза Иван. — Чья-то машина слетела с дороги и взорвалась.

— И много жертв?

— Нет. Кажется, всего одна женщина погибла. Не успела выбраться из машины и сгорела... Бедняжка. Прямо как в кино.

— Какая жалость! — поцокал языком Бойко. — Кстати, о кино... Знаешь, Иван, тысячи людей занимаются кино и вообще искусством. А ведь все это самообман, ты не согласен? Искусство должно быть как удар хлыста — по чувствам, по воображению. Верно? Иначе это никакое не искусство.

— Искусство — вообще дело пустое, — ответил Иван спокойно.

Он скривил губы. Вероятно, хотел изобразить ироническую усмешку. Но ничего не получилось. Сегодня он явно не владел своим лицом. Должно быть, действительно измотался из-за бессонной ночи.

— О, ты не прав! — воскликнул Бойко. — Искусство старается разбудить нашу фантазию, заставляет сопереживать героям, ставить себя на их место. Послушай, неужели ты никогда не испытывал желания стать другим? Каким-то особенным, небывалым? Стать кем-то, кем ты никогда не был?

— Желание-то я испытывал... Но моя бывшая жена называла это неадекватностью, а попросту — сумасшествием.

— Почему сумасшествием? Неужто тебе никогда не хотелось быть Куком, Васко де Гамой, Колумбом?

— Хотелось, и вы это знаете. Но следом за желанием должно идти действие. Поэтому очень печально хотеть невозможного, — сухо ответил Иван.

— Знаю. Но не менее печально отказаться от мечты. Поверь, у каждого человека есть какая-нибудь мечта — тайное, самое сокровенное желание. Но не каждый находит смелость идти за ней. В большинстве своем люди — узники своих страхов. А человек, если он действительно человек, должен быть свободен.

«Станный разговор, — подумал Иван. — Пустой, отвлеченный. Неужели босс вызвал меня только для того, чтобы поговорить о мечтах человеческих. Да есть сотни людей, которые ни о чем не мечтают, кроме как пожрать, выпить и завалить какую-нибудь бабенку! Тогда к чему этот разговор?... Босс никогда не треплет языком попусту. Странно, странно... Это все Профессор! Морочит ему голову!»

— Мечта — дело редкое, — осторожно заметил Иван. — У меня, например, и нет никакой мечты.

— Лукавишь, — улыбнулся Бойко. — Мечта есть у каждого. Как сердце или почки. Как память. Может ли быть человек без памяти? По-моему, наши мечты — это изгнанная и оскорбленная память. Неудовлетворенная, неостребованная или униженная память, как хочешь. Все то, что человек подавляет в себе. И у тебя, разумеется, тоже есть мечта, только ты еще не знаешь, как к ней подступиться.

— Может быть... — пробормотал Иван.

— Наверняка, — усмехнулся Владимир Семенович. — В последние дни, как ты заметил, я просмотрел множество книг по магии. Случайно мне попалась брошюра какого-то западного футуролога. Его мнение существенно отличалось от общепринятых взглядов. Он считает, что человечеству угрожает отнюдь не то, о чем нам изо дня в день кричат на каждом углу, — ухудшение экологической среды, стремительное истощение ресурсов, перенаселение. Этот парень убежден, что основная беда человечества — полное отсутствие духовного прогресса, отсутствие высоких целей, превращение человека из творца в потребителя. Это, по его мнению, вызывает полное истощение и опустошение не только духовного мира человека, но, глав-

ное, человеческих эмоций. Даже убийство не вызывает особо бурных эмоций.

Иван молчал, однако Бойко заметил, что в глазах его зажегся интерес.

— И то же самое происходит с человеческим разумом, — продолжил Бойко. — Разум развивается и деградирует одновременно!

— Как это? — удивился Иван.

— Вот так! Казалось бы, логический абсурд. Да! Но не диалектический! — Бойко засмеялся чуть злорадным смехом. — Разум, конечно, развивается, мозг увеличивает свой вес, растет количество серого вещества в наших черепных коробках. Но это оружие обоюдоострое. Увеличиваясь в размерах, мозг постепенно подавляет то, что служит стимулом для его развития: эмоции, воображение, фантазию, — в конечном счете и мечты. Совсем исчезают интуиция и прозрение как наивысшие формы знания. И что остается? Остаются только инстинкты, грубые животные инстинкты, как у домашнего скота. Выпить, пожрать, потрахаться — все!

— Многим этого вполне хватает для счастья, — заметил Иван.

— Ты ведь — не многие! Ты ведь, так же как и я, считаешь себя исключением из правил, которое, собственно, и подтверждает правило!

Бойко чувствовал себя в ударе. Он знал, что захватил внимание Моховчука и теперь может вести его за собой на поводке куда угодно. «Насилие требует идеи, — вспомнил он свою утреннюю мысль. — И идеи нет, нужно ее создать. Так зритель становится активным участником игры. Так подвешенная перед носом морковка заставляет ослика бежать без понуканий».

— Человек сам по себе бесполезен и беспомощен. Лишенный мечты, он быстро деградирует.

А это приводит к тому, что вся человеческая жизнь постепенно замедляет свое движение, остывает. В сущности, еще ни один умник на свете не выяснил, что такое человек. И какого типа энергия помогает ему считать себя венцом творения. А ведь это очевидно: мечта, и только мечта.

Бойко замолчал, снисходительно посмотрев на Ивана. Тот смиренно сидел в кресле, повернув к нему внимательное лицо. Глаза усталые, воспаленные, но смотрят с интересом и пониманием. Значит, Бойко нашел верную ноту, зацепил, зажег, нашел созвучие. Он с удовольствием, даже с каким-то наслаждением, прислушивался, как истекают последние капли театральной паузы.

— Величие! — наконец, сказал он. — Вот основная мечта каждого человека. Конечно, каждый понимает его по-своему. Сколько спето, сыграно, написано о величии, и все по-разному. Кем был бы человек без этой мечты? Жалкой волосатой обезьяной, по сравнению с которой самый последний кретин показался бы высокоинтеллектуальным человеком! Но, влекомая мечтой, обезьяна слезла с дерева, превратилась в человека и успокоилась. Что мы имеем сейчас? Кто мы? Все те же обезьяны. Только безволосые, чьи потребности сведены исключительно к гастрономическим и половым отправлениям. Толпа, толпа...

Бойко покачал головой, восторженно потер руки, начал ходить по комнате из угла в угол. Идея начинала вырисовываться. Не бог вещь какая идея, но Иван слушал затаив дыхание.

— Итак, мечта о своей непохожести на других, мечта о величии — это и есть искусство, но истинно велик только тот, кто воплощает свою мечту в жизнь. Творить самого себя, творить для себя новую, небывалую жизнь, превращать хаос в порядок

или, наоборот, порядок в хаос — это ли не проявления божественной сущности? И тут возникает вопрос о роли Бога и дьявола. Уж сколько я прочитал в последнее время по этому поводу!.. Но все сводится к одному: Бог — это порядок, дьявол — это хаос. Но в этом-то и заключается весь парадокс мечты! К порядку стремятся только серые массы, а человек мечтающий, личность, стремится именно к хаосу. Он хочет быть самим собой без всяких правил и ограничений, навязываемых обществом. А уж потом, поднявшись над толпой, он может создать свой порядок, о котором, собственно, и мечтал. Хаос — начало всех начал.

Иван недоверчиво хмыкнул.

— Да, да. Именно хаос. Как в жизни, так и в природе. Посмотри на ночное небо. Кометы, метеоры, потоки раскаленных газов от бушующих звезд — хаос, жизнь. А теперь представь, что все звезды в галактике отдали свое тепло и потухли. Наступил порядок — смерть. Само первоначальное значение слова «хаос» означает «первородная вода». В ряде мировых религий утверждается, что Бог создал все сущее из этой воды, то есть из хаоса, упорядочив его. Даже в Библии сказано: «...и был хаос, и была тьма крошечная». Да что религия! Посмотри вокруг себя. Что у нас? Рыночная экономика! Система огромного, бурлящего хаоса, который в конце концов самоорганизуется себя. Так и душа человеческая. Хаос, который сильный человек должен организовать по своему желанию, согласно своей мечте.

Поэтому главное — быть не таким, как все, нырнуть глубоко-глубоко в свое сердце, найти самую потаенную мечту, вырастить ее, взлелеять, защитить. Если нужно, проявить твердость, даже жестокость, отбросить прочь так называемые мораль и совесть как явления внешнего порядка — сосре-

доточиться только на своей мечте. И это делает человека сильным. Тогда, со Светланой Родиной, ты чувствовал себя другим — сильным?

— Пожалуй, — кивнул Иван.

— А ночные кошмары не мучают?

Иван только хмыкнул в ответ.

— Вот и прекрасно! У тебя есть мечта. И у меня есть мечта. Помогая друг другу, мы многого достигнем... Но любое солидное дело требует испытаний — испытаний воли, твердости, решительности. Понимаешь?

— Я должен заняться этими двумя девками? — догадался Иван.

— Только одной. Надей, — кивнул Бойко. — И сделать это нужно решительно.

Иван внимательно посмотрел на босса. Странное чувство оставил в нем этот разговор. Мир, представлявшийся ему таким сложным и уродливо бессмысленным, вдруг оказался покорным и подвластным силе. Главное — проявить эту самую силу. «...Нырнуть глубоко-глубоко в свое сердце, найти самую потаенную мечту, вырастить ее, взлелеять, защитить...» Впервые в жизни Иван заглянул в свое сердце и понял, что в нем кроется нечто глубокое и темное — глубже и темнее самых мрачных и бездонных вод. И эта глубина манила к себе с непреодолимой силой.

— Я все сделаю, — хрипло сказал он. — Когда?

— Сегодня днем. На пресс-конференции. План у нас будет такой...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Давай-ка я сделаю чай, и тебе сразу станет веселее, — с деланным воодушевлением предложила Анна.

Она наконец освободилась от ночной сорочки, в которой ей пришлось продефилировать по городу, сменила ее на домашний халат и поэтому чувствовала себя гораздо увереннее.

— Веселее уж некуда, — мрачно ответил Матвей. — Прямо заколдованный круг: вертишься, копишь деньги, покупаешь тачку, тут — бац, кто-то решает спровадить тебя на тот свет и первым делом взрывает мою машину. Как это надоело!

— Следить за машиной нужно, ремонт вовремя делать... — возмутилась Аня. — При чем здесь я?

— Вот я и пытаюсь понять, при чем.

— Ты думаешь, авария была не случайна? Нам подложили бомбу?

— Черт его знает... Слишком уж много случайностей: кобра, полуночные гости, машина...

— Где у тебя чай?

— В шкафчике, на верхней полке. Есть индийский, китайский, зеленый... Только в пачках, наверное, ничего не осталось.

Аня открыла стенной шкаф, начала рыться внутри.

— Действительно, индийского — на самом дне, — разочарованно протянула она. — И на стакан не хватит. Зеленого — щепотка, и китайского... Хм. Ну, ничего. — Она набрала в чайник воды, поставила его на плиту. — И что ты обо всем этом думаешь?

— Чай нужно вовремя покупать.

— Нет, я о взрыве.

— Этот парень... В белой «Ниве». Он что-то сделал с мотором. То-то я удивился, что сигнализация в машине была отключена. Наверное, и ночью именно он «ошибся» адресом. Ну, я тебе рассказывал.

— Странно ты себя вел во время этого ночного визита. Если бы я тебя не знала, то подумала бы, что ты испугался.

— Да? А как мне нужно было себя вести? Представь себе, ломится в квартиру какой-то тип... Конечно, я мог помочь ему удалиться при помощи лома или топора, но ни того, ни другого под рукой не оказалось. Еще я мог сказать ему, чтобы он подождал — ты, мол, занята: чистишь пулемет. Это бы его озадачило.

— Ты его видел?

— На автомагистрали — нет. Да и ночью так, мельком. Темно было. Парень упрямый, но невезучий. Не повезло ему, понимаешь, с тобой. Не на ту нарвался. Он и так и эдак, а ты — никак.

— Ага. Бедняжка.

— В квартиру к тебе, вот, наведалься... Следующий раз в подъезде будет караулить. Так что каждый раз перед тем, как зайти в подъезд, бросай туда несколько кирпичей. Это позволит тебе перехватить инициативу. А если кто-нибудь около лифта попросит у тебя закурить, бей фотоаппаратом прямо в лоб.

— А если я буду без фотоаппарата?

— Трудно представить тебя без фотоаппарата... Хм. Но если его не будет, бей любым предметом, который окажется в твоей сумочке: зеркальцем, жетоном на метро, отрезком водопроводной трубы... И ни в коем случае не кричи: «Караул, убива-

ют!» Лучше весело этак крикни, что за углом бесплатно раздают водку. Подъезд мигом наполнится мужиками, и ты будешь спасена.

— Очень смешно, — фыркнула Аня.

— Действительно, смешно, — уныло согласился Матвей. — Теперь, подруга моя, придется тебе все время быть настороже. Такие дела.

— Чайник закипел. Сейчас мы сделаем чай по старинному рецепту.

— Не верю я старинным рецептам.

— И напрасно. Рецепт отличный. Чисто японский. Для поднятия настроения. На тебе же лица нет. В старину для борьбы с тоской-кручиной человека подвешивали за ноги, чтобы хандра вылилась из него через нос, уши, рот и... и так далее.

— Если меня подвесить таким способом, то, конечно, что-нибудь выльется. Особенно через «и так далее». А что еще говорится в старинных рецептах?

— Так... — Она достала чашку, налила в нее кипятка, высыпала остатки индийского чая и накрыла чашку блюдечком. — А еще говорится, что настроение человека зависит от флюидов. В них-то все дело.

— Смотри-ка ты! — поцокал языком Матвей. — Флюиды! А я-то все голову ломаю, отчего у меня такое отвратительное настроение.

— Да. В старину считали, что в каждом человеке действуют флюиды: флегма, светлая желчь, кровь, черная желчь. Когда ты мчал меня на каблуках, в тебе преобладала светлая желчь, и был ты «необуздан и отважен, с ликом шафранным». А теперь в тебе разлилась черная желчь, и потому ты «ликом бледен, тучен телом и разумом туп». В таком состоянии тебе не помогут ни очищение желудка, ни святые мощи, ни даже

самое действенное средство — настой печени жабы».

— А паломничество и кровопускание?

— Паломничество мы сегодня испробовали — не помогло. А кровопускание показано страдающим чрезмерными размышлениями. Ты страдаешь чрезмерными размышлениями?

— Нет. Как раз сегодня, на удивление, в голове легкость необыкновенная.

— Тогда тебе поможет только чай.

Аня подняла блюдечко, досыпала в кипяток щепотку зеленого чая, опять накрыла чашку. Ах, как хотелось Матвею, чтобы время остановилось, чтобы Аня вот так сидела за столом, болтала о пустяках, чтобы они вечность пили чай, заваренный по старинному рецепту. Она мастерски умеет заваривать чай. И никаких убийств, никаких покушений. «остановись мгновенье, ты прекрасно»...

— И чем я ему досадила? — как-то незаметно Аня вернулась к теме утренней аварии. — Обидно даже. Живешь себе, щелкаешь фотоаппаратом, никого не трогаешь, и тут оказывается, что тебя кто-то хочет угробить ни за что ни про что...

— Как это ни за что ни про что?! Ты видела убийцу этой... Родиной, соседки твоей. Ты — свидетель, а свидетеля любой порядочный убийца должен убрать.

— Странное сочетание — порядочный убийца, — заметила Аня.

— Этот парень и кобру тебе подсунул. Точно! Значит, наверняка он был на корабле. Вспоминай немедленно!

Аня наморщила лоб, потом махнула рукой.

— Говорю же: не помню. Не было его там.

— А фотографии? Ты говорила, что перешелкала весь корабль. Может, он на каком-нибудь снимке промелькнул. Где фотографии?

— В сумке были, в желтом пакете... Сгорели, наверное.

— Нет, — Матвей поднялся со стула и притащил из прихожей дорожную сумку. — Какой-то желтый пакет я видел... Этот?

— Да.

Матвей высыпал фотографии на стол и начал их внимательно рассматривать. Аня подняла с чашки блюдечко и вытряхнула в кипяток остатки китайского жасминового чая.

— Скоро будет готов чудесный напиток из трех сортов чая, — сообщила она с некоторым сомнением. — Тебе понравится. Все-таки старинный рецепт...

— Так... Женщин мы сразу отложим в сторону. — Матвей увлеченно сортировал снимки. — И команду тоже. Этот стюард... забавная физиономия. Он тебе явно понравился. Ты его трижды сфотографировала.

— Это он ринулся к нам на помощь во время инцидента с коброй, — пояснила Аня. — Настоящий герой, а страна должна знать своих героев.

— Понятно. А это же Оболенский! Вадим Владимирович. Его нос ни с чьими не перепутаешь.

— Ты знаком с Оболенским?

— Так... Деловое знакомство. Несколько раз выполнял некоторые его заказы. Знаешь, кроме всего прочего, он занимается издательским делом. Странный тип. Помешан на мистике. Недавно просил меня порыться в Интернете, составить список религиозно-мистических обществ. Отлично он у тебя получился. Эдакий полководец, стратег.

— Ты мне льстишь.

— А может, это он устраивает нам всякие пакости? — Матвей отложил несколько фотографий, начал их внимательно рассматривать, с сомнением покачал головой. — Нет. Не он. Его нос я бы и в темноте разглядел.

Он отправил фотографии Оболенского в стопку с женщинами и командой теплохода. На столе осталось около десяти снимков, сделанных Измайловой на маскараде. Матвей поморщился.

— Ничего толком не разглядеть, — недовольно сказал он. — Блики, маски... А это, конечно, «мисс Россия»? Нетрудно догадаться. Только на ней нет маски. Танцовщицы... Хороши!

— Но-но!..

— Но с тобой не сравнятся, — поспешно добавил Матвей. — Кто может сравниться с Матильдой моей?.. А это вождь краснокожих? Какой шикарный головной убор! Столько перьев! Бедные птички... Что это у него в руках?

— Томагавк, — склонилась над фотографией Аня. — А вон там ножи и прочие колюще-режущие орудия. Номер был просто потрясающий. Парень — мастер своего дела. Публика была в восторге.

— Он тоже без маски.

— У него боевая раскраска почище любой маски. Жуть. Такую размалеванную рожу увидишь ночью — онемеешь!

— Боевую раскраску можно снять. Кстати, кто он такой?

— Артист, — пожала плечами Аня. — Наверное. Или стюард.

— Ничего себе разбежка! А зовут его как?

— Не знаю. Я его прозвала — Чингачгук.

— Ты же говорила, что перезнакомилась со всеми пассажирами.

— Только с половиной.

— А он, значит, относится к другой половине.

— Я его видела только на маскараде. Знаешь, на миг мне показалось, что я его уже где-то видела. Он выступал с девушками-танцовщицами. С Надей и ее партнершей. Они из современной балетной студии Владимира Бойко.

— Что-то я об этой студии слышал.

— Что-то слышал?! Темнота! Студия гремит на всю Москву, а он, видите ли, что-то слышал! Хм... — Аня удивленно посмотрела на Матвея. — Я вот вспомнила... А ведь та бедняжка — Светлана Родина — тоже работала в этой студии. Наверняка Надя ее знала.

— Еще одно совпадение, — многозначительно сказал Матвей. — Чингачгук и Надя работали вместе?

— Да, — рассеянно кивнула Аня. — Партнерша ее потом куда-то исчезла, а Надю привязали к щиту, и Чингачгук метал в нее ножи. Страшное зрелище. И все без обмана. Я слышала, как ножи вонзались в щит. Бум, бум... Сердце замирало. Да, точно. — Аня схватила фотографию, начала ее внимательно рассматривать. — Не понимаю...

— Что?

— Мы сидели за столиком — Вадим Владимирович, «мисс Россия» и я. Кустодиева капризничала, требовала клубнику, а принес ей клубнику именно Чингачгук. Я это помню определенно. Поэтому и подумала, что он относится к команде теплохода.

— Может, он подрабатывает стюардом?

— Нет, это невозможно.

— Почему?

— Потому что он работает с Надей. Понимаешь, чтобы отработать номер, необходимы долгие совме-

стные тренировки... Как они могли отрабатывать номер, если Чингачгук все время в море, а Надя — в Москве? Значит, вождь краснокожих относится к эстрадной группе Бойко. Но почему он тогда выполнял обязанности официанта?

— Может, это была простая любезность с его стороны?

— Может быть. Только после этой его «любезности» Татьяна Кустодиева перестала показываться на людях. Интересно, да? — Она еще раз посмотрела на фотографию Чингачгука. — А можно каким-нибудь образом снять с него эту боевую раскраску? Ты ведь специалист по компьютерным фокусам.

Матвей с сомнением посмотрел на снимок.

— Ну, милая моя, ты умеешь озадачить!..

— Ну, Матвей, ну, пожалуйста!

— Попробовать, конечно, можно... — он в задумчивости поскреб затылок. — Попытка, как говорится, не пытка, а сплошное удовольствие... Только за результат, как это везде у нас принято, фирма не несет никакой ответственности.

Матвей схватил снимок и направился в комнату. Продолжая рассматривать фотографию, терзать затылок, что-то бормотать о конфетке, которую нужно сделать известно из чего, он включил сканер, компьютер и уселся за монитор.

Казалось, он совсем забыл об Анином существовании: водил мышью, стучал по клавиатуре и все бубнил, бубнил что-то о знатном хакере, об уникальном специалисте поиска и перекачки, о непревзойденном мастере байта и пиксела, которого всякие темные личности заставляют отмывать физиономии краснокожих дикарей. Аня тактично помалкивала. Она знала мужчин. Те даже перед сменой перегоревшей лампочки сетуют на опасности электромон-

тажных работ и об энергетическом кризисе в стране в целом.

Через несколько минут сканирование было закончено, и на мониторе возникло изображение Чингачгука. Половина лица пряталась в глубокой тени, а освещенная прожектором часть была так исполосована цветными узорами, что напоминала тигриную морду.

Матвей просто прилип к монитору. Теперь он работал исключительно мышью. Стрелка на экране превращалась то в кисть, то в ластик, то в аэрограф. Боевая раскраска вождя постепенно бледнела, расплывалась, жесткие линии смягчались, контрасты сходили на нет.

Но не только эти изменения удивили Аню. Гораздо больше ее удивило поведение Матвея. Она никогда не видела его за работой и была просто потрясена. Бесследно исчез балагур и рыцарь печального образа, которого она знала и любила. Вместо него появился кто-то другой — могучий, дерзкий, отважный. Он не работал — сражался. Он выстраивал боевые порядки у неприступной крепости, со стен которой лилась реками кипящая смола и масло, летели камни, стрелы и дротики.

Вот полезли на стены закованные в бронзовые доспехи воины в гривастых шлемах ветеранов. Загремели мечи, полилась кровь. Некоторое время защитники крепости оказывали сопротивление, но потом под неудержимым натиском берсеркеров были сметены прочь. Раненые молили о пощаде. Взревели боевые трубы, знаменуя победу. Крепость пала.

— Вот, — откинулся на спинку стула Матвей. — Все, что я смог выжать из этого... из этой фотографии. Узнаешь?

Теперь лицо Чингачгука напоминало маску Пьеро. Устрашающие узоры боевой раскраски растворились, оставив после себя едва заметные линии, исчез пышный головной убор, свидетельствующий об угнанных лошадях, поверженных бледнолицых врагах, снятых скальпах. Бледное, с выступающими скулами, чуть печальное лицо обыкновенного человека, каких тысячи.

— Нет, — покачала головой Аня. — На теплоходе без боевой раскраски я его не видела. Потому что сразу бы узнала. Мы встречались... Я вспомнила. Тогда, ночью, в подъезде... Когда убили Родину. Это тот самый тип, который чуть не сбил меня с ног. Во всяком случае, очень похож на него.

— Могу добавить, что и ночью «ошибся» квартирой тоже он. Во всяком случае, как ты говоришь, очень похож. Забавно... Ну-ка, распечатаем его физиономию.

Матвей послал изображение на печать, и через минуту из принтера выполз лист бумаги с портретом Чингачгука.

Аня схватила распечатку и торжествующе вскричала, что теперь ей все понятно. Кино называется «Покушение на Анну Измайлову». Краткое содержание: убийца, известный в народе под кодовой кличкой «Чингачгук», хочет расправиться с ней как со свидетельницей преступления. Общий план: он следит за ней, коварно подбрасывает змею, взрывает машину... Но ловкая и находчивая свидетельница выходит невредимой из всех передраг. Средний план: Измайлова обличает преступника, и тот принародно кается в грехах. Крупный план: мантия судьи, руки в наручниках, решетка, нары. Закон торжествует. Дело в шляпе. Конец фильма. Титры. Золотой «Оскар».

— Здорово, — сказал Матвей. — Осталась ерунда: собрать улики.

— А это что? — Аня потрясла отпечатанным листком. — Не улики?!

— Это портрет индейского вождя, которого долго терли мочалкой, но так и не отмыли.

— А мои показания? А кобра в каюте? А клубника?

— Это не улики. Ты сама говорила, что кобру тебе мог подсунуть любой праздно шатающийся пассажир. Что касается клубники... Таня Кустодиева же цела и невредима. Ее состояние можно объяснить обыкновенной аллергией. Остается твоя с ним встреча в подъезде и «ошибочный» ночной визит. Но мы и сами себе не можем признаться, что видели именно его. Стопроцентной уверенности нет, не так ли?

— А когда появится эта твоя стопроцентная уверенность? — вспыхнула Аня. — Когда этот тип утробит меня на глазах у прокурора?

Она смяла портрет Чингачгука, хотела выбросить его в корзину для мусора, но передумала — сунула смятый листок в сумочку и пошла на кухню. Матвей выключил технику и поплелся следом, понурый и уязвленный, словно в отсутствии неопровержимых улик была именно его вина.

— Значит, опять тупик? — спросила Анна.

— Нам нужно повстречаться с Чингачгуком, — предложил Матвей. — Одно дело ретушированная фотография, а совсем другое — очная ставка.

— Это можно устроить. Если он выступал с Наций, значит, они хорошо знакомы.

— Вот и разузнай у нее об этом типе: имя, фамилию, адрес...

— А потом?

— А потом — суп с котом. Думать будем.

— Ладно. Завтра съемки в казино. Тогда все у Нади и выпытаю. Вот, попробуй.

Аня протянула чашку чая, приготовленного по старинному чисто японскому рецепту. Знатный хакер, уникальный специалист поиска и перекачки, непревзойденный мастер байта и пиксела с подозрением заглянул в чашку. Напиток был почти прозрачным со слегка бурым оттенком.

— Чего-то не хватает, — задумчиво произнес он. — А-а, понял! Минутку!

Он вылил чай в раковину, достал из холодильника бутылку водки, налил полную чашку и выпил ее одним залпом.

— Вот теперь самое то. Тоже старинный рецепт. Чисто русский.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В отличие от Ольги, Надя всегда сильно волновалась в ответственные моменты. Вот и сейчас сердечко ее колотилось, как у девочки перед первым свиданием. Она невольно замедлила шаг, остановилась в коридоре якобы для того, чтобы поправить прическу, а когда услышала за дверью раскаты хохота, и вовсе хотела повернуть назад.

— Смелее, — подбадривал Оболенский. — Представь, что все это тебе снится.

— Боже, — вздохнула Надя. — С каким облегчением я проснусь.

Быстро, чтобы не растерять остатки храбрости, она постучала и открыла дверь.

Навстречу ей поднялся Юрик. Надя еще раз глубоко вздохнула, стараясь унять биение сердца, и выпалила:

— Привет! А вот и я.

Юрик покосился на Оболенского, потом посмотрел на нее и улыбнулся. У него была приятная улыбка, которая делала его довольно бледное лицо очень привлекательным и нежным. Он сделал шаг назад, широким жестом приглашая Надю и Вадима Владимировича располагаться и чувствовать себя как дома.

— Антонов ждет вас в своем кабинете, — сказал он Оболенскому. — Это следующая дверь по коридору.

— Понятно.

Вадим Владимирович похлопал Надю по плечу,

чуть заметно подмигнул, мол, не дрейфь, и вышел. Надя осталась одна. Чувствовала она себя прескверно. В комнате, кроме Юрика, находились еще грузный мужчина с пышными усами, что делало его похожим на бобра, и крашеная блондинка, довольно симпатичная, однако мрачное выражение лица портило все впечатление.

Надя улыбнулась, надеясь, что ей удалось скрыть свою нервозность, но почувствовала, как на верхней губе появляются капельки пота, а это случилось всегда, когда она волновалась. Она выругалась про себя.

— Меня зовут Евгений Уголев, — представился Усатый. — Но все почему-то называют меня Уголь. — Я возглавляю рекламную работу. А это Даша. — Он кивнул на крашеную блондинку с такой небрежностью, что лицо ее стало чернее тучи. — В казино мы должны были работать с ней, но шеф все переиграл.

— Хорошие игры! — выдавила из себя блондинка.

— Я, пожалуй, пойду, — попятилась к дверям Надя. — Не хочу никому мешать.

— Что вы, что вы! Ни в коем случае! — толстяк даже вскочил с кресла. — Шеф оказался прав, и я это вижу. А на Дашу не обращайте внимания. Она малость перебрала, — толстяк с усмешкой указал на журнальный столик, приспособленный для коктейлей. — Кстати, здесь жарко. Хотите выпить?

— Благодарю.

— Благодарю — да?

— Благодарю — нет.

— А я вот начала пить с восьми часов утра, — объявила Даша.

Она встала с кушетки, потянулась, было, к сто-

лику, но чуть не упала на ковер. В последний момент Евгений Уголь подхватил ее под руки и осторожно усадил на место.

— Если человек без хребта, ему не следует лезть из кожи вон, — сказал он, заговорщицки подмигивая Наде. — Так что сами видите: если вы уйдете, съемкам — конец. Я не дровосек, чтобы тратить силы на дрова.

Надя натянуто улыбнулась, стремясь показать, что хорошо поняла и по достоинству оценила шутку.

— Как я поняла, работать придется в казино, — промолвила она, стараясь переключить собравшихся на деловой лад. — Может, Даша все-таки больше соответствует образу?

Теперь уже Евгений Уголь всем своим видом показывал, что тоже понимает шутки.

— Совершенно исключено, — сказал он. — Нам как раз нужна именно такая модель, как вы. Девушка-Удача, Девушка-Судьба, Девушка-Надежда...

— Что?

— Образ, — пояснил толстяк. — Красивая ложь, которая выдает себя за чистую монету. То есть правду. Имидж, который вы понесете на себе, как крылья. Народу нужен не только хлеб. Народу нужны и зрелища. Так что зрелище — это тоже своего рода хлеб. Но отношение к зрелищам — двойное, как к сну.

— Почему? — удивилась Надя.

— Для лошадей и влюбленных сено пахнет по-разному, — изрек Евгений Уголь.

«А он забавен», — подумала Надя.

— Вы высокая, — то ли спросил, то ли отметил толстяк. — Метр семьдесят?

— Метр семьдесят два.

— Меня сбили с толку ваши каблуки. Снимите, пожалуйста, туфли.

— Потом он тебя еще что-нибудь попросит снять, — со злым ехидством вставила Даша. — Он такой... шустрый.

— Не пили сук, на котором сидишь, моя лапочка, — парировал Евгений. — Если, конечно, тебя не собираются на нем повесить.

Надя сняла туфли и стала посреди комнаты, держа их в руках. Толстяк уселся рядом с Юриком и начал оценивающе изучать ее фигуру.

— Вы принесли с собой купальник? — спросил он.

Девушка кивнула. Купальник относился к ее штатной экипировке в студии Бойко, поэтому она повсюду носила его с собой.

— Наденьте его, — приказал толстяк.

— Он не будет возражать, крошка, если ты покажешься и без купальника, — громко сказала Даша.

Надя почувствовала, что краснеет, и беспомощно взглянула на Юрика. Тот успокаивающе улыбнулся и провел ее в соседнюю комнату.

— Здесь вы можете переодеться, — сказал он и закрыл за ней дверь.

Надя быстро переоделась, задержавшись лишь на миг, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Она еще раз порадовалась своему золотистому загару. Девушка достала из сумочки бумажную салфетку и промокнула влагу на верхней губе. Затем еще раз критически себя оглядела, послала себе воздушный поцелуй и вернулась в просмотровую комнату.

Все повернулись к ней, как только она открыла дверь. На какой-то момент она почувствовала смущение, затем своей плывущей походкой танцовщи-

цы прошла на середину комнаты и медленно повернулась кругом.

— У нее хорошая, стройная фигура, — сказал Евгений Уголь.

— По-моему, груди маловаты, — хихикнула Даша. — Насколько я помню, ты лично поклонник больших.

Толстяк не обратил никакого внимания на реплику блондинки. Та оскорбилась, зло расхохоталась.

— Кончай паясничать, — приказал Евгений. — Если хочешь крови, то превратись в клопа. Подымайся, тебе давно уже пора баиньки. — Он посмотрел на Надю: — Все прекрасно. Встречаемся через...

— Через четыре часа, — вставил Юрик. — Нужно попробовать несколько вариантов.

— Через два часа, — толстяк неожиданно перешел на «ты». — Юрик «сделает» тебе лицо, а платье подберешь сама. Костюмерная... Юрик тебе покажет. Или Измайлова. Она вот-вот должна подойти.

Евгений потащил Дашу к выходу, но в дверях остановился.

— Поедете в казино без меня, — сказал он. — Я, собственно, там и не нужен. Пусть Измайлова всем заправляет. Встретимся после съемок на пресс-конференции. Ты, Надя, поброди в казино от стола к столу, привыкни к обстановке... Поиграй, что ли. Потом поднимитесь в отдельный зал и сделаете эти чертовы снимки. Массовку я организовал, с администрацией все обговорено... Да тихо ты!.. — прикрикнул он на Дашу. — Я тебе покажусь!

— А говорил, что нравится, — плаксиво напомнила она.

— Нравится, не нравится — спи, моя красавица!..

— Хочу в казино!

— Ха! В казино! Тебе только в постельку — и без разговоров.

— Хорошо. В постельку так в постельку. Но чтобы было как тогда, с шампанским и наручниками... Помнишь?

— Е-мое...

— А потом в казино!

Дверь за ними закрылась. Надя и Юрик посмотрели друг на друга.

— Вот за это я и не люблю женщин, — сообщил Юрик.

— Я тоже, — сказала Надя. — Именно за это.

* * *

В казино было многолюдно, прохладно и совсем не так чопорно, как представлялось Наде.

Все карточные столики были заняты. Вокруг седовласого мужчины в роговых очках толпились зрители. Похоже, ему везло: перед ним лежала гора фишек. Шептали, что он выиграл уже около двух тысяч.

— Карты — это не для тебя, — сразу же, при входе, заявил Вадим.

Он повел ее к рулетке, и теперь Надя сидела у расчерченного стола и пристально следила, как вращается колесо, — входила в роль. Рядом сидела дама в бриллиантовом колье. Она поднимала ставки спокойно, в глазах хладнокровный расчет, а в руках — раскрытый блокнотик, в который она время от времени что-то записывала.

— Играет систему «мартингейл», — шепнул из-за спины Вадим.

— Что это за система?

— Глупость, как и любая другая система беспроигрышной игры.

— Неужели никакой системы нет?

— Есть одна... Красть фишки со стола, когда не видит крупье.

По совету Вадима Надя решила не ставить на номера. Оболенский сказал, что сумма чисел на рулетке равна шестистам шестидесяти шести. Дьявольское, мол, число. Есть о чем призадуматься... Поэтому Надя начала играть на простые шансы, однако, как и любой новичок, тут же придумала систему.

Она ставила на красное-черное сначала жетон в пять долларов. Если проигрывала, ставила уже «десятку». Потом «двадцатку». Туда же следовало «двадцать пять». Предельной суммой было «тридцать пять». Если она выигрывала, то возвращала проигрыш и даже оставляла «десятку» в плюсе. Надя очень удивилась бы, если бы узнала, что система эта уже была придумана задолго до нее и называлась «игра по возрастающей». До сих пор красное и черное чередовалось в нерегулярной последовательности, но Надя упорно ставила на красное.

Наконец колесо остановилось. Шарик запал в красную лунку с цифрой «шестнадцать». К ее жетону придвинулся еще один.

— Ой, получилось!

— Наконец-то, — проворчал Вадим Владимирович. — Продолжай в том же духе. Считай, что ты научилась играть. Для этого тебе понадобилось пятнадцать минут. Теперь тебе осталась ерунда: научиться выигрывать. Правда, на это может уйти

немного больше времени — лет десять-двадцать.

Надя забрала выигрыш и вновь поставила на красное. Крупье выпустил шарик, и тот, поскакав по колесу, замер на красной пятерке. По-детски рассудив, что бог троицу любит, Надя вновь поставила на красное и опять выиграла.

— Может, хватит? — прошептала она на ухо Вадиму. — Давай перейдем за карточные столы. Я хочу посмотреть, как ты играешь.

— Не сейчас, — покачал головой Оболенский. — Видишь седого мужчину за покерным столом? Ну, в роговых очках.

— Да.

— Подозрительный тип. Ему везет до невозможности.

— Ну и что?

— Хм... А теперь посмотри на камеры. Они все направлены на его стол. Его потрясающее везение вызвало сомнения у владельцев. Или фортуна улыбается ему, как никому, или он шулер. Но тогда почему его пустили за стол?!

Надя понимающе кивнула. Она вспомнила рассказы Вадима о порядках в такого рода заведениях. Владельцы клубов и казино знали, кто из профессиональных российских игроков особенно поднаторел в играх, требующих ловкости и сноровки, — таких, как триктрак, баккара или покер. Их имена, фотографии и манера игры хранились в специальных картотеках. Никаких дел с такими игроками в казино предпочитали не иметь. Идеальными клиентами для игорных домов были азартные новые русские, солидные иностранцы и популярные актеры. Седовласый мужчина по внешнему виду не походил ни на тех, ни на других, ни на третьих.

— Продолжай играть в рулетку, — сказал Ва-

дим. — Сегодня твой вечер. У тебя еще есть... — он посмотрел на часы, — пятьдесят пять минут и куча фишек.

Надя кивнула и поставила на черное. «Хватит с меня красного, — подумала она. — Буду чередовать цвет по интуиции».

Видимо, интуиция у нее была развита прекрасно. За полчаса, ставя на цвет, четность, дюжины, половины и удваивая ставки при проигрыше, она выиграла чуть меньше ста пятидесяти долларов.

Шарик вел себя очень покладисто. Он менял цвета с завидной регулярностью и не застревал более трех раз на дюжинах и половинах. Перед Надей высилась горка фишек, и она продолжала их ставить на стол, но всегда после того, как запущен волчок и брошен шарик. Так советовал ей Вадим.

Еще перед игрой он рассказывал о прелестях азартных игр и между прочим упомянул, что крупье с «набитой рукой» может выбрасывать любой сектор по желанию. Дело это, мол, непростое, но возможное. Новичок никогда не определит, что его начали «пробрасывать». Для него, например, цифры 5, 17, 20, 32 — случайный набор. Только профессионал знает, что они расположены в одном секторе. И крупье может реагировать на игру везучего новичка, бросая шарик мимо его сектора. Сам Оболенский не был профессионалом, но рассказывал Наде, что среди его друзей есть игроки, которые по движению руки крупье во время заброса шарика могут определить выигрышный сектор.

— Черное!

Опять выигрыш! Верно говорят, что новичкам везет. Надя почувствовала себя легко и уверен-

но. Будто неведомая сила подхватила ее и понесла на своих волнах от выигрыша к выигрышу. Девушка ставила не раздумывая, словно заранее знала, какой цвет сейчас выпадет, и, выиграв, даже не удивлялась. Стопка ее жетонов стремительно росла.

В разгар ее везения к столу протолкались Евгений Уголь со своей блондинкой. Видимо, Даша все-таки уговорила его отправиться в казино. Платье на ней было просто сногшибательное: открытые плечи, волнующий разрез на бедре — черная, мерцающая, как звездное небо, ткань, скрепленная на спине тонкой тесемкой. Она была навеселе, и Евгению приходилось время от времени одергивать ее от всяческих сумасбродств.

— Отличный вечер для игры, — кивнул толстяк Наде. — Я вот все же решил посмотреть, как с тобой будут работать. Где Измайлова?

— Наверху. Занимается освещением, разбирается с массовой.

— Ясненько, ясненько... Вижу, игра у тебя идет! Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить.

— Да... Пока все в порядке.

— Привет, милочка, — Даша помахала Наде рукой. — И как тебя, такую нежную душу, занесло в это гнездо порока?! — она перевела нахальный взгляд на Оболенского. — А-а... Тебя папочка привел.

Евгений Уголь поперхнулся. Лицо его стало пунцовым. Он схватил Дашу за руку и потащил к другому краю стола.

— Вот дура, — разозлилась Надя.

— Молодо-зелено — буркнул Оболенский. — Играй, не обращай внимания!

Надя повернулась к столу, а Вадим продолжал смотреть на Дашу. Та играла на номера.

«Сколько этой блондиночке? — подумал Оболенский. — Лет двадцать. Совсем еще юная, чувствующая себя неповторимой, сугубо индивидуальной. А на самом деле все они такие одинаковые. Радуетса этой своей юности... И безнадежной глупости.

Понимание придет позже. А сейчас она даже не задумывается, не видит себя — летает в облаках. И только потом, когда опустится на землю, хлестнет ее стыд за себя теперешнюю, деловито-бестолковую, мнящую себя ослепительной, единственной и самой умной... А может, этого никогда и не случится. Одно у нее достоинство: долгие-долгие годы впереди. О, счастливая пора юности!..

А хотел бы я сам вернуться в свои двадцать лет? Нет, наверняка нет. А прожить сверх отпущенного срока еще двадцать лет? Да, хотел бы. Очень. Потому что человек и создан для того, чтобы жить — жить и оценивать мир. Никакая философия, никакая идея о бесконечной цепи смертей и перерождений не заменит мне меня теперешнего. Все общеизвестные философии созданы для дураков. Я сам выдумаю для себя любую философию и встану в ее центре. Потому что я умею думать и созидать. Я и есть Бог. А эта глупышка думает чужими мыслями, бросается чужими фразами... «Тебя папочка привел». Надо же! В каком фильме она это услышала? Дети есть дети. Они бессмысленно тратят время на драки и прелюбодеяние, а если и ищут истину, то находят ее, отмывая старую ложь. Дети построили новый дом, который стал надгробным памятником их глупости и нежеланию вернуться к былым знаниям. И вот они бродят по пустым залам, не видя и не слыша друг друга, — с фишками в руках, с гулкой пустотой в душе, со штам-

пами вместо разума. Нет, они так никогда и не повзрослеют.

Проклятые времена. Отброшены за ненадобностью все заслуги прошлого, истинные и ложные, и осталась только суета. А в суете даже слово не напишешь. Обязательно будет грамматическая ошибка. И скорое будущее — безжалостное, холодное будущее склепа... Мать твою, как хочется жить!»

Оболенский очнулся от раздумий, осмотрелся вокруг. И совершенно неожиданно для себя заметил за соседним столом знакомое лицо. «Чингачгук, — услужливо подсказала память. — Иван Моховчук».

— Нет, не он... Просто кто-то на него чертовски похож.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Иван оглянулся поверх толпы на двери зала. Там стояли двое охранников.

— «Секьюрити», мать их! — проворчал он. — Дилетанты хреновы!

Теперь они ощупывали металлоискателями пожилую чету: совершенно лысого старика и даму в расшитом золотом вечернем платье.

Моховчук втянул правую руку в рукав и почувствовал, как холодный металл выкидного ножа покалывает его пальцы. «Пропустили, — торжествовал он. — Не заметили! А пузырек с кислотой и во все не поддается детекторам». Он не смог сдержать улыбку — расцвел, словно радовался предстоящему выигрышу.

«Если бы Бойко только знал, — по-детски торжествовал Иван. — Если бы только он увидел меня здесь, в зале! Если бы он понял, что я рискнул пройти сквозь контроль с ножом и пузырьком кислоты!.. О, как бы он рассердился! Схватился бы за голову, затопал бы ногами! Хотя нет... Босс всегда спокоен. Просто изогнул бы этак бровь и начал бы отчитывать, как своих танцорок. Мол, по плану нужно наводиться снаружи и «сделать» Надю на выходе из казино, на автостоянке, в ночной темноте. А я здесь! Потому что чувствую себя сильным, способным на неординарные решения. Потому что я могу сам создать и организовать хаос. И еще — меня никто не узнает».

Существует множество способов изменить внешность так, чтобы остаться неузнанным. Один

из самых безотказных способов — изменить лицо.

Лицо занимает в жизни человеческой самое главное место. «У него на лице написано», «на нем лица нет»... И узнают знакомого прежде всего по лицу. Работа в цирке не требовала от Ивана сложного грима. То ли дело — клоуны. Однако азы искусства гримера он все-таки постиг.

Можно было сделать накладной нос, надеть парик, наклеить бороду и усы... Однако это было бы хорошо на арене, когда зритель находится далеко и не заметит слоя грима. В цирке любая фальшивая вещь выглядела настоящей, а любая настоящая вещь — подделкой. Иное дело, когда ты находишься среди людей, особенно если эти люди знают тебя. Например, дети всегда узнают отца под ватной бородой Деда Мороза. То же самое могло произойти и в данной ситуации. Вдруг Оболенский узнает его и спросит, зачем он наклеил усы.

На том же принципе основан метод привлечения внимания к какой-нибудь одной особенности. Стоит прилепить к носу безобразную бородавку, наложить на щеку рваный шрам, надеть разноцветный пиджак — и никто не запомнит лица: только бородавку, шрам, пиджак. Потому что воспитанный человек отвернется, а невоспитанный будет глазеть, например, на бородавку, и ни тот, ни другой не запомнит лица в целом.

Можно было отвлечь внимание от лица и другим способом — форменной одеждой. Мало кто в состоянии вспомнить, как выглядел адмирал, милиционер или швейцар, а тем более узнать их в штатской одежде. Форма делает человека безликим, притягивая внимание к себе. Но привлекать внимание к своей особе Иван не хотел никаким образом, поэтому этот способ ему тоже не подходил. Ему необходимо было самое обычное лицо, не поддающееся

описанию. Ничего экстравагантного — обычный рядовой гражданин, серая лошадка. Чтобы даже если Оболенский или Надя его заметят, то скажут, что тот парень похож на Моховчука, но, несомненно, это не он.

Прежде всего Иван изменил походку. Скользящая спортивная походка никуда не годилась. Горсть мелких камешков, насыпанных в туфли, заставляла опираться на носки и поневоле горбиться. Темные очки скрыли глаза. Несколько взмахов расчески создали другую прическу. Четыре пластинки жевательных резинок за щеками округлили овал лица. В фойе казино вошел пожилой сутулый бухгалтер, решивший раз в жизни «оторваться по-американски». От такого просто невозможно ждать никаких неприятностей. И все это Иван сделал без специальной подготовки, на ходу, по наитию.

Моховчук двинулся между карточными столами. Сердце билось радостно и тревожно. Именно такое волнение он испытывал, когда увидел взрыв на автостраде. «...Проявить твердость, даже жестокость, — вспомнил он слова босса. — Сосредоточиться только на своей мечте. И это сделает тебя сильным». Он глубоко вздохнул, и все с той же улыбкой направился к рулеточным столам.

Он заметил Надю не сразу. Она совсем затерялась среди игроков. Рядом с ней сидела дама с блокнотиком, а за спиной маячил Оболенский. Вадим Владимирович, прикрывая девушку сзади, лишил Ивана возможности что-либо предпринять.

Моховчук занял место за соседним столиком. Он по-прежнему слегка волновался. По информации, полученной от Бойко, девушка через пятнадцать минут поднимется наверх для съемок и станет недоступной для акции. Как только она в сопровождении Оболенского направится к лестнице,

будет уже слишком поздно что-нибудь делать. Так что времени у Ивана в обрез.

Бойко предлагал ждать ее внизу, чертил на листке бумаги план автостоянки, кружком обозначил место акции, пунктиром проводил линию отхода. Но настоящий творец, человек хаоса, может все. Это Иван и собирался доказать. У него был свой вариант. Рискованный, но... Главное — правильно выбрать «хлопушку» — объект или действие, отвлекающие внимание публики.

Иван вспомнил, как один знакомый иллюзионист как-то ему заявил, что за время, пока он привлекает внимание публики пассами левой руки, за его спиной могут провести слона, и никто этого не заметит. Ах, как пригодилось бы умение того фокусника сейчас!

Лезвие ножа по-прежнему холодило ему руку. Нож был острым, как бритва. Но только нож в данной ситуации неприменим. Может, все-таки зря он его взял с собой?.. А если бы секьюрити не были такими лопухами?.. Но без ножа Моховчук чувствовал себя незащищенным, голым, что ли. «Ищи хлопушку», — сказал он себе и лихорадочно начал оценивать по очереди всех игроков за Надиным столом.

Юноша с редкими усиками... В глазах азарт и отчаяние. Наверное, проигрался и теперь думает, что сказать родителям. Слишком хило для «хлопушки».

Здоровенный бугай в малиновом пиджаке... Пальцы веером, сопли — пузырями, на шее — цепура с гимнастом. По лицу легко определить, что для него ставки — всего лишь один из способов приятного времяпрепровождения. Не то.

Дама с блокнотиком. Сосредоточена, движения напряженные. Богатая мимика: надежда, отчаяние,

страх... Для нее игра составляет смысл жизни. Вполне, вполне... Такая может устроить скандал. Отметим как запасной вариант.

Генеральша с бриллиантовыми сережками... Джигит в черном из «лиц кавказской национальности»... Немец в «хамелеонах»... Не то, не то, не то...

Наконец Иван остановил взгляд на молоденькой крашеной блондинке. Та стояла напротив Нади, чуть в стороне, возле крупье. Иван внимательно посмотрел на нее.

Даже издали было заметно, что девушка в подпитии. Ее приятель — похожий на усатого моржа толстяк — пытался увести ее от стола, но у него ничего не получалось. Впрочем, он и не особенно старался: блондинке везло. Только везение это было не ее. Блондинка выбрала систему «русской старушки» — ставила свои фишки на фишки Нади и выигрывала вместе с ней. Вот блондинка наклонилась над столом, чтобы поставить на черное, и Иван увидел, как натянулась на ее спине тоненькая бретель, поддерживающая платье.

Теперь он знал, как завершить дело. И нож придется весьма кстати. Хорошо, что лезвие острое. Он начал обходить свой стол, чтобы зайти за спину крашеной блондинке. Он держался боком, за спинами игроков, чтобы Надя не заметила его. Теперь оставалось только ждать. Он посмотрел на часы. Секундная стрелка двигалась слишком быстро, просто летела по циферблату.

Черт! Нет ничего хуже, чем ждать благоприятного случая! Так можно прождать всю жизнь! Опять же Оболенский! Совершенно необязательно, чтобы Вадим Владимирович его заметил. Начнутся приветствия, пожелания удачи.

К счастью, Оболенский отошел от Нади, чтобы принести ей чего-нибудь прохладительного. В тот

же момент блондинка выпрямилась на стуле и нетерпеливо повернулась к своему усатому кавалеру, что-то повелительно сказала. Видимо, тоже попросила что-нибудь принести, только наверняка не прохладительного, а, наоборот, погорячее. Толстяк нехотя кивнул, взял несколько жетонов из ее горки и направился к барной стойке, а она вновь повернулась к столу.

За покерным столом послышалась перебранка. Двое секьюрити держали за руки седого мужчину в роговых очках, а он отчаянно возмущался, кричал о произволе и насилии и о том, что роял флеш выпал ему впервые в жизни.

— Прочь, сволочи! — ревел он. — Убью!

Глаза его дико блестели, он сопротивлялся — оттолкнул одного охранника и свободной рукой начал собирать фишки со стола.

В зале возникло замешательство. Взоры посетителей были прикованы к разоблаченному шулеру. На помощь охранникам кинулись еще двое со входа.

Сейчас или никогда!

Иван нащупал нож. Он шагнул к блондинке, и его рука с ножом сделала быстрое движение за ее спиной. Прикосновение было едва ощутимым, блондинка ничего не почувствовала, однако бретель, скрепляющая ее платье, была перерезана и держалась на нескольких нитях. Одно резкое движение — и нити разорвутся. Иван стал обходить стол, чтобы в нужный момент оказаться рядом с Надей.

Он почувствовал, как у него в висках начинает пульсировать кровь и возникает то ощущение нереальности, иллюзорности происходящего, которое накатило на него тогда, в квартире Светланы Родиной. А вслед за этой волной поднималась вто-

рая — багровая, неистовая, в искорках ненависти и всемогущества.

Она возникала сначала в висках, водопадом обрушивалась вниз, и сердце тонуло в мутных потоках. Он теперь уже распознавал эту боль и давно перестал бояться ее. Это была боль, вызываемая возбуждением, опасностью. Наверное, Бойко назвал бы ее родовыми муками.

Иван оказался за спиной Нади, которая сидела, опираясь локтями о край стола, и пыталась разобраться, что же там такое творится за спинами посетителей. Она начала поворачиваться в сторону Ивана, когда послышался истошный вопль крашеной блондинки.

Надя мгновенно обернулась на крик. Там, на другой стороне стола, блондинка безуспешно пыталась удержать свое платье на груди. Но ее усилия были тщетны — платье соскользнуло вниз, и ее грудь предстала на всеобщее обозрение.

Иван вытащил из кармана пузырек с кислотой и открыл крышку. Надя продолжала сидеть на своем стуле, удивленно глядя на блондинку, а та надрывалась в крике, прикрывая грудь ладонками.

— Что пялитесь, мерины?! Отвернитесь! Евгений! Что ржете?! Уголь!

Она метнулась от стола к дамской комнате, чуть не запуталась в подоле. Толпа окружила ее, послышался смех, непристойные советы, соленые шуточки. Крупье старался призвать публику к порядку, предлагал вернуться к игре и делать ставки, но его голос потонул в общем гаме. В этот момент Иван и плеснул кислоту Наде в лицо.

Она закричала, обхватила лицо руками, только никто не обратил внимания на ее слабый крик — все пилились на полуобнаженную блондинку. Иван заторопился к выходу.

Он чуть покачивался, словно пьяный. Перед его глазами все еще плавилась кожа девушки, сминалась плоть. И оттого в душе была пустота, какая бывает перед цунами. Словно океан отступил и дно обнажилось на многие километры. Но вот багровые воды вздыбились одним исполинским гребнем и рванулись назад, обрушились на сердце, сметая с его поверхности удаль и решительность. Остался только ужас перед свершенным. И сердце дрогнуло и пошатнулось от невообразимой тяжести. Сердце заворчалось, застонало, как раненый зверь. Сердце продолжало трястись даже после того, как волна схлынула. Казалось, оно расколослось на части и медленно заскользило в бездонную пропасть.

Когда Иван, чуть запинаясь, пересек фойе, мир перестал шататься и обрел устойчивость. Он оглянулся на игровой зал, кипящий как муравейник, и усмехнулся, приходя в себя. А потом...

Потом он охнул, встряхнул головой, не веря глазам. На лестнице, ведущей на третий этаж, стояла Анна Измайлова, живая и невредимая. Она прильнула к своему фотоаппарату и снимала игровой зал. Иван охнул и выскочил на улицу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— ...К сожалению, я не могу ее найти. Босс, ее нигде нет. У Нади она не показывалась. И на Оболенского не выходила. Я видел его в клинике... Бормотал какую-то чушь и все расспрашивал врачей о пересадке кожи. Похоже, это интересовало его больше всего.

Бойко помешал ложечкой кофе, отхлебнул глоток. Оля могла разорвать все нити ловушки. Не исключено, что она догадывается о том, кто плеснул ее подружке в лицо кислоту. Потому Иван так заметно нервничает. Бойко и сам почувствовал себя близким к панике, а это самое опасное в работе. Паника — кратковременное безумие. Можно наломать таких дров...

— Мы установили наблюдение за реанимационным отделением... Если она там появится, мы тут же сообщат, — продолжил доклад Иван. — Но... Если Ольга не захочет встречаться, трудно будет ее уговорить. Вы же знаете. Ушуистка долбаная...

— Она согласится, — сказал Бойко. — Куда ей деваться? Она на крючке и прекрасно об этом помнит. Разговор с ней — вопрос времени, которого, между прочим, у нас не так много. Кстати, что там с ее подружкой?

— Ее сегодня переводят из реанимации в стационар. Состояние стабилизировалось, но фотомоделью ей уже не быть. Оболенский в трансе. Давит на прокуратуру, гад. Если только Ольга ему намекнет... Может, ее того?.. Когда отыщется.

Бойко одним глотком допил кофе и поставил чашку на стол.

— Нет. Она мне нужна. Без нее — все напрасно. Ты понимаешь?

— Нет, босс.

— Они с Надей как сестры. Любят друг друга. И удержать их на привязи можно только играя на этой самой любви.

Бойко грохнул кулаком по столу и заорал, уставившись на Ивана бешеными глазами:

— Все! Больше никаких экспериментов! Ты думаешь, мне ничего неизвестно о том, как ты подбросил кобру в каюту Измайловой?! А твои номера в казино?! Ты понимаешь, что прошелся по лезвию бритвы? К чему эта самодеятельность? Малейший твой промах может перечеркнуть все дело. А если бы тебя узнали?! А камеры контроля над столами? Об этом ты не подумал? Может, ты хочешь вместо южных морей коротать время за решеткой?! И меня за собой утащить?! Как тебе такой расклад?

Иван никогда не видел босса в такой ярости. Даже кобра за стеклянной перегородкой террариума зашуршала галькой, приподнялась. А потом вдруг рывком вскинула голову на полметра и замерла, стреляя раздвоенным языком. В тишине неожиданно громко послышалось ее шипение.

— Виноват, босс, — пролепетал Иван. — Но я...

— Ты понимаешь, что из-за твоей глупости я чувствую себя беспомощным?! А мне совсем не хочется ставить крест на своих планах! Отныне действуй строго по инструкциям — шаг влево, шаг вправо будет сурово караться, как на этапе! Оля мне нужна, нужна позарез! Она — залог лояльности Нади. Срочно ищи ее! Не найдешь — пеняй на себя!

Иван смотрел, как извивается гибкое черное тело Сати, как мелькает язычок в ее пасти, и в голове у него была полная пустота — только все кружилась в дурацком хороводе одна мысль: как это ужасно — умереть от укуса кобры. Он с трудом оторвал взгляд от Сати и сказал:

— Я найду ее, босс. Только...

— Что?

— А если она начнет нас шантажировать?

— Тогда... Н-да. Тогда придется покончить с ней. Но это крайнее средство. Ты понял? Крайнее! И если ты без моей команды позволишь себе...

Бойко не закончил тирады. Гневные складки на его лице разгладились, на губах появилась радужная улыбка. Он уже не смотрел на своего помощника. Он смотрел в сторону двери и медленно поднимался из-за стола. Моховчук обернулся. На пороге комнаты стояла Оля.

* * *

Иван не знал, что и думать. Он не мог понять, как, каким образом эта девка проникла в кабинет босса без уведомления охраны.

— Оля! — отеческим голосом произнес Бойко. — Моя дорогая девочка! А мы тут с Иваном только что о тебе говорили... Думаем, куда же ты пропала... Иван, предложи нашей голубушке кресло.

Моховчук стряхнул с себя оцепенение и вскочил на ноги, уступая свое место.

— Присаживайся, Оля... — радушно засветился Бойко. — Нам нужно с тобой о многом погово-

рить. А я-то переживал, не случилось ли с тобой чего...

— Ничего не случилось, — хмуро ответила девушка. — И пусть Иван сядет на место, не пылит понапрасну. Я буду разговаривать стоя.

— Хм... Как знаешь. Хочешь чашечку кофе?

— Нет, — отрезала Оля.

— К чему этот свирепый тон... — делано удивился Бойко. — Так мы далеко не уедем. Ты, милая моя, не забывайся и сбавь обороты. Лучше расскажи мне, где это ты пропадала столько времени. Репетицию пропустила. А у тебя ведь выступления, программа... Но я понимаю, понимаю... Такое несчастье с близкой подругой. Кто бы мог подумать?!

— Тот, кто это спланировал, — она перевела взгляд на Ивана. — И совершил.

Бойко, казалось, был потрясен.

— Боже мой! На что это ты намекаешь?!

— Перестаньте ломать комедию, босс, — холодно произнесла Оля. — Я заглянула сюда не для того, чтобы поиграть с вами в кошки-мышки. Наигралась уже...

— Полегче на поворотах... — начал было Иван.

— А ты заткнись!

Бойко рассмеялся.

— Извини, Оля, — сказал он, успокаиваясь. — Неуместный смех. Как, впрочем, и твой тон. Но, согласись, ситуация забавная. Мы сбились с ног, разыскивая тебя, думали, что ты тоже пострадала от рук маньяка, а ты вваливаешься в мой кабинет, грубишь самым непростительным образом, и, судя по сердитому выражению личика, обвиняешь меня... В чем? В том, что я, Владимир Бойко, уродую своих же сотрудниц?!

— Вот именно.

— Серьезное обвинение... И конечно же, у тебя есть доказательства? Или я ошибаюсь?

— Надя хотела уйти от вас. Как и Света Родина.

— Какое же это доказательство? Смех один.

— Отчего же вы не смеетесь?

— Свету Родину изуродовал маньяк Виктор Берковский. А теперь кто-то ему подражает. Кстати, сам Берковский покончил с собой в следственном изоляторе.

— Как это?

— Вскрыл себе вены гвоздем. Нервы не выдержали. Или следователи переборщили с методами дознания.

— Его смерть тоже на вашей совести! Я сейчас же пойду в прокуратуру!

— Фу ты, ну ты, лапти гнуты!.. — улыбка на лице Бойко погасла. — Вот смотрю я на тебя и думаю: не выпшвырнуть ли мне тебя вон? А потом передать всю информацию о тебе в соответствующие органы. А? Ты хоть понимаешь, что я могу сделать с тобой все, что захочу?

— А я могу сейчас перепрыгнуть через стол и в одну секунду сломать вам шею, — холодно заметила Оля. — Иван даже свой дурацкий нож достать не успеет. И единственная причина, по которой я этого не делаю, это моя исключительная сдержанность. Но всему есть предел, босс. Не испытывайте мое терпение.

— Ага... — Бойко посмотрел на Ивана с намеком, изогнув бровь. — Ты видишь, дама вот-вот готова перейти от слов к действиям. Я в ужасе. Я трепещу. Она отказывается с нами сотрудничать. Да?

— Да, — кивнула Оля.

— Очень жаль. Но тем не менее напоследок я

просто обязан дать тебе совет: не нужно кусать кормящую руку.

Иван понял намек и бросился вперед. В руке его блеснуло лезвие ножа. Дальше произошло нечто не совсем понятное. Владимир Семенович мог поклясться, что Оля едва притронулась к ринувшемуся на нее Ивану — просто хлопнула по шее, уклоняясь от ножа, — и все. Но Иван вдруг споткнулся и рухнул на ковер, да так и остался лежать. Даже, казалось, не дышал. А девушка уже стояла напротив Бойко — их разделял только стол, — и в глазах ее бушевало черное пламя.

— Сдаюсь на милость победительницы, — Владимир Семенович старался, чтобы его голос не дрожал. — Ловко ты его... — Он шутливо поднял руки и заставил себя улыбнуться: — Ну теперь, когда ты чуть выпустила пар, мы можем спокойно поговорить?

— Да, можем.

— Сигарету?

— Нет.

— А я вот, с твоего разрешения, закурю. Не представляю серьезного разговора без сигареты.

Она терпеливо ждала, пока он доставал сигареты, прикуривал.

— А с Иваном?.. С ним все в порядке? — спросил Бойко, делая первую затяжку. — Самое печальное — это необратимые явления. Мне было бы очень жаль, если... Я привык к Ивану. Впрочем, я могу прекрасно обойтись и без него. Это даже к лучшему. Только куда мне девать труп?

— С ним будет все в порядке.

— Ага. Просто камень с сердца...

Она сидела в кресле, неподвижная и напряженная, как струна, и сверлила Бойко взглядом. Потом спросила:

— Босс! Зачем вы так... с Надей? Только не лгите.

— Ольга! Ай-яй-яй...

— Извините. Я слушаю.

— Ну что ж... Только постарайся держать себя в руках. Итак, ты считаешь меня виноватым в том ужасном несчастье, которое случилось с Надей?.. Но это совсем не так...

Владимир Семенович выпустил струйку дыма, и та растеклась по кабинету сиреневыми прядями, похожими на нити паутины.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Шея ныла, словно под неимоверной тяжестью. Шея казалась твердой, как гранит. Будто кто-то вогнал туда железный лом. А потом изнутри начала нарастать боль.

Она началась с легкого, едва ощутимого зуда. Мягкий пушистый котенок запустил под кожу коготки. Поначалу это было даже приятно. Но через минуту игривое покалывание сменилось ощущением жгучего ожога, будто под кожей ворочается ежиный выводок, но все не находит себе места и каждая иголочка отзывается в нервах болью.

Иван поднялся с пола, грузно упал в кресло, удивленно огляделся.

Как будто ничего и не изменилось. Вот его недопитая чашка кофе. Вот за столом, напротив, босс. Сидит, хмурится, дымит сигаретой. Вон там, в просторном террариуме, королевская кобра. Ишь ты... Подползла к самому стеклу, гадина. Капюшон раскрыла... Все было как прежде. Не было только Ольги.

— Где она? — Колочий выводок вновь заворочался у основания черепа. — Ух, е... Как это она меня?

— Этого я не могу тебе сказать, — ответил Бойко. — Сам не знаю. Ты рванулся, чтобы охладить Ольгу, но она не поняла твоего галантного порыва и моментально отправила тебя в объятия Морфея. Вот ты и вздремнул. Прямо на моем ковре. И спал целый час.

Иван посмотрел на свои часы. Маленькая стрелка сдвинулась на одно деление. Действительно, целый час.

— А вы?

— А мы с ней разговаривали. Имели, так сказать, беседу.

— А она?

— А потом она ушла наверх, в свою комнату. Я лично проводил ее до самых дверей, — Бойко хмыкнул и покачал головой. — Просыпайся скорее. Больно вид у тебя очумелый. Кофейку глотни.

Моховчук протянул руку, взял чашку с остывшим кофе и отпил глоток. Ежам это не понравилось. Они было заворочались, но быстро утихли. А кофе совсем остыл. И вкус у него был такой странный...

— Черт! — Моховчук начал растирать шею рукой. — Шустрая баба!

— Верно подмечено. Очень шустрая. Сделала тебя без напряжения — и это факт. С ним не поспоришь. Печальный и настораживающий факт. Требуемый выводов.

— Я ей голову оторву.

— Неправильный вывод. И спорный: неизвестно, кто из вас кому оторвет голову.

— Босс! Она застала меня врасплох.

— Это следствие, а мне нужен вывод.

— Какой?

— Будь первым. Атакуй, отступай первым, а не то окажешься на ковре. Вот правильный вывод. Сати, например, так и поступает.

Иван покосился на змею. Блеклые, ледяные глаза с узкими вертикальными зрачками смотрели на него в упор, и в глазах этих мерцала такая злоба, что Иван поежился.

— Кто мог такое предвидеть... — сказал он. — Следующий раз я буду настороже.

— Следующий раз?! Нужно всегда быть настороже, потому что следующего раза может и не быть! Особенно когда имеешь дело с женщинами. Тем более с такими способными женщинами, как Оля. Просто талант! Самородок! И надо же: хочет порвать со мной навсегда. Какая жалость!..

— Неужели вы согласились с ее желанием уйти?

— Как тебе сказать?... Я же не могу принудить ее работать из-под палки. Игра с Оболенским требует добровольных помощников.

— Значит... Мне заняться ее здоровьем?

— Нет, нет... Какой ты горячий! Прямо утюг, а не человек. Нельзя разбрасываться талантами, пусть даже подневольными. А кроме того, ее влияние на Надю... А Надя может принести мне... принести нам три миллиона зеленых.

Иван сделал вид, что не заметил оговорку. Он отпил еще глоток кофе, удивленно заглянул в чашку.

— Это бразильский кофе?

— А что?

— Привкус странный.

— Не отвлекайся.

— Извините, босс.

— Я убедил Ольгу, что никоим образом не причинял вреда ни Светлане Родиной, ни Надежде, — продолжал Бойко. — Кажется, она поверила. Я был очень убедителен. Короче говоря, после долгих препирательств, аргументов, контраргументов, прений, по существу, мы с ней заключили взаимовыгодную сделку. Я ей оказываю услугу, она мне платит.

— Чем же? Уж не натурой ли?

— Фу, Иван!.. Ты глупеешь прямо на глазах.

— Простите, босс. Сорвалось.

— Я пообещал, что помогу ее разлюбезной подружке Наде вернуть прежний облик.

— И в это она тоже поверила? — ухмыльнулся Иван.

— Ты ухмылочку-то свою убери! Я не обещаю того, чего сделать не в состоянии. А что касается Нади... Профессор как-то познакомил меня с одним врачом, который... Короче, лицо у нее будет. Не совсем такое, как было, но все же лучше, чем теперешнее. Но за все нужно платить. И в ответ Ольга согласилась на дальнейшее плодотворное и, заметь, добровольное сотрудничество.

— Она продаст нас при первом же удобном случае.

— Может, и нет. Во всяком случае, я сделал вид, что верю в ее искренность.

— Напрасно, босс. Вы же сами говорили, что женщинам верить нельзя.

— Нельзя, верно. До тех пор, пока они не увидят свою выгоду. И что я, собственно, проигрываю? Если она сдержит слово, то Надя принесет нам кучу зелени. А если, как ты говоришь, предаст, то, конечно, мы останемся ни с чем. Но в этом случае наш договор теряет силу: Надя остается уродиной, а соответствующие органы получают исчерпывающее досье на некую Ольгу Соболеву, разыскивающуюся в связи с обвинением в убийстве четырех человек. И как ты думаешь, какой вариант развития событий она выберет?

— Она убила четырех человек?!

— Да. И заметь: четверых руководителей спортивных школ, мастеров восточных единоборств. Говорю же — талант! Но убийства есть убийства.

ва! Фемиде это не понравится, как ты считаешь?

— Ольга будет ходить по струнке, — согласился Иван. — А что ей нужно сделать?

— Она должна свести с ума Оболенского. Окончательно и бесповоротно.

— Босс! — Иван потерял виски. — У вас не найдется чего-нибудь покрепче, чем кофе? Голова, знаете, кругом идет... Будто колокол внутри.

— В бар. И мне налей.

Иван поднялся с кресла, открыл дверцу бара, начал перебирать бутылки. В глазах чуть двоилось. Яркие наклейки расплывались цветными пятнами. Иван встряхнул головой, отгоняя дурман, постарался сосредоточиться на разговоре.

— Босс, я не ослышался?

— Нет.

— Тогда я ничего не понимаю. Зачем нам Оболенский с поехавшей крышей?

— Доверься мне.

Иван оглядел ряды бутылок.

— Вам вино или коньяк?

— Коньяк.

— И все-таки что вы задумали, босс?

— Все просто, друг мой Иван, — Бойко откинулся на спинку кресла, сложил руки за головой. — Вначале я хотел подбросить Оболенскому какую-нибудь липу — рецепт бессмертия или что-то в этом роде. Девочки исправно докладывали мне о его привычках, страхах, стремлениях. Теперь я знаю этого типа лучше, чем самого себя. Однако сомнение осталось: Вадим Владимирович не так наивен, как кажется. И я был в некотором затруднении, пока ситуация кардинальным образом не поменялась: Надя обезображена неким маньяком, и Оболенский сейчас вне себя от горя. Я доступно излагаю?

— Вполне.

— Очевидно, что сейчас Оболенскому наплевать на бессмертие и прочие магические глупости. Но если бы магия помогла вернуть его возлюбленной прежний облик, он без лишних вопросов выложил бы любую разумную сумму. И нам остается только принять его подарок. А мы примем.

— А взамен?

— Взамен мы вернем в его объятия Надю — прежнюю, с золотистой кожей, не изуродованной ожогами. Он одержим этой девкой и готов поверить во что угодно. Даже в магию потерянного облика. В этом смысле он действительно ненормальный.

— Думаете, что не сегодня, так завтра он вам позвонит?

— Он уже звонил, — сообщил Бойко. — Пока ты спал на ковре. И я не удивился. Куда ему было деваться? Утопающий хватается за соломинку.

— Вот ваша рюмка.

— Спасибо. Выпьем за удачу! — Владимир Семенович пригубил коньяк.

— Может, вы все-таки посвятите меня в детали?

— Говорю же: доверься мне. Пей, ты неважно выглядишь. Тебе плохо?

— Так... Голова кружится. Это, наверное, от удара. Чертова девка!..

— Потом устроим для нее несчастный случай, — Бойко сокрушенно покачал головой. — Как жаль... Но женщины так ненадежны. Они совершают ошибки. Как, впрочем, и мужчины. А за ошибки следует наказывать. Верно, Иван?

Иван с трудом поднял свою рюмку и выпил коньяк. Тело было словно чужое — не слушалось. И воздуха не хватало. Он упал в кресло, рванул во-

рот рубахи. Слова Бойко доносились издали, едва слышно, будто сквозь туман.

— Черт!.. Голова кружится... И тошнит. Не пойму, в чем дело...

— А все дело в том, что ты, Иван, совершил слишком много ошибок. В таких случаях обязательства одного человека перед другим теряют силу, и я не собираюсь рисковать планом. В конце концов, каждый может потерпеть неудачу. Такова жизнь. Иногда виноват сам человек, иногда — его судьба. Но пока ты жив, нужно радоваться этой продолжающейся жизни. Радуйся, Иван. Недолго уже осталось...

— Босс... Что со мной?

— Кофе. И всего одна капля «Зеленого эликсира» — того самого, что ты подлил в водку тем мальчишкам. В соединении со спиртным он творит чудеса, ты же знаешь. Минут на пятнадцать ты будешь парализован, а потом эликсир распадется, не оставив никаких следов. Нестабильное соединение.

— Босс...

— Извини, Иван. Ничего личного. Но тебе нет места в моей «Крепости».

Бойко вышел из-за стола, подкатил кресло с парализованным Иваном к террариуму.

— Босс, не нужно... За что?

— Как я тебе уже сказал, мне звонил Вадим Владимирович. Просил о встрече. И между прочим спросил, не тебя ли он видел в казино. Ты прокололся. Сначала ошибка на теплоходе с Измайловой. И чего она тебе далась? Наверное, что-то прознала про тебя? Теперь уже не важно. Но ты попал под подозрение трех человек: наших танцорок и Измайловой. Потом казино. Говорил же тебе, чтобы ты ждал Надю на автостоянке! Но нет! Ты су-

нулся внутрь, попался на глаза Оболенскому. Опять же камеры наблюдения... Тебя вычислят, и случится это очень скоро. К чему мне лишние проблемы?

Бойко остановил кресло у самого террариума. Моховчук зажмурился. Но даже с закрытыми глазами он видел перед собой эти четкие вертикальные зрачки королевской кобры. И казалось, что бесстрастные, хищные глаза змеи становятся все больше, и в их мертвой глубине, как в зеркале, Иван увидел свое отражение.

Бойко взял его руку и снял с нее свой подарок — часы «Картэ». Иван даже не почувствовал прикосновения — рука онемела.

— Они тебе больше не понадобятся. Вечность не нуждается во времени.

Вот Бойко приоткрыл крышку террариума и засунул руку Ивана внутрь. Вот Сати приподняла голову и сделала неуловимый бросок — казалось, просто покачнулась. Но на запястье появились две красные точки.

Бойко торопливо опустил крышку, потом выволок Ивана из кресла и бросил на пол.

— Случайность, — сказал он. — Роковая неосторожность при кормлении ядовитого пресмыкающегося. Фатальный исход. Смерть в результате несчастного случая. Дело закрыто, даже не начавшись.

Тело ожило. Крохотные искорки боли разгорались от кончиков пальцев к мышцам предплечья. Яд растекался вместе с кровью, и вены гудели, как раскаленные провода. Казалось, плоть горела. Змеиный яд выжигал, выкручивал, сотрясал тело. И не было никакой возможности прекратить эту жуткую, нестерпимую, огненную пытку.

— Специалисты утверждают, что, если ты не от-

кинул ласты через пятнадцать минут, значит, тебя укусила не королевская кобра, а какая-нибудь другая, — пошутил Бойко.

По венам вместо крови струился расплавленный металл, выжигая своим жаром разум. Медленно извиваясь, яд поднимался по руке к груди. Иван знал, что очень скоро умрет. Это было невозможно, немыслимо! В это было трудно поверить, и это было невозможно выдержать, потому что на границе жизни и неминуемой смерти человек перестает быть самим собой, человек превращается в вопящее от ужаса, обезумевшее животное.

И Иван закричал. А потом крик захлебнулся в ядовитых волнах, заливших его сердце.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Анна ждала Матвея и, когда раздался звонок, тут же кинулась в прихожую и открыла дверь.

Но это был совсем не Матвей. На пороге стоял старший лейтенант Агеев, а за его спиной маячил стажер Выблый. Лицо старшего лейтенанта было бледным, усталым, под глазами мешки от бессонницы. Опять не выспался, бедолага, подумала Аня. Зато Выблый выглядел бодро и свежо, как только что сорванный с грядки огурец.

— Доброе утро, гражданка Измайлова, — поздоровался Агеев. — Извините за ранний визит. Разрешите войти?

— А в чем, собственно, дело? — спросила Аня, чувствуя холод в груди. — Что-нибудь с Матвеем?

Агеев удивленно изогнул бровь, покосился на стажера.

— Матвей Матецкий, — подсказал тот. — Компьютерщик. Близкий друг. Недавняя авария на шоссе.

— А-а... Насколько мне известно, с ним все в порядке. Наверное. А почему вы о нем спрашиваете?

— Он должен был зайти, а пришли вы. Вот я и подумала...

— Угу. Понятно. Нет, у нас есть к вам несколько вопросов по поводу м-м... тех печальных событий в казино. Мы так и будем разговаривать на пороге?

— Ой, извините, — посторонилась Аня. — Прощу... У меня беспорядок, не обращайтесь...

— Не беспокойтесь.

— Проходите... Нет, вон туда.

Агеев прошел на кухню и уселся на единственную свободную табуретку. Выблый примостился на краешке подоконника, брезгливо огляделся. Он не любил беспорядка, даже творческого. Немытая посуда, разбросанные фотографии, журналы, фотоальбомы — все это вызывало в нем протест.

— Я сейчас приберу, — вспыхнула Аня. — Никак руки не доходят до генеральной уборки. Работы много.

— Какая в казино может быть работа? — бросил Выблый. — Сплошное развлечение!

— Избавьте меня от вашего сарказма, юноша! По-вашему, по-настоящему работают только у домашних печей?

— Я вам не юноша, гражданка Измайлова! Я...

— Тихо! — осадил стажера Агеев.

Он снял фуражку и положил ее на край стола. Волосы у Агеева были густые и такие рыжие, что казались пламенем, охватившим голову. От носа по щекам рассыпались веснушки, а глаза были мутные, как болотные воды. Омут и пламя. Опасное сочетание.

Аня открыла кран и начала мыть посуду.

— Ваши сотрудники уже допрашивали меня тогда, в казино, вместе со всеми.

— Я знаю, — кивнул Агеев. — Но некоторые моменты остались неясны. Кроме того, поступили результаты экспертизы. Состав примененной кислоты идентичен тому, что был применен в деле Родиной. Отсюда следует, что убийство Родиной и нападение на Березину — звенья одной цепи.

— Есть подозреваемые?

— Был. Берковский Виктор Иванович. Но... — Агеев отвел глаза в сторону. — Короче, обстоятельства дела Нади Березиной и прочие аргументы оставляют сомнение в его причастности.

— Что за странная формулировка? «Оставляют сомнение в его причастности»... Значит, он невиновен?

— Да. Скорее всего, он был невиновен.

— Что значит был?

— Гражданка Измайлова, — поспешно встрял в разговор Выблый. — Вопросы здесь задаем мы! То есть старший лейтенант Агеев.

Аня фыркнула, поставила в сушку последнюю тарелку и принялась разбирать завалы на столе.

— Вы давно были знакомы с Витькой... Тьфу, с Виктором Ивановичем Берковским?

— И при каких обстоятельствах познакомились? — добавил Выблый.

— При каких обстоятельствах?... — удивилась Аня. — Да я вообще его не знала!

— Гражданка Измайлова! — Выблый отклеился от подоконника и уселся на освободившийся табурет. — Должен вас предупредить, что дача заведомо ложных показаний — уголовно наказуемое деяние! Итак, вы утверждаете, что не были знакомы с Берковским?

— Определенно утверждаю.

— А со Светланой Родиной вы тоже были незнакомы? — перехватил инициативу Агеев.

В отличие от стажера он говорил спокойно, доверительно. Этот отеческий тон нравился Ане еще меньше, чем откровенно агрессивные вопросы Выблого. От волнения она никак не могла собрать со стола ножи и вилки.

— Я же вам говорила! У нас было шапочное знакомство: здравствуйте, до свидания — и все.

— И конфликта между вами, конечно же, не было?

— Нет, не было. А к чему это вы клоните?

Старший лейтенант Агеев не ответил. А Выблый вдруг вскочил с табурета и закричал срывающимся голосом:

— Перестаньте юлить! Двух мальчишек ваших мы нашли! Ловко вы их! Отравились, мол, и все. А на руке одного из них был ожог. Та же самая кислота.

— Какие мальчишки? — ахнула Аня. — Вы что?!

— Не нужно петь песен! — махнул рукой Выблый. Его глаза налились кровью, движения стали резкими, властными, и сам он будто раздался вширь. — Ничего не знаю, ничего не видела... Уборочку, значит, затеяли? Ешкину мать!.. А если мы к вам с обыском? А если бутыл с кислотой найдем? Или вы ее у друга своего Матвея Матецкого храните? То-то он чуть не сгорел на автостраде... Вы ножи-то положите на стол, положите. Не нужны вам ножи. Кислотой-то сподручнее?

Аня просто онемела от неожиданности. Ножи и вилки посыпались на стол.

— Ну так как, гражданка Измайлова? — мягко спросил Агеев.

— Что как?

— Будем запираться? В молчанку играть? Или поговорим начистоту? Вы же взрослая женщина, знаете жизнь, не девчонка какая-нибудь сопливая...

Это походило на сон. Или на кино. Дурацкий спектакль. Никуда не годится ни сценарий, ни диалоги, ни игра актеров... И надо бы встать и уйти из театра. Или проснуться.

«А ведь они договорились, — догадалась Аня. — Заранее договорились. Один — плохой следователь, злой и жестокий, а второй — добрый, снисходительный, все понимающий. Ну точно театр».

— Вы, если хочется, закурите, закурите... — участливо предложил Агеев.

— Спасибо, я не курю.

— Тогда выпейте. Это помогает. На кухне столько бутылок... Что это вы праздновали? Выигрыли в казино? Выпейте, выпейте... И я вам компанию составлю. Поговорим...

— О чем?

— Как это — о чем?! — всплеснул руками Агеев. — Странно от вас это слышать... Ну хотя бы о Светлане Родиной. Только с самого начала. Приехали вы, значит, поздно ночью, вошли в подъезд... И через несколько минут началась эта какофония. Весь дом на ноги поднялся. Отпираться не будете? Есть свидетельские показания...

— Какие показания?! Вы с ума сошли!

— Ваше упорное нежелание сотрудничать внушает мне определенные сомнения в вашей искренности. А искренность и доверительные отношения между людьми — залог душевного равновесия и чистой совести. Не так ли?

— Послушайте, что вы от меня хотите?

— Искренности. И доверительных отношений.

— Вы меня обвиняете в убийстве! О каких доверительных отношениях может идти речь?! Просто смешно вас слушать!

— Да! А я вот в последнее время перестал понимать, где смешно, а где нет, — грустно сообщил лейтенант. — Возьмем, например, дело Родиной. Эпизод первый. Вы заходите ночью в подъезд, и через минуту она оказывается мертва. Заметьте, Виктор Берковский ничего следствию не сообщает, хотя

трудно поверить, что он ничего не видел. Понимаете? Видел он убийцу, я в этом уверен. Но не счел возможным указать его имя. Или ее имя. Почему? Может, потому, что убийца был ему дорог? Может, на его глазах произошло убийство из ревности, и он чувствовал себя виноватым в произошедшем? Разве это смешно?

Аня начала отчаянно нервничать. Фарс, глупый фарс! Ей захотелось схватить со стола тарелку и запустить в лицо Агееву так, чтобы все веснушки разбежались. Но тогда — подозреваемую уводят в наручники, закон торжествует, занавес, бурные аплодисменты!

Ободренный ее молчанием, старший лейтенант Агеев достал из внутреннего кармана блокнотик, полистал странички.

— Эпизод второй. Анна Измайлова и ее близкий друг, можно сказать, поверенный во всех делах...

— Сообщник, — буркнул Выблый.

— ...и возможный сообщник, — согласился Агеев, — едут по автостраде. Между ними происходит разговор, переходящий в ссору, в результате чего машина переворачивается. Авария. Случайность. Бывает. Но вот что знаменательно: гражданка Измайлова отделяется несколькими шишками и легким испугом, а Матвей Матецкий чуть не погибает при взрыве бензобака. Это смешно или нет?

Аня молчала как убитая. Агеев перелистнул страничку блокнотика и как-то весело, даже бесшабашно, посмотрел на нее.

— Эпизод третий. Казино. Неизвестный злоумышленник...

— Или злоумышленница, — опять ввернул Выблый.

— ...или злоумышленница, — кивнул старший лейтенант, — выплескивает пузырек с кислотой в лицо Нади Березиной. И кого же видят следователи на месте преступления? Опять все та же гражданку Измайлову! Разве это смешно?

— Нет. Совсем не смешно, — деревянным голосом произнесла Аня.

— Плохо дело, — констатировал Агеев, захлопывая блокнотик. — Дело, можно сказать, совсем дрянь. Для вас, гражданка Измайлова. Не спорь, не спорь... — старший лейтенант из деланного сочувствия перешел на «ты». — Я уже давно в органах, знаю. Улики косвенные, спору нет. Не сама ты, конечно, это сделала — человека наняла. А ведь мы его найдем, обязательно найдем. Кстати, где в это время находился Матецкий?

Аня похолодела.

— Боже мой!.. Да как вы можете!.. Он был со мной наверху и находился там неотлучно. Есть свидетели: Юрий, осветители, массовка... Человек двадцать. Если не верите — проверьте.

— Проверим, — с готовностью ответил лейтенант Агеев. — Во всем разберемся. За это нам и деньги платят. А у тебя есть что сообщить следствию?

— У вас! — твердо поправила его Аня.

— Хм... У вас есть что сообщить следствию?

— Нет... Не считая того, что на меня самому несколько раз совершено покушение... и то, что вы, как я убедилась, не лейтенант Коломбо...

— Неужели?

— Мне змею подбросили... И ночью звонили... И бомбу в машину подложили.

— Вот это смешно, — улыбнулся Агеев. — И кто же это делает?

— Чингачгук!

— Кто? — опешил следователь.

— Я его так прозвала, — пояснила Аня. — Имени не знаю. Зато у меня есть его фотография. Он хочет меня убрать как свидетельницу.

— Свидетельницу чего?

— Я видела его в подъезде той ночью, когда убили Родину. Столкнулась с ним нос к носу. А потом он ломился ко мне в квартиру. Якобы ошибся адресом. И бомбу в машину тоже он подложил.

— Очень интересно, — недоверчиво произнес Агеев. — А где фотография?

Аня начала рыться среди фотографий, сваленных на табуретах, продолжила поиски в комнате.

— Где же она? — бормотала она. — Куда же я ее сунула?

Отпечатанный на принтере портрет Чингачгука она обнаружила на зеркале в прихожей.

— Вот, — протянула она смятый листок Агееву.

— Н-да... Мумия какая-то. Весь в пятнах, полосах... И кто, говорите, это такой?

— Чингачгук.

— Большой Змей. Я понимаю. А настоящее имя?

— Откуда же я знаю?! Разбирайтесь. Вам за это деньги платят.

— Разберемся.

Выблый взглянул через спину старшего лейтенанта на фотографию, удивленно вытаращил глаза.

— Так это же...

— Тихо, стажер! — осек его Агеев. — Разрешите взять снимок? На время. В интересах следствия.

— Конечно.

Следователь спрятал измятый листок бумаги в карман.

— Больше вы ничего не хотите сообщить?

— Нет.

— Жаль. — Агеев спрятал блокнот в карман. — Тогда, собственно, все. Пока все. До свидания. Кстати, вы никуда не собираетесь уезжать?

— Нет.

— Вот и хорошо. Пошли, Выблый.

Они направились к выходу, но в прихожей Агеев обернулся, чтобы что-то сказать, и в этот момент дверь распахнулась и в квартиру с криком «Я принес!» ввалился Матецкий.

— Что вы принесли? — вежливо поинтересовался Агеев. — Если не секрет.

— Себя принес, — пробормотал Матвей. — И свой привет.

— Поосторожнее с приветами, — посоветовал старший лейтенант. И... И тоже, пожалуйста, в ближайшее время не покидайте город. Договорились?

— Ну, если закон требует жертв... Договорились.

— Тогда до скорого свидания.

Дверь за сыщиками захлопнулась. Матвей удивленно посмотрел на Аню.

— Что за типы?

— Сыщики. Обвиняют меня в убийстве Родины и двух каких-то мальчишек, нанесении тяжких телесных повреждений трем женщинам, в том числе и Наде, покушении на твою жизнь и прочая, прочая... — она обессилено махнула рукой. — Давай, проходи в комнату и показывай свой привет.

— Но...

— Давай, давай.

Они прошли в комнату. Аня без сил рухнула в кресло перед телевизором, а Матвей вытащил из сумки три видеокассеты и вставил одну из них в гнездо плеера.

— Юрик просил передать, что с тебя причитается, — сказал он, перематывая кассету на начало. — Мол, не так-то просто было скопировать кассеты под носом у стольких ответственных лиц. Я, честно говоря, вообще не понимаю, как это ему удалось... Говорит, пустышка все это. Когда тот шулер в очках начал скандалить, все остальные камеры нацелились на него. А тут еще Даша устроила стриптиз... Короче, на пленке ничего интересующего следствие нет.

— Хотя бы посмотрим на игроков. Наш убийца может быть среди них.

— Кажется, все... Готово. Ты уверена, что это все тот же тип?

— Может быть. Сыщики сказали, что кислота во всех случаях одна и та же. Не знаю...

— Не боишься разочароваться?

— Ничего я уже не боюсь. Я теперь для Агеева — подозреваемая номер один, а для нашего убийцы — основная жертва. Если убийца меня не спровадит на тот свет, тогда Агеев со своим стажером спровадят за решетку. И куда бедной девушке деваться?... Но если я увижу на экране знакомую физиономию... Ладно. Давай утрем слезы и начнем смотреть.

Они просмотрели каждую кассету несколько раз, некоторые моменты прокручивали снова и снова — ничего. Ни одного известного или хотя бы отдаленно знакомого лица. А начиная со скандала с шулером операторы направили все камеры на покерный стол, потом на загорелые груди Даши... Откуда они могли

знать, что самое важное происходит рядом, чуть в стороне, за рулеткой.

Аня была мрачнее тучи. Как это было бы здорово, если бы она сама поймала убийцу и передала его на руки Агееву и Выблomu! Нет, сначала бы она оторвала ему голову! Но ни один из игроков не был похож на убийцу. В глазах пестрело от смокингов, вечерних платьев, драгоценностей, бриллиантовых запонок, золотых часов... А вон у того типа в сером пиджаке часы и вовсе платиновые, а циферблат в форме шестиугольника. Чудные часы...

— «Картье», — пояснил Матвей. — Знаменитая фирма, обслуживающая королевские дома Европы и Южной Америки. Очень дорогие часы.

— Выключай технику, — сказала Аня. — Плеер скоро задымится, а толку никакого. Может, Надя что-нибудь сообщит. Завтра мы с ней встречаемся.

— Ее уже выписали?

— Она хочет перевестись в другую клинику. Бойко посоветовал. Сказал, что тамошние доктора творят чудеса.

— А ты при чем?

— У девочки никого нет. Ей страшно, хочется опереться на чье-нибудь плечо.

— Неужели плечо Оболенского менее надежно, чем твое?

— Она запрещает Оболенскому приходить, не хочет, чтобы он ее видел такой... Ну, понимаешь. А подруга ее куда-то запропастилась — не звонит, не приходит. Вот Бойко и позвонил мне. Ему, кстати, она тоже отказывает в свидании. Он отвезет нас туда.

— Я поеду с вами.

— Нет, нельзя. Надя будет против. Да ты не бес-

покойся. Бойко отвезет нас. Он обещал. Надя, скорее всего, останется с доктором Сомовым, а я вернусь обратно на такси. Я все время буду на людях. Ничего не случится.

Матвей хотел сказать, что в казино тоже было полно народа, однако убийцу это не остановило. Но он промолчал. Иногда Анна была непробиваема как стена.

— Ладно, — нехотя согласился он. — А на какой машине вы поедете?

— На белой «Ниве».

— На какой?

— На белой «Ниве»... — растерянно повторила Аня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Анна удивленно посмотрела на Бойко. Он был предупредителен до невозможности. Наверное, с Надей сейчас все были точно так же предупредительны и приветливы. Каждый делал хорошую мину. Ничего другого и не оставалось, если взглянуть на ее лицо. Окруженная этой непреодолимой стеной вежливости, Надя казалась совершенно одинокой.

— Помнишь бал на теплоходе? — спросила она Аню, когда Бойко уселся за руль и машина тронулась. — Тогда все были в масках.

— Конечно, помню. Было так весело.

— А у меня теперь впереди бал длиной в жизнь. Весело...

— При чем здесь маски? Ведь тебя ждет пластическая операция!

— Мы едем не в клинику пластической хирургии, — сказал Бойко. — Это бесполезно. Другое дело — доктор Сомов. Он работает в институте высокомолекулярной химии — пластмассы и все такое.

Он протянул Ане журнал.

Аня открыла журнал на закладке. Статья была о создании муляжей человеческих органов, внешне почти не отличающихся от настоящих. Правда, все это относилось лишь к воспроизведению формы рук, ушей, носа. Далее было написано, что нынешний уровень высокомолекулярной химии вполне позволяет добиться создания запасного лица для людей с дефектами развития.

«...Наши возможности в области технологии несколько отстают. Осталось еще много нерешенных проблем. Трудно добиться, чтобы маска, если удастся ее создать, стала выразительной и могла свободно растягиваться и сокращаться, следуя за движениями мускулов лица, управляющих мимикой. Но последние достижения позволяют предположить...»

«А на что я надеялась? — подумала Аня. — Что Наде по мановению волшебной палочки вернут прежнюю красоту? Что исчезнут дыры ожогов, затянутся рубцы, вернется персиковый румянец? Но чтобы маска?! На всю жизнь!..»

А другой голос возразил. Мол, разве обычный женский макияж — это не та же маска? Чем отличается толстый слой румян и пудры от тончайшего синтетического волокна? Принципиальных отличий нет! Женщины иногда сами говорят: пойду нарисую себе лицо.

Аня отложила журнал.

— Надя! — спросила она. — Ты вот вспомнила тот костюмированный бал на теплоходе. А кто выступал в наряде индейского вождя? Он еще так ловко метал ножи!

— Моховчук, — ответил за Надю Владимир Семенович. — Иван Моховчук.

— Это его «Нива»? — поинтересовался Матвей.

— Да.

— Странно, что он разрешил ей воспользоваться, — заметила Надя.

— Ему все равно, — буркнул Бойко.

— Но ведь обычно он не терпит посторонних за рулем своей машины?

— Обычно не терпит, — согласился Бойко. — Но моя машина забарахлила... Уверю тебя, ему все равно. Пристегните ремни.

Институт находился на улице, тесно застроенной жилыми зданиями, недалеко от станции метро. Это был обыкновенный, ничем не примечательный дом, на котором висела малозаметная табличка «Научно-исследовательский институт высокомолекулярной химии».

В тесной приемной стояли лишь два истертых стула и столик, на котором лежало несколько старых журналов. Надя вела себя крайне нерешительно, все порывалась уйти — видно, жалела, что пришла сюда. Научно-исследовательский институт! Название звучало гордо и внушительно, но, судя по обстановке, это было не то место, где совершаются чудеса.

— Посмотрите пока фотографии, — сказал Бойко. — Я поговорю с доктором. Встретимся в машине.

Обернувшись, Аня увидела на стене две фотографии в замусоленных рамках. На одной — в профиль лицо мужчины без носа, напоминающее инопланетянина, как его рисуют в комиксах. На другой — то же лицо, но с прямым греческим носом, очевидно муляжом.

В приемную вошла сестра и проводила женщин в соседнюю комнату, которую Аня тут же окрестила «молочно-металлической». Сквозь жалюзи струился молочный свет, на столе у окна и в застекленных шкафчиках у стены устрашающе блестели какие-то незнакомые, жуткие на вид инструменты. Около стола стояли белый шкаф с историями болезней и вращающееся кресло с обтянутыми белой тканью подлокотниками, напротив — такое же кресло для пациен-

тов. Несколько поодаль, за дверью, высилась ширма, тоже белая. Стандартное оборудование кабинета врача, приводящее пациента в глубокое уныние.

Сомова в кабинете не было. Надя нерешительно потопталась в дверях, потом уселась в кресло для пациентов. Второго кресла не было, и Аня подошла к стеклянному шкафу, начала рассматривать хирургические инструменты, заглянула в эмалированный лоток и вздрогнула, увидев его содержание.

Нос, три пальца, ухо, кисть руки, мужской половой член... лежали в лотке и, казалось, только что были отрезаны — еще дышали уходящей жизнью. Внимательно присмотревшись, она поняла, что перед ней муляжи. Они казались такими настоящими! Аня стало не по себе. Ей даже и в голову не приходило, что слишком точная копия может производить такое тягостное впечатление. И заворачивающее одновременно.

Такое впечатление производит или совершенная красота, или совершенное уродство. Дилетанту трудно представить, что безобразное может вызывать такие же эстетические эмоции, как прекрасное. Красота и уродство — два крайних звена одной цепи, а цепь может смыкаться. Об этом знают художники. И хирурги. Недаром один известный хирург в частной беседе признался, что для него настоящая красота — это женский живот, вскрытый, весь в крови, с зажимами на кровеносных сосудах!

Вот и эти муляжи... В них заключено совершенное уродство, какое-то особое уродство — эти предметы имитируют жизнь, не будучи сами по себе ни живыми, ни мертвыми! И не потому, что в чем-то они отличаются от настоящих орга-

нов. Скорее наоборот, они воспроизведены слишком скрупулезно. Значит, именно слишком большая приверженность форме приводит к противоположному результату — к отходу от реальности?.. Или же дело в том, что муляжи неподвижны. Видимость жизни, застывшая в неподвижности. Не потому ли мимы, застывшие на площадях, вызывают такой интерес публики? А если маска, которую собирается сделать для Нади доктор Сомов, будет производить такое же жуткое впечатление?

Измайлова отпрянула от шкафа только тогда, когда в кабинет вошел доктор Сомов. У него была внешность Айболита: лысина, очки в роговой оправе с толстыми стеклами, похожими на линзы, пухлые щеки...

Некоторое время Сомов молчал, в замешательстве глядя на Анну.

— Позвольте, — сказал наконец он. — Вы от Бойко?

— Да.

— Как интересно! Неужели это вам плеснули в лицо кислоту? Признаться, я не ожидал... Никаких рубцов...

— Нет, что вы! — Аня посторонилась, указывая на Надю. — Вот ваша пациентка!

— Извините. А я-то думал... — он уселся за стол, посмотрел на Надю и откашлялся. — Ожоги, рубцы, — участливо сказал он. — А ведь я вас знаю. Видел по телевизору. Н-да... Вы закончили курс лечения в клинике?

— Мой врач сказал, что дальнейшее лечение не принесет заметных результатов, — тихо ответила Надя.

— Так, так, так... Вокруг губ лицо как будто не пострадало? А как обстоит дело с глазами?

Надя сняла темные очки.

— Глаза тоже уцелели, — констатировал Сомов. — Ваше счастье! — и с жаром, будто это касалось его самого, добавил: — Глаза и особенно губы!.. Это самое важное! Если они теряют подвижность — очень плохо... Одними муляжами обмануть никого не удастся. Да-с, милочка моя!

Было очевидно, что Сомов увлечен своим делом. Пристально разглядывая Надино лицо, он, казалось, вырабатывал план предстоящих действий. И нотки фальшивого участия из его голоса исчезли. Какое может быть участие? Он — врач, она — пациентка, им вместе работать — требовательность и еще раз требовательность.

— Работа предстоит сложная, — бормотал он, разглядывая Надю с таким жадным интересом, что она смутилась. — Ювелирная, можно сказать, предстоит работа. Не муляж какой-нибудь слепить. Муляж что? Тьфу — ерунда. Хотя тоже требует мастерства. Взять жидкий кремний... Раньше пользовались гипсом, но — не то, не то... Дело в том, что гипс не позволяет передать мельчайшие детали... А вот при помощи жидкого кремния можно точно воспроизвести тот или иной орган пациента, передать почти неуловимое, только ему присущее своеобразие... Но по сравнению с изготовлением лица все эти муляжи — детский лепет. Лицо есть лицо...

— А вы сможете вернуть Наде ее лицо, то самое, прежнее? — спросила Аня.

— Не забегайте вперед, милочка. Все не так просто. Во-первых, существует такая вещь, как выражение. Верно? Морщинка у крыльев носа, милая припухлость, ямочка на щечке — все это имеет колоссальное значение. Ведь мы говорим о лице, а не, извиняюсь, о седалище. Простите за

ненаучный термин. Все дело в подвижности лицевых мышц.

— Хорошо. — Надя молчала, и Ане пришлось взять на себя роль «наседки». — Тогда скажите, вы можете вернуть подвижность ее лицу таким образом, чтобы никто не мог заметить следов травмы?

— Вы хотите слишком многого, — Сомов оторвался от лицезрения пациентки и повернулся к Измайловой. — Воссоздать внешний облик я смогу. Технических сложностей на этом этапе не предвидится. Но я не волшебник! Я могу воссоздать лицо при помощи маски, но не вернуть прежний облик.

— А нельзя срastить маску с лицом? — подала голос Надя.

— Совершенно исключено. Это не пересадка кожи с одного, простите, места, на другое. Различные материалы, полная несовместимость... И еще одно — существует такая проблема, как вентиляция. В вашем случае без детального осмотра сделать окончательное заключение трудно, но, судя по тому, что я вижу, потовые железы не затронуты и продолжают исправно функционировать. И поскольку они функционируют, закрыть лицо синтетическими материалами, которые затрудняют вентиляцию, нельзя. Это не только вызовет нарушения физиологического характера, но и приведет к тому, что вы начнете задыхаться и больше чем шесть часов вряд ли выдержите. А потом потребуются отдых не менее шести часов. Тут нужна большая осторожность.

— Значит, Надя сможет появляться на людях только на полдня?

— Увы, да.

Измайлова посмотрела на Надю. Та понуро опустила голову.

— А других вариантов вы не можете предложить? — спросила Аня.

— Другие варианты вам могут предложить в салонах пластической хирургии, — обиделся Сомов. — Но есть одно «но»! Во первых, они испортят вам все тело, и вы не сможете раздеться м-м... на пляже. Откуда, по-вашему, они возьмут материал для пересадок? Во-вторых, следы все равно останутся.

— Следы можно скрыть при помощи грима.

— Который тоже нельзя носить больше шести часов, — едко заметил Сомов. — Так какая же разница? Тем более что ваш грим будет замечен с любого расстояния, в то время как мою маску вы не отличите от настоящей кожи даже под микроскопом! И подумайте — грим может размазаться, его нужно все время подправлять, помнить о нем. В конце концов это приведет к депрессии.

— А ваша маска не приведет к депрессии?

— Поймите, что любые ожоги и шрамы — особенно на лице — нельзя рассматривать только как проблему косметическую. Нужно признать, что эта проблема соприкасается с областью профилактики душевных заболеваний. Я же уважаю себя как врач. Я создам вашей подруге новое старое лицо. Я никогда не удовлетворился бы ролью ремесленника, изготавливающего протезы. Это будет высший класс! Тем более что Владимир Семенович просил не беспокоиться о финансовой стороне вопроса.

— Но маска... Это так непривычно.

— Что вы привязались к этому слову?! Маска, маска!.. Маска — это чужая личина. Надежда Березина будет надевать маску самой себя и ни о какой маске в полном смысле этого слова не может быть и речи. Итак, мы будем работать?

— Я не знаю... — пробормотала Надя. — А маска не будет такой уродливой, как оригинал?

— Хороший вопрос, — потер ладони Сомов. — И по адресу. Кто, как не я, знает, что такое уродство?! Протез — вот уродство. Но ваша маска будет жить. Все дело, повторяю, в мимике и только в мимике! Чтобы развеять ваши сомнения, разрешите прочесть небольшую лекцию.

Сомов вскочил с кресла и начал ходить по кабинету из угла в угол, словно выступал на конференции перед студенческой аудиторией.

— Мимика, безусловно, является основой выражения лица, — начал он. — Мимическая мускулатура растягивается и сокращается в определенных направлениях. Помимо этого, существует еще кожная ткань, также имеющая определенное направление волокон, и эти волокна перекрещиваются почти перпендикулярно, создавая характерные морщины, характерные очертания... Подобное расположение волокон, как известно, называется «линиями Лангера». Следовательно, если хочешь придать маске живую подвижность, нужно пучки синтетических волокон соединять в соответствии с «линиями Лангера». В настоящее время существуют пластмассы, имеющие большую эластичность. Для кератинового слоя эпидермы прекрасно подойдут акриловые смолы. Что касается внутренних слоев кожи, то, видимо, для них вполне можно использовать тот же материал, что и для эпителия, предварительно вспенив его...

Сомов, казалось, забыл о своих слушателях, постепенно перешел на специализированные термины и, похоже, разговаривал сам с собой. Иногда он опускался с заоблачных высот, и тогда было понятно, о чем идет речь. Но основная

часть лекции оставалась тайной за семью печатями.

— Любое выражение лица можно спроецировать девятнадцатью точками, выбранными из более чем тридцати мимических мускулов. Наша лаборатория произвела некоторые подсчеты. Вот что интересно... Мы зафиксировали на фото пленке примерно десять тысяч случаев выражения различных эмоций и определили среднюю величину подвижности каждой. Оказывается, плотность мимики особенно высока на участке, ограниченном кончиком носа и углами губ. Затем она постепенно уменьшается. По нисходящей следуют рот, скулы, участки под глазами. Самая низкая плотность мимики зафиксирована на лбу. Таким образом, мимическая функция концентрируется в нижней части лица, в первую очередь вокруг губ, а губы у вас, слава богу, сохранились. Кстати, кто этот негодяй, который с вами такое сделал?

— Я его не видела, — ответила Надя.

— Мерзавец, — покачал головой Сомов. — Мне слишком часто приходится иметь дело с подобными травмами. Это моя работа, и ее много, слишком много. Хотелось бы поменьше. Н-да. Ну так как? Что вы решили?

— Я подумаю. Можно?

— Ваше право. Если надумаете, то приходите завтра утром, часиков в девять. Сделаем слепок, и через недельку все будет готово.

Женщины попрощались и покинули кабинет.

— Ты действительно ничего не видела? Тогда, в казино, — спросила Аня.

— Все было так неожиданно. Помню только руку.

— Руку?

— Рука с пузырьком. Мужская. Серый пиджак, белая сорочка... Часы... Дорогие, платиновые. Циферблат еще такой забавный, в виде шестиугольника.

— «Картье»?! — ахнула Аня.

— Не знаю. Наверное. — Надя рассеянно огляделась по сторонам. — Знаешь, я не поеду с вами. Хочу пройтись. А вы поезжайте.

— Я с тобой. В машине так душно... Ты не против?

— Я хочу побыть одна.

— Надя! Но... Твое лицо...

— Поэтому я и хочу пройтись.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

— Очень интересно! Но продолжайте, продолжайте.

Старший лейтенант Агеев опять выглядел невыспавшимся. Может, Анна все время встречалась с ним после ночных заданий, а может, это было обычное его состояние.

— А что здесь продолжать?! — подвела итог Измайлова. — Все ясно. Родину убил он! Доказательство — он был с ней знаком, и я видела его в подъезде. Мотив — ревность. Кобру в мою каюту подбросил он. Доказательство — он имел доступ к змее и находился на теплоходе. Мотив — убить свидетельницу, то есть меня. Аварию на автостраде устроил он. Доказательство — мы видели его на дороге. Мотив — все тот же — расправиться со мной.

— Вы видели его на дороге?

— Ну, не совсем... Мы видели белую «Ниву». А у Моховчука как раз белая «Нива»!

— Я проверил номер машины, — сказал Матвей. — «Нива» принадлежит Моховчуку.

— Интересно... Как это вы смогли проверить?

— Не важно, — отвел взгляд Матвей. Ему не хотелось сообщать сыщику, что войти в базы данных автоинспекции для специалиста поиска и перекачки и непревзойденного мастера байта и пиксела — пара пустяков.

— И именно Моховчук плеснул в лицо Нади кислоту, — заявила Аня. — Доказательство находится на видеопленке. Вот... Матвей, покажи!

Матецкий нажал на кнопку пуска, и телевизор

ожил. На экране возник игорный зал казино: крупье бросал шарик, дама записывала в блокнотик, к седому шулеру подходили охранники... А потом среди игроков мелькнул тот тип в сером костюме, и Матвей остановил кадр.

— Вот! — сказала Аня. — Мужчина в сером пиджаке. Часы видите? Это «Картье». И Надя говорит, что в последний момент видела руку с часами. Такой же шестиугольный циферблат, платиновый корпус.

— Мало ли у кого могут быть такие часы! — хмыкнул Выблый.

— В том-то и дело, что мало! — уверенно сказал Матвей. — Людей с такими часами можно по пальцам пересчитать.

— А что в этих часах особенного?

— Цена. Среди ваших знакомых, молодой человек, есть люди, обладающие часами стоимостью в машину?

Лицо Выблого вытянулось.

— Нет, — выдохнул он.

— И среди моих знакомых таких людей тоже нет. Исключая деловых партнеров — очень богатых людей. Только они могут позволить себе такие безделушки.

— Зачем им такие часы? Ради престижа?

— И ради престижа тоже, — кивнул Матвей. — Опять же бизнес в нашей стране — вещь ненадежная. Вдруг придется в спешном порядке уносить ноги. Вдруг времени не будет даже для того, чтобы захватить деньги? А часы — они всегда на руке. Их можно сдать и получить начальный капитал. В старину в том же ракурсе смотрели на массивные браслеты, золотые цепи на шее, пояса... Как-нибудь на досуге обратите внимание на портреты старых мастеров.

— Честно говоря, я даже не представляю себе такой кучи денег...

Измайлова заметила, что глаза стажера затуманились. Наверное, он пытался представить всю сумму. Сто долларов, еще сто, еще... Уже триста долларов. Еще сто... Аня поняла, что это занятие надолго выбьет стажера из колеи, и постаралась вернуть его внимание к насущным проблемам.

— Жалко, что этот тип ни разу не повернулся к камерам слежения лицом, — сказала она. — Но фигура! Обратите внимание! Манера движения!.. Так может двигаться только бывший циркач!

— Или человек, страдающий варикозным расширением вен, — фыркнул Агеев.

— А прическа? Волосы?

— Парик. Этот мужчина может быть лысым как колено.

— Это вылитый Чингачгук! То есть Иван Моховчук. Какие нужны еще доказательства?

— Смутный силуэт со спины — это не доказательство, — устало проворчал Агеев. — И с мотивами — напряженка. Интересно, как к тебе... к вам попала эта пленка?

— Не важно, — ушла от ответа Измайлова. — А чем вас не устраивают мотивы?

— Если Моховчук, по-вашему, убил Родину из ревности, то зачем он изуродовал двух других женщин?

— Заметал следы, это же ясно! Хотел подставить Виктора Берковского. И это ему удалось.

— Да, удалось... А Надю Березину он тоже того... Из ревности?

Аня пожала плечами.

— Вот именно. Нет мотива. — сказал Агеев. — Помните наш первый разговор? Вы тогда еще сказали, что у маньяков своя логика, основанная на

своих собственных мотивах. Другими словами, если маньяк убивает свою любовницу, то это еще не значит, что он убивает ее на сексуальной почве.

— Помню.

— Значит, Иван Моховчук, по вашему, — маньяк? Или же за его действиями кроется логичный мотив, которого мы не видим? Пока не видим.

— А не проще ли взять самого Моховчука за жабры и спросить?

— Нет, не проще, — вздохнул Агеев.

— Почему?

— Потому что покойники редко разговаривают.

— Не понимаю... Неужели?..

— Да, — кивнул старший лейтенант.

— Это не я, — на всякий случай сказала Аня.

— Никто вас и не винит. Смерть Моховчука наступила в результате несчастного случая. Неосторожное обращение с ядовитыми пресмыкающимися. Змеиный укус.

Аня рухнула в кресло.

— А ведь я допрашивал Моховчука, — как ни в чем не бывало продолжал Агеев. — Тогда, в связи с обстоятельствами смерти Родиной. И он не произвел на меня впечатления больного человека. Конечно, я не психиатр, как Сергей Сергеевич Кудин, но маньяком Моховчук не был, это точно.

— Фокусы нам показывал, — подал голос Выблый. — С долларом. Смешно... Интересно, что можно купить на полмиллиона долларов?

— А кто такой Сергей Сергеевич Кудин?

— Сосед Бойко. Доктор психологических наук, но уже давно не практикует. Станный тип... Весьма странный.

— И он считает Моховчука маньяком?

— Как раз наоборот... Он незнаком с Моховчу-

ком, но, выслушав подоплеку дела, признал его вполне вменяемым, — ответил Агеев. — И он прав! Ведь даже маньяк остановит свою деятельность, если за его преступления садят другого. Или хотя бы сменит стиль. Но нет. Моховчук наливает в пузырек ту же кислоту, идет в казино, на люди, рискуя быть узнанным, совершает акцию на глазах у публики... Неужели он не понимал, что тем самым следствие возобновит уголовное дело по факту убийства Родиной?! Я думаю, понимал. И тем не менее не остановился, не изменил стиль — та же кислота, те же методы... Еще и часы на руку нацепил: вот я, мол, каков. Странно, не так ли?

— Вы думаете, Моховчук выполнял чей-то заказ?

— Мелковат Моховчук для роли крестного отца... Да, скорее всего заказ.

— Чей? — спросила Аня. И тут же сама ответила: — Бойко.

— Я ничего не говорил, — торопливо заметил Агеев. — Просто рассуждал сам с собой, строил версии, делился предположениями...

— Мне льстит ваше внимание.

— Дело в том, что у вас есть особый талант находиться в самой гуще событий.

— Мне это уже говорили, — покосилась на Матвея Анна.

— Значит, я не ошибся. Может, события приведут вас к разгадке. Кто знает?... Однако дело Родиной со смертью Моховчука скорее всего будет прекращено.

— Как прекращено? — вскричала Аня. — Ведь вы сами только что сказали, что это скорее всего заказное убийство. Как и нападение на Надю.

— Практика показывает, что заказные убийства,

к сожалению, раскрыть невозможно. Особенно когда вероятный непосредственный исполнитель так «вовремя» погибает от укуса змеи. Между прочим, никаких часов при нем не было обнаружено. Интересно, куда они подевались?..

— Но...

— До свидания, — Агеев поднялся и направился к двери.

— А Моховчук?... Где он погиб? — спросила Аня. — В лесу? В зоопарке?

— В подмосковных лесах кобры пока, слава богу, не водятся. Да, да, та самая кобра, ваша знакомая... А погиб гражданин Моховчук на даче Владимира Семеновича Бойко, — Агеев как-то странно посмотрел на Измайлову. — Это за городом. Кстати, запрет на передвижения за черту города с вас снят. Если что, мой телефон у вас есть.

Он кивнул Выблому, и они покинули квартиру.

— Как старуха у разбитого корыта, — проворчала Аня. — Где же Надя? Матвей, набери ее номер еще раз.

Матвей подошел к телефону.

— А этот «лейтенант Коломбо» не так прост, как мне показалось в первый раз, — сказала Аня.

— Его фамилия Агеев, — ворчливо поправил Матвей, — старший лейтенант милиции Агеев, и ни на какого Коломбо он не похож.

— А я его таким придумала...

* * *

Электричка, естественно, оказалась переполненной, и для Нади было мучением оказаться в

толпе. Она сидела, спрятавшись за темными стеклами очков, не в силах заставить себя поднять голову и посмотреть, что делается в вагоне. Она понимала, как комично ведет себя, пытаясь спрятаться среди людей, стать невидимой, замирая, как насекомое, прикинувшееся мертвым под клювом хищной птицы. Каждый раз, когда вагон останавливался, она, вцепившись в поручень, буквально боролась с малодушным желанием разрыдаться, выплеснуть свою боль и отчаяние с потоком слез.

«В конце концов, чего мне стыдиться, — уговаривала она себя. — Никто ни в чем меня не обвиняет, никто не указывает на меня пальцами, никто не смеется».

Однако вакуум, образующийся вокруг нее, и косые взгляды были обиднее любой открытой насмешки. Надя вся сжималась от стыда, точно совершила преступление.

В конце концов, лицо имеет глаза, рот, нос, уши, нашептывало второе ее «я». Неужели не достаточно того, что они функционируют нормально? Какое значение имеет форма? Лицо служит не для того, чтобы демонстрировать его людям, а только для тебя самой! И нечего принимать так близко к сердцу брезгливость и отвращение окружающих...

А другой голос тихо, с издевкой напоминал, что когда-то она была в центре внимания, вызывала восхищение и зависть. До сих пор рекламные плакаты с ее портретом висят на каждом углу. Какого же черта она пытается убедить себя, что лицо — ее личное дело? Не личное.

Слева от нее сидела молодая семья. Родители разглядывали рекламные листки на стенке вагона и что-то горячо обсуждали, а девочка лет семи за-

чарованно смотрела на Надю округлившимися от удивления глазами.

Любопытство? Нет, скорее, тревога и страх. Девочка была словно в трансе. Под этим пристальным взглядом Надя стала терять самообладание. Она резко повернула лицо к ребенку. Любопытство перешло в растерянность, а потом в ужас. Девочка прижалась к матери, заплакала, а та, приняв плач за очередные капризы, начала ее бранить.

Надя торопливо поднялась с места, стала проталкиваться к выходу. У самой двери в черном стекле она увидела свое отражение: мертвенно-блеклая, как воск, кожа, изрытая коричневыми кратерами ожогов, синеватые струпья, напоминающие чешуйки Сати. Неудивительно, что ребенок пришел в ужас. Сейчас мать начнет расспрашивать дочку о причинах плача, поднимет глаза на Надю, за ней последуют и другие пассажиры...

Поезд остановился, и Надя выскочила на платформу, будто за ней кто-то гнался. Она чувствовала себя усталой до изнеможения. Она рухнула на скамейку, которая тут же оказалась в полном ее распоряжении: люди отодвинулись, а потом и вовсе поднялись — избегали сидеть рядом с больной, пораженной кожным недугом. Глядя на это поспешное бегство, Надя почувствовала, как сжалось ее сердце.

Электронные часы под навесом платформы... Время текло для всех людей, кроме нее... Секунды, минуты, годы обтекали девушку, создавая невидимый кокон беды. Но беду эту, в отличие от неразделенной любви, болезни, безработицы, невозможно разделить с другими. Печать уродства всегда будет принадлежать только ей, и она ни с кем не сможет поделиться своим несчастьем.

«Ты чудовище, — сказала себе Надя. — Тело твое называли храмом любви, а теперь этот храм осквернен: его заполнили чешуйчатые кольца Сати. Вот холодная уродливая тварь ползет, извиваясь, по позвоночнику, становится все толще, сильнее, заполняет собой все пространство души, сама становится душой... Да, я чудовище лицом и сердцем. Чудовище должно без конца совершать насилия, потому что оно не что иное, как изобретение своих жертв...»

Одна мысль об этом была так страшна, что Наде захотелось выть. Нет, изо рта ее не вырвалось ни звука, и никто не видел, как глаза ее за темными стеклами очков молили: «Помогите! Не смотрите на меня так! Не избегайте меня! Если вы и дальше будете меня сторониться, я ведь и вправду превращусь в Сати, в чудовище!..»

Наконец Надя не выдержала и в панике, как птица, ищущая спасения, продираясь сквозь людские дебри, в отчаянии побежала к эскалатору. Прочь от взглядов, домой, в единственное место, где можно вернуть равновесие. Она бежала, опустив голову, не оглядываясь, и потому не видела, что за ней по пятам следует Бойко.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Бойко шел следом за девушкой, пытаясь видеть ее глазами, угадать настроение и мысли. А мысли эти не были радостными. Люди, обгоняющие ее, шедшие ей навстречу, — чужие, незнакомые люди — образовали вокруг девушки прочную стену, глухую, без единого окошка, без дверей, в которые можно было бы постучаться. Люди уступали Наде дорогу, сторонились — не допускали, чтобы она слилась с ними. И хотя на улицах была невообразимая толчея, вокруг девушки всегда оставалось свободное пространство.

Бойко отметил, что никто у нее ничего не спрашивал, никто даже не задел ее плечом, словно она была предана анафеме или проклята. Лицо ее было ее тюрьмой. Лица прохожих, стекла автомобилей, стеклянные витрины магазинов — все превратилось в безжалостное зеркало, и девушка повсюду натывалась на собственное отражение.

«Нет, это гораздо хуже тюрьмы, — решил Владимир. — Из тюрьмы ты можешь выйти, в конце концов, устроить побег. Но куда убежать от своего лица? В этом-то и есть весь ужас заточения. Словно граф Монте-Кристо, брошенный в мешке у крепостных стен замка Иф, только без всякой надежды на освобождение».

Бойко нужно было поговорить с Надей. Девушка нужна была ему для последнего акта спектакля. Но как подобрать слова, как убедить ее оказать помощь, когда она находится в таком состоянии? Вывать к милосердию? Шантажировать угрозой

разоблачения Ольги? Напомнить об одолжении, которое он ей оказывает, договорившись с доктором Сомовым? Но Надя, похоже, еще не определилась. Маска страшит ее больше, чем изуродованное лицо.

«Ее колебания можно понять, — думал Бойко. — Нужно просто объяснить ей разницу между маской и личиной. Личину надевают, чтобы скрыться от людей, отдалиться от них, встать над ними, отрезав все пути. В ее случае маска, наоборот, восстановит тропинку, разорвет круг одиночества. Она поймет и согласится, а согласившись — поможет. Иначе — никакого доктора Сомова. Это честное предложение, от которого невозможно отказаться».

А что будет потом? Бойко поморщился, отгоняя ненужную сентиментальность. Какая разница. Получив деньги, он исчезнет, закроется за стенами «Крепости». А Надя?

Получив маску, она будет жить хрупкой надеждой найти среди людей кого-нибудь, кто, как и она, потерял лицо. Оболенский ей в этом поможет. Тогда тюрьма одиночества расширится: рядом с ней будут такие же узники — люди той же судьбы. Она будет засыпать, слушая бесчисленные стоны, проклятия, жалобы, плач... И знать, что она не одна такая, не одна.

Неизвестно, утешит ли ее такая жизнь. Тюрьма размером с город все равно остается тюрьмой. Приговор бессрочен, а единственное преступление, в которых обвиняются узники, — потеря лица.

«А ведь долго так продолжаться не сможет, — понял Бойко. — Оболенский не выдержит напряжения и тоже обвинит ее в том, что она утерjala красоту, перестала быть желанной. Отправил же он свою жену на лечение в Италию, с глаз долой... И Надя

станет преступницей для единственного человека, который ее любит. В этом суть современных человеческих отношений, и, значит, весь наш мир — огромная тюрьма. Гамлет был прав. Но все равно ее положение узника — наихудшее, потому что если остальные люди утерjali свое духовное лицо, то она — и физическое тоже».

«Но даже у узника есть надежда, — продолжал размышлять Бойко. — Надежду может дать маска. Она превратится во второе лицо, со временем станет броней, и, закованная в эти доспехи, девушка без сожаления расстанется с именем, возрастом, лентой первой красавицы. Может, тогда она почувствует себя победительницей — свободной, сильной, неприступной за тонкой пленкой синтетической безопасности, которую я ей обеспечу?»

Свобода! Вот то слово, с которого нужно начинать разговор! Ведь Надя всегда мечтала стать независимой и свободной! Правда, свободу она понимала не как полет в поднебесье. Скорее, как надежное гнездо, устроенное на вершине неприступной скалы, — этакое комфортабельное гнездышко, оснащенное скатертью-самобранкой и рогом изобилия. Да, видимо, целью ее существования была свобода, внутренняя и материальная, пусть даже под крылом Оболенского. И она своего добилась бы, если бы не пузырек с кислотой...

Свобода! Такая цель смешна, потому что нереальна. Но мечта о свободе — иное дело. Мечтать нужно и должно о вещах несбыточных и абстрактных. Тем интереснее путь к воплощению мечты. А путь Нади может быть интересен, если она согласится со мной и будет, не оглядываясь на мораль, использовать все возможности маски. В этом случае все ее действия можно будет легко контролировать».

План предстоящего разговора был готов. Он стоял перед глазами Владимира Семеновича, как отпечатанный на бумаге конспект. Главы, заголовки, пункты...

Процедура изготовления маски займет около недели. Дело это непростое, но доктор Сомов — мастер своего дела. Важно сотрудничество. Сначала нужно сделать слепок лица, который будет внутренней стороной маски. Затем Сомов по фотографиям сделает скульптурный портрет прежнего облика, который послужит основой для наружной стороны маски. Далее, основываясь на скульптуре и на слепке лица, доктор изготовит тончайшую пленку — вторую кожу — путем создания двух слепков: внутреннего и наружного. Благодаря этому соединению маска идеально сядет на лицо и будет полностью отражать всю мимику. Правда, материал слишком нежен и может порваться, если снимать маску не слишком осторожно. Но у Бойко всегда найдутся запасные маски, которые он будет выдавать Наде по мере надобности и в соответствии с ее поведением. «С ее поведением», — подчеркнул он про себя.

— Надежда! — Бойко догнал девушку и взял ее под руку. — Ну, тихо, тихо... Не вырывайся. Нам нужно поговорить.

* * *

— ...Никакого богохульства! — холодно заметил Бойко. — Вы же сами прекрасно знаете, Вадим Владимирович, что это христиане переделали Бога Мудрости, творца всего сущего на земле, в Ангела Смерти — нелепого рогатого полукозла с копытами

и рогами! Посвященные знают, что Бог безразличен, он занимается небесами, а дела земные находятся в ведении Сатаны — сына и ангела Божьего. А вы говорите — богохульство!

— Вы не так меня поняли! Я с вами согласен, но христианские представления о проклятии...

— Нельзя идти на поводу христианских представлений, будто Бог проклял дьявола. Например, в Старом Завете Бог евреев запрещает проклинать Сатану! «Ибо даже Михаил Архангел... не смел произносить Дьяволу укоризненного суда». Это факт. То же самое повторено в Талмуде. Отсюда следует, что Сатана тоже Бог, которого страшится сам Господь. И если мы хотим чуда, то нужно обращаться к Сатане, потому что «Сатана всегда близок и переплетен с человеком». Именно он наш Дух-Хранитель, именно он может направить силу невидимого мира в видимый и объективный. Таким образом, козлиная маска, насильственно возложенная на лик Сатаны, оказывается всего лишь неудачным переодеванием. И не нужно бояться темноты. Тьма была началом всех вещей. Потом родился Свет и Облик. Если перед нами стоит задача вернуть прежнее лицо Надежды, то обратимся к первозданной Тьме! Вы согласны со мной?

— Я не слишком компетентен в теории, — пожал плечами Оболенский. — Некоторые вещи, сказанные вами, напомнили мне сатанинские обряды. Тьма, перевернутый крест, змея... Поэтому я и заострил внимание на деталях ритуала. Признаться, несчастье с Надей выбило меня из колеи... Мне остается только положиться на вас.

Они шли по набережной. День был в самом разгаре, день затопил город солнечным сиянием и суетой. Было жарко. Легкий ветер не приносил облегчения — лениво трепал листву деревьев,

в жидкой тени которых отчаянно ссорились воробы. В вихрях танцевальной музыки мимо проносились прогулочные катера, и треугольный клин волн расходился, ударяя в гранитные плиты набережной.

В этот час здесь было уже многолюдно — спортсмены, туристы, мамы с колясками, гоголющая молодежь. За всем этим гамом едва слышался плеск волн и шум тополей. Однако Бойко казалось, что вокруг никого нет. Он просто не замечал ничего и никого вокруг, словно набережная опустела, а он и Оболенский, вот, остались. И разговор их бесконечен.

Вадим Владимирович все сомневался — верил и одергивал себя. Бойко начинал нервничать. Конечно, он продолжал говорить с апломбом, как великий адепт, но те сведения, которые он нахватал за последнее время из различных брошюр по магии, подходили к концу. Приходилось импровизировать, и Бойко боялся совершить ошибку, оговориться, употребить не тот термин и тем самым отпугнуть Оболенского. Вместе с тем Владимир Семенович видел, что Оболенский вот-вот созреет — поверит в невероятное и раскроет свой кошелек.

— Похоже, змея смущает вас больше всего, — заметил Бойко. — Но она является совершенно необходимым элементом ритуала. Змея заключает в себе зародыши ночи и дня, света и тени. Это прообраз женской красоты. Змеи — чародеи. Они гипнотизируют своим взглядом, и порой невозможно противостоять их очаровывающему влиянию. Кроме того, только змее свойственно сбрасывание кожи и самообновление. А ведь это как раз наш случай.

— Да, да... — прошептал Оболенский. — Я по-

нял. Как верно! Как правильно! Но все-таки... Змея! Как-то жутко и... несерьезно.

— «Дух Перевоплощения, носящийся над Хаосом» изображался в виде змея, выдыхающего свет на предвечные воды, — сказал Бойко. — Конечно, змей — не самый поэтический образ, но ведь греческая эмблема человеческой души в виде куколки, из которой вылетает бабочка, не более эстетична. Преображение! Безобразное, которое обрывается красотой! В этом весь смысл, и только я могу наполнить этот смысл реальным содержанием.

— Вы можете? Вы в силах вернуть Наде... Сделать ее прежней? — волнуясь, спросил Вадим Владимирович.

— Да. Могу. Это очень трудный и опасный процесс. Но я владею знанием, я изучал искусство перевоплощений, — Бойко перешел в наступление. — Искусство это, как и любое другое, требует жертв, больших жертв, миллионов...

Оболенский понял намек.

— Какая жертва будет достаточной? — спросил он.

— Каббала изображает змею в виде цифры «девять» — девятой двери из пятидесяти врат, ведущих к тайнам бытия, — начал торг Бойко.

— Девять — не совершенное число, — возразил Оболенский. — Согласно Книге Бытия, змея, кусающая себя за хвост, рассматривается как великий упавший свет. Очевидно, речь идет о солнце, которому соответствует цифра «один». Солнце согревает тело и разум. Вечером оно умирает, но возвращается каждое утро с завидным постоянством, а хорошо все то, что возвращается, а не то, что уходит навсегда из сердца и с глаз. Солнце — это движение по кругу, а циклические возвращения

лежат в основе каждого магического ритуала. Один — магическое число: одно тело, одна душа, одно сердце...

— Вы правы, — согласился Бойко. — Возможно, девять — не совершенное число. А что вы скажете о числе «семь», которое являлось священным числом всех цивилизованных народов древности? Пифагор называет его «носителем жизни», заключающим в себе тело и душу. В каждом предании о великом Потопе — уничтожении и последующем возрождении — упоминается цифра «семь». Например, в Ноев Ковчег было взято по семь пар зверей, птиц и прочих тварей. Время несет нас вперед, «ибо оно есть конь о семи лучах, колесница времени — семь миров, а бессмертие — ось». А если посмотреть на женское тело и сосчитать все части, выступающие из туловища, то получаем все ту же «семерку».

— Я вижу, мы от магии незаметно перешли к физиологии, — улыбнулся Оболенский. — Тогда разрешите мне закончить аналогии цифрой «два»: два глаза, два уха, две ноги, две руки... Что касается женского тела, то не является ли круг, разделенный на две части, символом женского начала?

— С вами трудно спорить. Споры вообще вещь вздорная. Никогда в спорах не рождается истина, а только раздражение. Поэтому мы остановимся на цифре «три». Это наиболее магическое число, потому что человеческое тело его не знает.

— Договорились, — сдержанно кивнул Вадим Владимирович. — Когда можно будет приступить к ритуалу?

— Через три дня. Ведь, как мы выяснили, «три» — магическое число. И, если возможно, принесите цифру «три» в виде алмазов. В самом деле, что мне делать с чемоданами денег?!

— Это возможно, — сказал Оболенский.

Он протянул руку, чтобы скрепить договор рукопожатием, но в этот момент ожил его мобильный телефон.

— Просил же не беспокоить! — досадливо поморщился Вадим Владимирович. — Наверное, что-то срочное.

Он достал аппарат из кармана и приложил к уху.

— Слушаю! Да... Что?! Не может быть! Боже мой!.. Боже мой...

Он опустил телефон и растерянно посмотрел на Бойко.

— Что случилось?

— Надя... покончила с собой.

— Вы что?! Я ведь расстался с ней всего полтора часа назад!

— Перерезала вены. Все кончено! Все кончено...

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

— Вашего полку прибыло, Профессор! — Бойко рухнул в кресло, потянулся к коробке с сигарами. — Разрешите представиться! Перед вами неудачник, самый настоящий неудачник — совершенный и безнадежный!

Бойко достал сигару, откусил кончик и оглянулся в поисках спичек.

— На подоконнике, — подсказал Сергей Сергеевич.

Хмельной туман в голове постепенно редел, рассеивался. И походка стала чуть ровнее — пол уже не колебался под ногами. Наступало состояние ясности и определенности, когда каждый предмет, каждая незначительная вещь исполнена смысла и таинственного, непостижимого значения. Например, сигара, которая никак не хочет разгораться. Или костяшки пальцев. Бойко поднес сжатый кулак к глазам. Костяшки пальцев правой руки были сбиты в кровь.

Да, повеселился он на славу. Начало было положено в «Витязе» — это точно. Долгое начало. А все потому, что никак не получалось опьянеть. Но все-таки получилось, потому что дальнейшие воспоминания теряли четкость, тонули в хмельной дымке. Кажется, он устроил круиз по всем питейным заведениям города, вплоть до рюмочной «Минутка».

Иногда в тумане беспамятства возникали разрывы, и оттуда выплывали хищные физиономии официантов, требовавших, чтобы Бойко покинул

заведение. Чей-то бранящийся рот, близко... Помнится, он заткнул его кулаком. И тогда понеслось — поехало... Чья-то лапа схватила за волосы, кто-то остервенело рычал и все старался попасть с разворота каблуком в лицо...

Трудно понять, как он добрался до дома живым. Всплывала бурлящая радость оттого, что ему удалось уйти переулками от милицейской «девятки». Потом в разрывах возникала скорость и свист ветра на магистрали, две фигуры в свете фар у ворот коттеджа Сергея Сергеевича, растерянное лицо фотожурналистки Измайловой, а потом насупленная физиономия сторожа.

Бойко уверял сторожа в своей совершенной трезвости и бодрости. Мол, просто ноги отказывались служить. Сторож помог ему добраться до кабинета Профессора. Интересно, зачем он сюда притащился? Неудобно, неудобно... Стыдно. Чертова девка! Это ж надо — вскрыла вены!

— Вы как-то сказали, что жизнь — игра, — горько пробормотал Бойко. — Я тогда не согласился, а теперь понял, как вы были правы. Точно, игра! И я проиграл. Жизнь откалывает такие шутки...

Профессор, казалось, не замечал ни состояния своего гостя, ни вопиющего беспорядка в его одежде, ни ссадин на руках.

— Жизнь — игра, первейшее правило которой — считать, что это вовсе не игра, а всерьез, — сказал он. — Мы играем в игру. Мы считаем, будто не играем ни в какую игру.

— Не понимаю. Вы, как всегда, нагоняете тумана, а у меня в голове и так...

— Наверное, дело в том, что вы слишком узко понимаете термин «игра». Существует целый специальный раздел высшей математики, а именно теория игр, который занимается изучением моделей

принятия оптимальных решений в условиях полного провала. Разумеется, для математиков понятие «игра» не несет в себе никакого по-житейски игрового смысла. Для них это не развлечение, а некие концептуальные правила, определяющие поведение игроков. Совершенно ясно, что оптимальное использование этих правил повышает шансы каждого игрока на выигрыш.

— Это в математике, — вздохнул Бойко. — А в жизни ты все время проигрываешь.

— О, я вижу, вы совсем пали духом, уважаемый Владимир Семенович, — покачал головой Профессор. — А уныние вам не к лицу. Видимо, действительно произошло что-то серьезное. Но если вы проиграли, кто же выиграл?

— В том-то и дело, что никто. Все проиграли.

— Так не бывает.

— Бывает.

— Ага. Значит, вы говорите об игре с ненулевой суммой.

— Что это еще такое?

— Согласно теории, все игры делятся на два типа: игры с нулевой суммой и игры с ненулевой суммой. В играх с нулевой суммой выигрыш одного обязательно означает проигрыш кого-то другого из участников. То есть один поднимается в «плюс», а второй опускается в «минус». Таким образом, сумма выигрыша и проигрыша равна нулю. На этом принципе строится любое пари, заключаемое двумя партнерами, — все, что проигрывает один, выигрывает другой. Конечно, на свете существуют и куда более сложные варианты игр, но этот основополагающий принцип всегда остается неизменным. Это похоже на весы. К примеру, богатая невеста из двух соперников выбирает одного. Второй, естественно, оказывается в проигрыше.

— Это понятно. А игры с ненулевой суммой?

— В играх с ненулевой суммой выигрыши и проигрыши уравнивают друг друга. Так что в этом виде игр все без исключения партнеры могут оказаться либо в выигрыше, либо в проигрыше. Возможно, на первый взгляд такая ситуация может показаться нереальной или даже парадоксальной...

— Это как раз мой случай. Нереальный и парадоксальный.

— Если для примера взять тот же любовный треугольник, то возможны два варианта развития событий. Богатая невеста выбирает одного из соперников, а второй из ревности убивает ее. Все в проигрыше. Это первый вариант. Или же богатая невеста выбирает одного из соперников, а второй в виде компенсации получает ее приданое. Все в выигрыше. Это второй вариант.

— В теории это звучит так просто. Ох уж этот абстрактный мир чистой математики!..

— Согласен. Давайте оставим абстрактный мир чистой математики и спустимся на уровень межличностных отношений. Подумайте, к какому типу игр следует отнести человеческие контакты, — являются ли они, так сказать, игрой с нулевой суммой или, напротив, представляют собой пример игры с ненулевой суммой?

Бойко бросил в пепельницу так и не прикурившую сигару и посмотрел в окно. Думать совсем не хотелось.

Вечерело. Солнце наполовину скрылось за черной кромкой леса, и тени заметно удлинились, расплзлись по земле, стараясь дотянуться до оранжевых облаков. Скоро они затопят крыши коттеджей, и наступит ночь, огромная, необъятная, до самых звезд, и люди захлебнутся во мраке.

За забором, на мостовой, сидела кошка. Умывалась. Именно ночью начинается настоящая кошачья жизнь, и кошка готовилась встретить ее в блеске красоты. Было уже темно, но Бойко отчетливо видел кошку, потому что она была белой. Жмурится, трет лапкой мордочку, предвкушает грядущие удовольствия.

— ...Человеческие отношения строятся главным образом по несложному принципу игры с нулевой суммой. Как я уже говорил, люди — кузнецы собственного несчастья. Уверенность в том, что жизнь представляет собой игру с нулевой суммой и в любом деле возможны лишь победа или поражение, доводит их до сумасшествия. Если рассматривать жизнь как непрерывный кулачный бой, то очень скоро все прямо на ваших глазах начнет разваливаться и полетит в тартарары. Ибо основным противником на ринге оказывается не партнер, а сама жизнь. И перед лицом этого могущественного противника игрок неизменно терпит поражение.

Там, за забором, откуда-то из темноты неслышно выползла стая псов. Худые, с опущенными головами, они рысцой двигались в сторону кошки и замерли в нескольких метрах от нее — молча смотрели на белоснежную красавицу, скалили зубы.

— ...Да не молчите вы так сурово, милейший Владимир Семенович! Боюсь, еще минута, и вы действительно уверуете в то, что являетесь самым разнесчастным неудачником, совершенством невезения, сосудом мировой скорби. А я, признаться, совсем не хочу уступать вам свой пьедестал. Поверьте, не бывает безвыходных ситуаций. Нужно просто сменить тип игры. Помните, что я вам говорил об игре с ненулевой суммой?

— Это когда проигрывают все?

— Или выигрывают! Почему вы так упорно не хотите понять, что для того, чтобы победить, не обязательно сражаться?! Откажитесь от навязчивой идеи непременно повергнуть в прах противника, дабы он не смог одержать над вами верх. И тогда вы можете оказаться в выигрыше оба!

— Как в притче о богатой невесте и ее приданом?

— Именно. Возьмите у партнера то, что вам нужно, но дайте ему что-нибудь взамен, чтобы вы оба не остались внакладе.

— Мне уже нечего дать партнеру...

— Ерунда. Всегда есть блюдо, которое можно предложить за обедом, даже если это блюдо пустое. Важно умело его подать. И главное, нужно верить, что мы сами являемся творцами наших собственных несчастий, однако с таким же успехом мы можем своими руками сделать себя счастливыми.

Белая кошка за окном насторожилась, собралась в пружинистый комок. Две собаки обогнули кошку справа, одна, огромная, с длинной лохматой шерстью, зашла слева. Кажется, это собака Профессора. Остальные собаки продолжали стоять на месте. А потом вдруг вся свора разом сорвалась с места и кинулась на кошку. Не было ни рычания, ни лая. Все происходило деловито, буднично, отработанно.

Кошка заметалась из стороны в сторону, но было уже поздно. Косматая волна накрыла ее, погребла под собой и тут же отхлынула. Одна из собак — та самая, с длинной лохматой шерстью, — держала в пасти обвисшее белое тельце. Потом она, тряхнув головой, с силой отбросила кошку в сторону, на обочину, и гордо уселась на мостовую. И остальные собаки тоже сели. Наверное, не наигрались и решили подождать еще одну жертву. Ночью все кошки выглядят одинаково — не отличишь. И тут Бойко вдруг осенило. Выход был до удивления прост.

— Я спасен! — закричал Бойко. — Сергей Сергеевич! Дорогой!.. Вы... Вы... Как мне отблагодарить вас?

— Да за что?

— Не важно! — Бойко лихорадочно рылся в карманах. — Вот. Возьмите эту безделушку. На память.

— Нет, я не могу...

— Прошу вас!

— Но...

— И никаких разговоров! Берите, берите... В знак признательности и уважения, — Владимир Семенович насильно сунул подарок в руки Профессору. — Можно от вас позвонить?

— Конечно. Аппарат в прихожей.

Бойко бросился к телефону. Руки предательски тряслись, когда он набирал номер... Длинные гудки... Неужели никого нет дома?! Нет, подняли!..

— Алло! Вадим Владимирович? Помните наш последний разговор? Да, да... Наш договор остается в силе. Ритуал будет совершен через три дня. Я отдаю себе отчет... Но это не имеет никакого значения. Доверьтесь мне, я все устрою. Итак, через три дня. И... приготовьте камешки... Да, те самые, что не горят в огне.

Профессор разжал ладонь, посмотрел на подарок, удивленно покачал головой. Это были часы, очень дорогие часы, платиновые — «Картье».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Думаешь, что он нас не заметил?

— Не заметил?! Да он чуть нас не сбил! Еще секунда — и размазал бы нас по забору! Идиот!

Матвей яростно застучал по клавиатуре, набирая текст. Он печатал «вслепую», изредка поглядывал на монитор, следя за опечатками, а Аня сидела рядом с ним, держала в руках диктофон.

— Может, он догадывается, что мы под него копаем, и нервничает? — спросила она.

— С чего ему нервничать? Бойко прекрасно знает, что доказательств у нас нет.

— А Моховчук?

— Что Моховчук? Ну, работал он у него. Откуда Бойко было знать, что в свободное от работы время его подчиненный имеет привычку обливаться женщин кислотой? Кстати, и против Моховчука прямых улики нет. Ни у нас, ни у Агеева. Включай.

Аня нажала на клавишу проигрывания записи. Из динамика диктофона послышался негромкий голос Сергея Сергеевича Кудина — профессора кислых щей.

— «...И меня очень опечалило то, что случилось с Надей, но я ее почти не знал. Другое дело Ольга.

— Ольга?

— Напарница Нади. Милая девушка. С ней мы частенько встречаемся у реки. Как, впрочем, и с Владимиром Семеновичем Бойко.

— Как интересно! Мы хотим написать статью

о Наде, и неплохо было бы описать ее окружение. Например, Бойко. Надя работала в его группе. Вы не могли бы нам рассказать об этом человеке?

— Не проще ли вам взять интервью у него самого?

— Мы не можем его отыскать. Так все же, что это за человек?..»

— Стоп, — приказал Матвей. — Я не успеваю.

— Печатай, печатай... — Аня остановила запись. — Странно, я не узнаю свой голос.

— Все не узнают своего голоса. Ага... Давай дальше.

— «...Он просто заиклен на прошлом. Ему кажется, что он устремлен в будущее, но на самом деле это его прекрасное будущее, «Крепость», как он его называет, — гипертрофированная тоска по безопасной материнской утробе. Да-с. Такие устремления ведут черную, разрушительную работу и в конце концов превращают жизнь в надежный и постоянный источник несчастий.

— Что страшного в том, что мы с тоской и умилением вспоминаем о прошлом?

— Это и страшно! Идеализация прошлого. Если смотреть на прошлое сквозь розовые очки и видеть в нем только мед да сахар, если далекое детство представляется чем-то вроде утраченного рая, то прошлое превращается в неиссякаемый источник ностальгических сожалений и совсем не хочется возвращаться в настоящее. Вспомните, чему учит нас история жены Лота.

— Это которая превратилась в соляной столб?

— Да.

— Я поняла намек. Эта история учит нас не быть слишком любопытными. Вы считаете, что наш интерес к личности Бойко неуместен?

— Если бы я считал наш разговор неуместным

или нетактичным, его бы не было. Но вы неверно поняли притчу. В ней речь идет о другом!

— Тогда я отказываюсь вас понимать. Мы говорили о персоне Бойко. При чем здесь жена Лота?

— Мы говорили об одержимости Бойко прошлым, которое он воспринимает как мечту о будущем. Это все равно как если бы он считал себя птицей, будучи рыбой. Потому что скрытая одержимость прошлым практически не оставляет никакой возможности критически воспринимать настоящее, я уже не говорю о планировании будущего! Вся сладость путешествия в прошлое заключается в том, что оно дарит возможность жить, повернувшись спиной к настоящему.

— Неужели?

— В самом деле, человек неосознанно мечтает о тесной и безопасной утробе матери, а вместо этого получает огромный замок с привидениями. Поэтому я и рассматриваю скрытый интерес Бойко к прошлому как одержимость. В этой связи обратим свой восхищенный взор к нашей библейской наставнице, любопытной жене Лота. Помните: «И сказал Господь Лоту и его семейству: «Спасай душу свою; не оглядываясь назад и нигде не останавливаясь в окрестности сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть»... Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом». Поучительно, да? Не оглядываясь на прошлое, если не хочешь погибнуть.

— Жалко Лотову жену...

— Жалко. И ее можно понять. За ее спиной, в Содоме и Гоморре, происходили гораздо более волнующие события, чем подъем на гору и перспектива провести остаток жизни на ее вершине. Но эта женщина все-таки умудрилась не получить ни того, ни другого...»

— Стоп, — опять скомандовал Матвей, барабана по клавишам. — Минуточку... Что за бред?!

— Психологический портрет Бойко, — пояснила Аня. — Профессор говорит, что любые попытки Бойко обратиться к реальной действительности и обустроить свое будущее ничего, кроме горьких разочарований, ему не принесут. Так что он будет мучиться отчаянием и бессонницей, пока не обратится к кому-нибудь из потомков жены Лота, практикующих ныне в сфере психоанализа.

— Забавный тип этот Профессор. Мне он нравится. Не дурак. Ишь, как он Бойко по полочкам разложил. Настоящий профессионал. И коллекция у него — полный вперед. Какой фарфор! Занятия психологией, оказывается, приносят неплохие прибыли... Готово. Давай, заводи шарманку.

— «...понимаю причину ваших расспросов. Наверняка вы вообразили себя сыщиками и пытаетесь найти улики против милейшего человека, моего соседа. Но я не верю, что он причастен к этой грязной истории с Надей Березиной. Бойко — совестливый человек. Один мимолетный опрометчивый поступок может стоить ему долгих лет раскаяния... Да-с. И какого мучительного раскаяния! Впрочем, опрометчивый поступок может иметь фатальные последствия для любого человека. Достаточно вспомнить о злополучной Еве и о том румяном яблочке, которое она имела неосторожность надкусить...»

— Это он ловко ввернул — про яблочко, — усмехнулся Матвей.

— Яблочко — ерунда. Меня беспокоит то, что он отрицает вину Бойко. Ведь мы-то с тобой знаем наверняка!

— Что мы знаем наверняка? Ничего мы наверняка не знаем.

— Ладно, не отвлекайся — печатай.

— «...причем вся соль этой библейской истории вовсе не в раскаянии как таковом, его может и не быть. Главное заключается в необратимости роковых последствий того съеденного Евой яблока, и эта необратимость предопределяет всю последующую жизнь. Иными словами, она дает основание примерно для такого хода рассуждений: «Конечно, я сама виновата во всем, что случилось. Знай я, к чему это приведет, никогда не прикоснулась бы к проклятому яблоку. Но теперь уже все равно ничего не изменишь, слишком поздно... Я совершила роковую ошибку и теперь вынуждена нести свой крест, расплачиваясь за старый грех». Уверю вас, что такой идеальный способ самоистязания вверг бы моего добрейшего соседа в жестокую депрессию. Так что, прошу вас, даже не намекайте ему о своих подозрениях. От этого ему будет еще хуже. Для человека с такой нервной организацией намек хуже прямого обвинения.

— Что вы говорите?!

— И тем не менее это так. К примеру, Ева могла искренне считать себя вообще непричастной к тому первому роковому событию, с которого начались все ее несчастья. В конце концов, ее соблазнил змей. Верно?

— Верно.

— В таком случае она получает все права считаться невинной жертвой злой судьбы, и все ее несчастья, а в конечном счете и наши с вами, — результат рокового стечения обстоятельств! Но если Адам только попробует предпринять какие-то шаги, чтобы как-то поколебать эту ее уверенность, он встретит жесточайшее сопротивление.

— Вы отрицаете дружеский совет, участие?

— Вы мыслите объективными категориями,

а я — субъективными. Поймите, что для Евы изгнание из рая и без того было уже так тяжело, что сама мысль, будто ей может помочь чей-то совет или в ее власти хоть как-то облегчить свою участь, лишь увеличивает страдания, добавляя к ним унижительные намеки и незаслуженные оскорбления в виде пресловутых советов. И это положение имеет непосредственное отношение к одержимости прошлым. Ведь даже ребенку известно: то, что однажды случилось, уже нельзя повернуть вспять.

— Но ошибки рано или поздно совершают все.

— Верно. Но не все потом страдают, замыкаются в горьком презрении к несправедливостям судьбы, проникаются убеждением, что их состояние безнадежно, и ни на минуту не позволяют затянуться ранам. Один пропустит ваш намек мимо ушей, а второй будет смертельно ранен. Поэтому так опасны беспочвенные подозрения...»

— У меня сейчас пальцы отвалятся, — пожаловался Матвей. — Сколько там еще осталось?

— Минут на десять. Зачем ты вообще перепечатываешь запись?

— Потом объясню, — загадочно ответил Матвей. — Черт, мои пальцы, мои бедные пальцы!.. А ведь можно было подключить дешифратор и перегнать звук в символы за минуту!

— Так подключи.

— У меня его нет. Не приобрел. Необходимость не возникала.

«...извините, но вы меня просто смешите. «Никогда не сдаваться». Так, кажется, звучит лозунг журналистов? Простенькая и такая безобидная на первый взгляд формула, да? А на самом деле она без труда способна привести к самым что ни на есть катастрофическим последствиям. Кстати, это

тоже одна из разновидностей одержимости прошлым.

— Господи! Вот вы и за меня взялись! Но, уверяю вас, я не стремлюсь вернуться в утробу матери.

— Не путайте причины и следствия, моя дорогая. В отличие от людей, возлагающих всю вину за свои несчастья на некие внешние силы, неподвластные их воле, журналисты и прочие любители «жареного» упорно держатся стереотипа. Я знаю, о чем говорю, сам когда-то пописывал статейки... Собрать информацию любой ценой! Но пути к этой цели оставляют желать лучшего! Когда-то, возможно, они и были наиболее эффективными или даже единственно возможными, но давно уже больше таковыми не являются. Такая консервативная приверженность к старым подходам в деле сбора информации — пагубна, ведь всякая ситуация имеет обыкновение со временем изменяться. Вот тут-то и начинаются проблемы! Понимаете?

— Признаться, нет.

— Охотно поясню. Что такое стереотип поведения?

— Ну...

— Совершенно верно. Это жизненно важная потребность в адаптации к внешним условиям, целью которой является успешное и безболезненное выживание. Согласны?

— Ну да...

— Как уверяет нас Дарвин, человек произошел от животных. Я с этим не согласен, однако вынужден признать, что человек, так же как и животные, склонен рассматривать способы оптимальной адаптации как нечто раз и навсегда данное и не подлежащее пересмотру. Но жизнь меняется, и некогда оптимальные стереотипы со вре-

менем все больше и больше превращаются в анахронизмы.

— Но при чем здесь журналисты? По-моему, они, как никто другой, чувствуют новые веяния и способны изменить курс в любой момент.

— Хорошее сравнение. Веяния, курс, корабль... Если продолжить вашу аналогию, то человек со стереотипом поведения «Никогда не сдаваться» похож на корабль, идущий к острову сокровищ. Ощущение дискомфорта из-за зыбкой палубы вкупе с непоколебимой убежденностью, что на свете существует только один-единственный путь к острову. Но вот прямо по курсу корабля — рифы. Что делает капитан корабля? Обходит рифы? Ничего подобного. Он идет на рифы, пробивает днище, латает пробоину, опять идет на рифы, опять пробивает днище и латает пробоину — и так до бесконечности или пока корабль не пойдет ко дну. Ведь лозунг «Никогда не сдаваться» оставляет ему только один-единственный выход из положения — с удвоенной, с утроенной энергией продолжать в том же духе. Таким образом, безобидный лозунг мешает капитану увидеть другой путь к острову, вполне реальный, осуществимый, безопасный. Так что гибель корабля, можно сказать, стопроцентно гарантирована, особенно если капитан упорно следует двум простейшим правилам. Первое: существует лишь один-единственный путь, и если он еще до сих пор никуда не привел, то только потому, что капитан недостаточно долго по нему шел. Второе: никогда, ни при каких условиях не искать другие пути.

— Не очень-то вы жалуете журналистов.

— При чем здесь журналисты? Я говорю вообще о стереотипах поведения, которые свойственны сыщикам, инженерам, аферистам — всем, кто прокладывает пути в поисках приключений.

— А Бойко относится к этой категории?

— Однажды у армянского радио спросили: «В чем разница между армянином и русским?» Ответ: «Армянин, чтобы уклониться от работы, делает вид, будто у него заболел живот. Русский же добьется того, что живот у него и вправду заболит».

— Это еще одна ваша притча?

— Это анекдот. Не смешной, но очень показательный. Согласитесь, что русское решение проблемы куда элегантнее армянского. Конечно, оба добьются своей цели, но армянин будет при этом знать, что солгал, а русский же останется в полном ладу со своей совестью. Мне кажется, что Владимир Семенович Бойко старается жить в ладу со своей совестью.

— Комплимент хороший, но в контексте вашей истории выглядит сомнительным...»

— Все. — Аня выключила диктофон. — Дальше пустая болтовня: проводы, пожелания доброго пути... Ничего толкового по делу. Ты закончил набор?

— Да. — Матвей поставил точку, скопировал файл в буфер обмена, открыл какую-то программу и загрузил всю информацию в текстовое окно. — Теперь запустим модуль структурной лингвистики — и все. — Матвей в изнеможении откинулся на спинку стула. — Будем ждать результатов.

— Что это за структурная лингвистика? — поинтересовалась Аня.

— Это научный анализ, основанный на принципах символической логики. М-м... Короче, программа позволяет очистить человеческую речь от мусора: бессмысленных предположений, сравнений, метафор, цветистых оборотов, смутных полунамеков... Остается только голая истина — одно-два предло-

жения, в которых сконцентрирован весь смысл. Я применил программу к речи Профессора. Минут через десять получим результат.

— А что ты сам скажешь?

— Сам я скажу, что теперь знаю Бойко лучше, чем себя самого. Вот он, весь на ладони. Здорово его Профессор разобрал. Прямо по косточкам. Професионал. А его фокус с гипнозом?! Знаешь, на секунду я точно ощутил чувство полета. Как это выглядело со стороны?

— По-дурачки. Мы спускались по лестнице в холл, ты завел разговор о птицах на фарфоровых тарелках, потом заговорил о полете вообще. Тогда Сергей Сергеевич вытащил из кармана часы, поводит их у тебя перед носом, ты тут же и отрубился — руки поднял, замахал ими, как...

— Как орел?

— Как пингвин. А потом Профессор щелкнул пальцами, и ты приземлился.

— Как орел?

— Вид у тебя был, как у мокрой курицы. Ой, смотри — программа выдала результат. Что это за значки?

— Символы.

Матвей подался к монитору, застучал по клавиатуре, переводя символы в привычные слова. Абстрактные математические значки стали вспыхивать красным цветом и исчезать. Через минуту вспыхнул и исчез последний значок. Экран был чист.

— Черт побери! — ахнул Матвей. — Ничего. Не может быть. Глазам не верю. Неужели за три часа нашей беседы Профессор не сказал ни одной определенной фразы, причем мы этого даже не заметили?!

— Профессионал, — напомнила Аня. Она была

поражена не меньше Матвея. — Может быть, компьютер барахлит?

— Может быть. Никогда не барахлил, а сегодня — бац. Черт! Столько времени зря потратили. Который час?

— Отрицательный результат — тоже результат. Теперь мы кое-что знаем о Профессоре. — Она бросила взгляд на часики и вдруг замерла, удивленно посмотрев на Матвея.

— Что с тобой, Аня?

— Какая же я дура!

— Ну, академиком тебя не назовешь, но... Да что с тобой такое?

— Часы. Те, которыми Профессор тебя загипнотизировал.

— Ну?

— «Картье». До меня только сейчас дошло! Это он! Он был в казино и плеснул кислотой в лицо Наде! А мы-то, мы!.. Хороши, нечего сказать.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Здесь, в просторном холле, отделанном гранитными плитами, царил особая тишина. Пол был натерт до зеркального блеска, широкая лестница поднималась вверх, и коврая дорожка на ступенях заглушала звук шагов.

«Что может быть странного в тишине? — подумал Бойко. — Тишина есть отсутствие звуков. А разве может отсутствие чего-либо казаться странным? Конечно, может. Например, странный недостаток финансовых средств. А тишина действительно странная — полная, глухая, более жуткая, чем тишина пустой квартиры... В квартире тикают часы, настырно гудит муха, где-то наверху ссорятся соседи... Там тишина живет. Звуки просто прячутся. А здесь они вымерли или убежали прочь из этих стен, за ограду. Опасная, беспокойная, мучительная тишина. Тишина кладбища. Вот сейчас из-под ступеней донесется стон и скрежет зубовой. Это покойники. Вот они заворачиваются в тесноте своих склепов, попробуют приподнять крышки гробов иссохшими руками, и эти тщетные усилия наполнят гранитный холл шорохами смерти и разложения.

Как страшно, — усмехнулся Владимир Семенович. — Просто кровь леденеет в жилах и волосы становятся дыбом! А я все поднимаюсь по ступенькам, и конца этой дурацкой лестнице не видно. Иду и иду... Все вижу, все слышу. Чу, за скрипели крышки гробов, застучали кости, медленно, нить за нитью, спадает со скелетов ткань саванов...»

Лестница вывела в коридор со множеством дверей. Бойко постучался в ближайшую.

За столом сидела маленькая сухая старушка в солнцезащитных «велосипедах». Она была одета во все черное, даже кольцо на пальце было сделано из какого-то темного металла. А лицо и руки, наоборот, казались неестественно бледными, выцветшими, словно женщина никогда не выходила на солнце, а сидела здесь, за столом, с самого своего рождения.

— Мои соболезнования, молодой человек, — прокаркала старуха. — Но только не думайте, что жизнь кончена и ничего хорошего впереди не будет. Будет. У вас все еще впереди. Я знаю. Всякого навидалась. Работа такая. Вы садитесь, садитесь... В ногах, чай, правды-то нет.

Бойко присел на стул, огляделся. Выложенные белым кафелем стены, тяжелый сейф, по всей стене — деревянные полки, заставленные какими-то металлическими коробочками, пузырьками и бутылочками. А на подоконнике высился пластмассовый горшок с цветущим кактусом.

— Такие дела... — Старушка достала из ящика стола отложенное вязанье и продолжила нанизывать петли на спицы. — Все ходят, ходят... Те лежат, а эти ходят. Мертвые доставляют много суеты живым. А лечились бы как следует, в баньку бы ходили — и не пришлось бы родственников гонять без толку. Да... А что у вас случилось?

— Я хотел кое-что узнать.

— Все хотят все узнать, — вздохнула старуха. — И не спрашивают себя: надо ли? Вот потому и случаются неприятности. А еще нечистую силу поминают все время. Я внуку своему говорю: ты перестань, юродивый, чертыхаться! Этими «черт побори» ты его так доймешь, что он и приберет те-

бя раньше времени. Мне, например, уже э-э... много лет, и слава богу, а почему? Потому что никогда лишнего не болтаю. Я тут по совместительству сторожу. Да... Такие дела... Так кем, говорите, приходился вам усопший?

Бойко понял, что зашел не в тот кабинет. Он уже поднялся со стула, чтобы выйти, но старушка вдруг не по годам резво выбежала из-за стола и уселась рядом с ним.

— У вас со зрением как? — шепотом спросила она. — Я вас как врач спрашиваю.

— Все в порядке. Тьфу, тьфу, тьфу...

— Я так и думала. Хотя глазами не все увидишь! А кое-что лучше человеку и вовсе не видеть. Иной раз такое померещится... А надо сплюнуть через левое плечо, как вы сейчас, и мимо пройти, словно и не видел ничего, и не слышал. Бог-то один, наверху, а нечисть всякая — рядом. Так и шныряет под ногами, попутать норовит. Я здесь давно работаю — всякого навидалась. Да.

Было очевидно, что старуха села на любимого конька. Она уже не говорила — вещала. Речь ее все меньше походила на карканье, а каждый эпитет, каждая интонация была преисполнена глубины и значимости. И сама старуха преобразилась: глаза загорелись, профиль заострился и даже рост как будто увеличился.

— Значит, вы тоже видите, в каком мире нам приходится жить? Кругом упыри, ей-ей! Раньше молитвой спасалась, а теперь... — старуха горестно махнула рукой. — Да и кому молиться-то? Вы знаете, что такое Бог?

— Ну... Нет.

— Это ваша мечта. А какая мечта может быть у простого человека? Побольше еды и побольше денег. Вот и получается, что Бог — это много колбасы

и много денег, чтобы эту колбасу купить. И не морочьте мне голову: я знаю, о чем говорю.

Старушка с обиженным видом отвернулась и уставилась на кактус. Она была похожа на старую ворону — сидела, нахохлившись, спрятавшись за темные линзы очков, маленькая, скомканная, озлобленная.

«Еще одна проповедница, — подумал Бойко. — Страна пророков, которым нет места в стране... Она чем-то похожа на Оболенского. Птичий клюв, ершистые перья... Тоже считает, что дорвалась до сыра, и, чтобы его защитить, сидит в одиночестве на самом высоком дереве. С такой высоты все внизу кажутся лисами, которые так и норовят отобрать посланное Богом лакомство.

— Они прячутся среди людей, чтобы творить злые дела, — сказала старуха. — В этом суть нечистой силы. Похожи на человека, но не имеют с человеком ничего общего. Это адские создания, которые надевают личину человека, как модница надевает новое платье. Внешне — никаких различий, но опытный глаз сразу их отличит. Я вот не раз их замечала. Повсюду. Такие дела...

Она посмотрела из-за очков на посетителя, заметила его насмешку и вспыхнула — налилась багровым румянцем, казалось, закипела от безмолвного негодования. Потом уселась за стол и спросила деловито и официально:

— Так что у вас случилось, гражданин? Зачем вы ко мне пришли?

— Мне нужна информация о ритуальных услугах. — Бойко достал из кармана ручку и блокнот. — Не могли бы вы описать мне порядок церемонии?

— А-а, церемония... Это дальше по коридору и налево предпоследняя дверь. На дверях табличка «Заместитель директора Герасимов Дмитрий Степа-

нович». — Старушка вновь принялась за вязанье, поправила съехавшие на кончик носа очки. — А мне показалось, что вы образованный человек. Такой с виду приличный... Значит, и вы из этих...

— Из каких «из этих»?

— Ступай, ступай... Ко всем чертям, прости, господи. Я ведь не слепая. Насквозь тебя вижу. Такие дела...

* * *

Дмитрий Степанович оказался на редкость полным человеком, румянцем и сложением похожим на колобка из известной сказки. Когда Бойко зашел в его кабинет, Герасимов сидел за столом, подперев подбородок кулаками, и смотрел на потолок. Создавалось впечатление, что он составляет детальный план ухода от бабушки и от бабушки.

Колобок встретил Владимира Семеновича ленивым, слегка утомленным взглядом. Однако, когда он заметил в руках посетителя блокнот, в его карих глазах мелькнула искра интереса.

— Герасимов? — осведомился Бойко. — Дмитрий Степанович?

— Он самый, — кивнул Колобок. — Вы заходите, заходите. Располагайтесь поудобнее. Имейте в виду, что наша работа — это помогать клиентам в их безутешном горе.

— Вы очень любезны.

— Скорбь клиента — наша важнейшая забота. Мы всегда рядом, стараемся поддержать, утешить и главное — готовы взять на себя заботу обо всех мелочах. Я лично осуществляю полный контроль над ритуалом. Никаких задержек и накладок. Фирма га-

рантирует подготовить похороны точно в указанный срок с полным ассортиментом заказанных услуг. Почему вы не записываете? В вашей работе нельзя полагаться на память. Память, как женщина, может подвести в самый ответственный момент.

— Я вижу, вы не очень-то любите женщин...

— Я имею дело не с женщинами. И не с мужчинами. Усопшие — отдельная категория, не имеющая пола и возраста.

Дмитрий Степанович легко поднялся из-за стола и раскрыл дверцы настенного шкафчика. В глазах у Бойко запестрело от ярких наклеек на бутылках.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил Герасимов. — Не стесняйтесь. Спиртное помогает раскрепостить фантазию, выйти за рамки жесткой конструкции.

— Спасибо, нет. Я не хочу выходить за рамки. Боюсь заблудиться.

— Хм... Ценю ваш юмор! Однако вы отличаетесь от вашей братии. Но все равно я рад, что вы заинтересовались именно нашей фирмой. Реклама — двигатель прогресса, а наша работа, как никакая другая, дает ощущение близости к людям. Я бы даже сказал, что это не совсем работа — это искусство, древнее искусство, полное значимости и величия. Вы знаете, сколько тысячелетий насчитывают похоронные ритуалы?

— Надеюсь, вы не будете читать мне лекцию по истории? — осторожно спросил Бойко.

— А вам это неинтересно?

— В данный момент меня не интересуют исторические корни возникновения морга.

— Морг!.. — фыркнул Дмитрий Степанович. — Какое безобразное слово, не отражающее сути нашей фирмы! Сухое, бездушное слово! Я предпочитаю называть наше заведение храмом — Храмом

Последнего Прощания. И это более точное название должно быть отражено в вашей рекламной статье.

— Почему вы решили, что я собираюсь писать о вас рекламную статью?

— А вы разве не журналист?

— Нет. Я пришел по делу.

— Хм... Простите. Меня ввел в заблуждение ваш блокнот, — искорка воодушевления в глазах Колобка погасла. — Итак, кем вам приходится усопший или усопшая? Какие услуги вы хотите заказать? Говорите не стесняясь. Важна каждая мелочь. Знайте, что мы выполняем любые пожелания. И скажу без ложной скромности, родственники всегда очень довольны.

— Меня интересует ритуал.

— Если хотите, я могу показать вам, как у нас все устроено, а затем вы познакомитесь с преискурантом и выберете категорию. Надеюсь, это не праздный интерес?

— Далеко не праздный. Думаю, вы не пожалеете, что уделите мне время.

— Даже так?

В глазах Герасимова вновь появилось воодушевление. Он пробежался цепким взглядом по дорогому костюму посетителя, отметил обувь, «паркер» с золотым пером...

— Тогда пойдете...

Дмитрий Степанович выскочил из-за стола и распахнул перед Бойко двери.

— Прощу... Кстати, вы обратили внимание на интерьер? Нет, не сюда. Вон в ту дверь... Да. Мы заботимся о том, чтобы обстановка в нашем заведении была теплой, дружеской, можно сказать, даже интимной. Директор считает, что клиенты должны чувствовать себя как дома. Теперь вниз... Осторожно, лампочка перегорела... Черт! Нужно ска-

зать Васильевичу, чтобы заменил... А теперь сюда...

Дмитрий Степанович вел Бойко по винтовой лестнице вниз. Ступени были сделаны из красного мрамора. Скрытые светильники озаряли ступени вспышками багрового света, похожими на огни преисподней. Спуск на нижние этажи напоминал сошествие в ад, где не существовало времени.

Действительно, казалось, что время остановило свой стремительный бег перед ликом Вечности. Время притихло, как напроказивший ребенок, и боязливо, на цыпочках, двигалось вслед за Бойко, так же удивленно, как он, разглядывая развешанные по стенам фотографии траурных скульптур, гранитных плит и обелисков, букетов и венков, увитых черными лентами.

— ...Почему-то принято думать, что ритуал последнего прощания должен нагонять на людей тоску. Мы категорически с этим не согласны! — бубнил за спиной Герасимов. — Смерть — это своего рода праздник, торжественная пауза перехода близкого человека в иной мир, как вы понимаете, лучший. Надеюсь, вы со мной согласны?

Бойко неопределенно кивнул. Он почти не слушал разглагольствования Колобка — ему надоела философия гробовой доски и вечности. Несмотря на все уверения Герасимова, он чувствовал себя неудобно. Ему вообще не нравились подобные места, и потому он злился на Надю, из-за которой был вынужден все-таки сюда прийти. Ватная тишина и бесконечная болтовня Колобка наводили на Владимира Семеновича уныние и вызывали множество вопросов, на которые ни он, ни тем более Герасимов не могли ответить.

Откуда идет человек? Куда он уходит? Едва появился из темноты материнского лона, и вот — снова уходит во мрак. Время, отпущенное ему, слиш-

ком коротко — всего несколько десятков лет. Но даже этот короткий отрезок отравлен страхом, сомнением и отчаянием перед неумолимо приближающейся темнотой. Все в конце концов приходят сюда, в Дом Последнего Прощания. Здесь путь заканчивается. Света Родина, Иван Моховчук, Надежда... И сам Бойко когда-нибудь тоже... Проклятые мысли! Проклятая жизнь!..

Бойко встряхнул головой, отгоняя мысли, как рой надоедливых мух, и ускорил спуск вниз. Но вдруг возле одной из фотографий замер, остановился так резко, что заместитель директора чуть не налетел на него.

Черный гранитный памятник с золотыми буквами. Родилась... Умерла... Траурная лента на венке. А рядом с памятником стояла Надя, обнаженная, только что из ванны, и густые, тяжелые капли крови стекали из перерезанных вен на запястьях, оставляя за собой черные дорожки. Смотрела Надя спокойно и равнодушно, и только из ожоговых пятен на лице что-то сочилось.

Проклятье! Знала, что придет он сюда, не сможет не прийти, ослепленный предстоящей аферой, и высматривала его, и качала головой, словно журила за то, что он с ней сделал.

Бойко зажмурился, а когда открыл глаза, никакой Нади на фотографии уже не было, а росла в изголовье могилы белая березка.

Померещилось, привиделось... Просто наваждение какое-то. Ему захотелось как можно быстрее покончить с делами и покинуть эти стены, выйти навстречу солнцу, и тогда белая тень останется за спиной. Права оказалась та ведьма-сторожиха: призраки так и снуют под ногами.

— Здесь у нас различные помещения, — в голосе Колобка звучала гордость. — Вы обратили вни-

мание, что мы в основном используем натуральные материалы? Психологи говорят, что это придает солидность. Здесь у нас, собственно, и происходит ритуал. А вот там туалеты. Это очень удобно, особенно для женщин. Последнее прощание с близким человеком очень часто сказывается на деятельности некоторых внутренних систем... Надеюсь, вы меня правильно понимаете?..

— Конечно, конечно... — кивнул Бойко. — Я вас правильно понимаю, не беспокойтесь.

Зал был погружен в полумрак. Окон не было, помещение освещалось боковыми светильниками в виде факелов. Посреди зала высился пьедестал, на который во время церемонии водружался гроб. Перед ним ровными рядами выстроились стулья для скорбящих.

— После прощания гроб с телом грузят на специальную машину, и процессия отъезжает к кладбищу. Все детали — место, могилу, священника — мы берем на себя. По желанию клиента фирма может произвести кремацию. У нас есть прекрасная печь, оснащенная экраном, через который можно вести наблюдение за процессом. Урна с прахом в соответствующей обстановке вручается ближайшему родственнику. Хотите взглянуть на модели траурных урн?

— Нет. Полагаюсь на ваш вкус.

— Весьма польщен... А вон там у нас двери в служебные помещения. Не знаю, стоит ли нам туда заходить... Знаете, многим людям становится дурно при виде покойников. Как бы это сказать... Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?..

— Еще бы! — кивнул Бойко. — Мне все ясно. Пожалуй, меня все устраивает. Давайте перейдем к делу. Возможно, оно покажется вам необычным.

— Мы привыкли к причудам клиентов. Навер-

ное, вы хотите похоронить вместе с дорогим человеком его вещи: телевизор, магнитофон, музыкальный центр, сотовый телефон?

— Нет.

— Может быть, особая конструкция гроба? Есть модели, оснащенные вентиляторами и освещением. Вот каталог. Или хотите взглянуть на преysкурaнт?

— Мое пожелание несколько иного рода... И мы обойдемся без преysкурaнта — только вы и я, только я и вы. Я доступно излагаю?

Колобок понял намек и тут же заверил Бойко, что тот излагает вполне доступно: без преysкурaнта так без преysкурaнта.

— Завтра я и мой друг — видный бизнесмен — будем прощаться с м-м... усопшей. Все должно быть по высшему разряду: лучший гроб, венки, цветы. Но без излишеств — строго, солидно, торжественно.

— Понятно.

— После церемонии прощания вы должны четко и неукоснительно следовать моим инструкциям, какими бы необычными они вам ни показались. Инструкции просты и состоят всего из четырех пунктов.

— Внимательно слушаю.

— Первое: во время церемонии вы незаметно погрузите в машину не гроб с покойницей, а его точный дубликат. Естественно, пустой. После погрузки грузчики и водитель должны уйти — отказ от их дальнейших услуг оплачивается отдельно. Я сам поведу машину, а после похорон пригоню ее обратно. Залогом остается мой «Мерседес».

Колобок недовольно наморщил лоб, хотел возразить, но, видно, решил выслушать до конца.

— Второй пункт, — невозмутимо продолжал Бойко. — После нашего отъезда вы лично должны сжечь в кремационной печи гроб с телом усопшей. Урну

с прахом вручите лично мне. Это возможно сделать?

— Вполне. Хотя я не совсем понимаю смысл инструкции, но, похоже, никакого криминала здесь нет. Правда, кремацией заведует специальный работник, но я его заменю.

— Отлично. Третий пункт: церемония на кладбище отменяется. Вы же сами понимаете, что глупо хоронить пустой гроб.

— Понимаю. Все это странно, но... Вероятно, ваш друг — видный бизнесмен — не хочет присутствовать ни при кремации, ни при похоронах. Но зачем вам пустой гроб?

— Сувенир, — холодно сказал Бойко. — Еще какие-нибудь вопросы будут?

Эта фраза вовсе не была приглашением задавать вопросы, скорее наоборот. И Колобок это понял. В конце концов, какое ему дело до сумасбродства клиентов?!

— Вопросов нет.

— Тогда переходим к четвертому пункту. А четвертый пункт требует соблюдения тайны. Никто, кроме нас с вами, не должен знать об инструкциях. Я не хочу, чтобы злые языки трепали мое имя или имя моего друга. Плата за вашу тактичность составляет половину суммы.

— А сколько составляет вся сумма?

Бойко достал из внутреннего кармана пиджака тугую пачку стодолларовых купюр и протянул ее Колобку. Тот ошалело принял банкноты, удивленно присвистнул.

— Все будет по высшему разряду, — хрипло сказал он. — Согласно инструкциям. Можете не беспокоиться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Оболенский спустился в подвал следом за Бойко и огляделся.

Помещение было погружено в полумрак. Дрожащие язычки свечей образовывали островки света, сквозь которые проступали контуры магических знаков. Одни из них были похожи на перевернутые звезды, другие — на спирали, но общий замысел рисунка терялся в темноте.

У дальней стены на постаменте стоял гроб. Зеркальные плоскости на потолке и стенах искривляли пространство, разбивали его на отдельные фрагменты или, наоборот, повторяли целое бесчисленное число раз. Пламя свечей дробилось, и отражения света метались по залу, множились, смешивались с тенями, пол отражал потолок, потолок — пол, и оба они — закрытый гроб. Из невидимых динамиков лилась негромкая музыка, а вместе с ней по залу распространялся запах ладана.

Вадим Владимирович стоял посреди зала, одурманенный едва уловимым запахом тлеющих благовоний, и думал, что находится в могиле или на дне кратера. Сгущался полумрак, слышалось легкое бульканье вязкой грязи, кипение лавы, которая клочкотала в прерывистом блеске свечей. Вот-вот должно произойти чудесное превращение. И в предвкушении этого чуда предметы в зале начинали жить: стоило отвернуться, как они раздавались в размерах, шевелились, танцевали, как лунные тени над спящей трясинкой. Сиреневые штандарты, покрытые золотом каббалистических знаков, чучела филинов

и сов, скульптурки скарабеев, каменные маски, гонг, поддерживаемый двумя переплетенными змеями, корона, два треножника с эмблемами Солнца и Луны — все дышало жизнью, все тянулось из темноты к язычкам пламени.

Бойко был одет довольно странно: его тело было обернуто в голубое, усыпанное золотыми звездами полотно. Красная лента перекрещивалась на его груди и спине, а на голове красовалась чудная шляпа, напоминавшая головные уборы средневековья. Поля шляпы были украшены двумя красными розами.

— Встаньте у изголовья гроба, — шепотом приказал Владимир Семенович. — Мы с вами одни здесь. Я даже охранников отпустил. Никто не должен нарушить ритуал неосторожным словом. И вы молчите, каким бы странным вам ни казалось происходящее.

Бойко нагнулся и поднял с пола длинную трубу наподобие тех, в которые дудят герольды при прибытии сюзерена.

От гроба исходил запах гнили, затхлости и плесени. Вадим Владимирович задыхался в этих испарениях склепа. Ему казалось, что он тонет в ядовитой жиже, текущей из ниоткуда в никуда. И тут грянула труба...

* * *

Аня захлопнула дверцу машины, и такси укатило в город.

— И что теперь? — спросил Матвей.

— Теперь мы отыщем Ольгу и поговорим с ней. Все ей расскажем.

— Ты думаешь, она здесь живет?

— Профессор обмолвился, что часто встречается с ней у реки. Значит, Ольга живет у Бойко. В гуще, можно сказать, событий. Наверняка она что-то видела, что-то слышала, что-то показало ей странным. Мы поделимся своими вопросами, она — своими, и вместе отыщем ответ.

— Если Бойко каким-то боком причастен ко всей этой истории, он ни за что не допустит нашей встречи, — заметил Матвей.

— А мы не будем у него спрашивать.

— Это как же? Грабеж со взломом? Выкрадываем девушку, как джигиты невесту? Потом допрос с пристрастием, и все вместе берем Бойко за жабры?

— Примерно так. Чтобы спасти шкуру, Бойко выложит о Профессоре всю подноготную.

— Дался тебе Профессор!.. При чем здесь он?

— А часы?

— Подумаешь, часы!

— Вот и подумай!

— Наверное, никого в доме нет, — с надеждой произнес Матвей.

— А машина во дворе?

— Да, действительно... Странная такая. Черт, это же катафалк!

— Странные дела творятся в датском королевстве... — прищурилась Аня.

— А рядом, между прочим, машина Оболенского.

— Ты уверен?!

— Мне ли не знать «Мерседес» Вадима Владимировича?! С тех пор, как моя собственная машина безвременно угасла, я с завистью смотрю даже на «запорожцы». Вон, видишь, характерный изгиб бровей... то есть бампера.

— Брось ты! Скажи еще о характерном прищуре фар.

— Ладно, ладно... я узнал номер машины. Ты же знаешь, какая у меня память на числа.

— Ясно. Открывай ворота!

— Нет, лучше не нужно. А вдруг они на сигнализации.

— Тогда пошли в обход. Должна быть задняя калитка. Чуть что, перемахнем через забор.

— Экая ты боевая... Через забор... Твои криминальные наклонности начинают меня тревожить.

— Не волнуйся. Старший лейтенант Агеев на нашей стороне. Он вытащит нас из тюрьмы.

— Твоими бы устами... Ладно, пошли. Только помня мои слова, добром это не кончится.

— Я все продумала. Ты же меня знаешь!

— В том-то и дело...

* * *

— ...Я не принадлежу ни к какому времени, ни к какому месту. Я существую вне времени и пространства, и ангел-хранитель покинул меня: я один, я — все.

Перед Бойко — небольшой алтарь, на нем лежала обтянутая черной кожей книга. Рядом с книгой — песочные часы, струйкой песка отмеряющие время.

Слова заклинания были тяжелыми, как гранитные плиты. Каждое слово эхом отражалось от далеких стен, ударялось о потолок и замирало. Оболенский был не в состоянии следить за смыслом. У него разболелась голова, и запах ладана стал осязаем, превратился в густой кисель, в котором вязли

мысли. На какой-то миг в него вселился страх оказаться среди теней, раствориться в отражениях зеркал, исчезнуть без следа среди испарений, шипения, бульканья.

— ...Я работал с красной ртутью, ферментами спирта, сублимировал соли меди и серы. Я закалял железо и сталь в живой и мертвой воде, настоящей на яичной скорлупе, мышьяке, купоросе и каменной соли. Я использовал нашатырь и дробленое стекло, селитру и натриевую кислоту, карбонат калия и налет винного камня. Я использовал все: волосы, ногти, кровь, душу Меркурия, небесный металл. Я бросил на жертвенник вино и кристаллы упавших звезд, сперму и чистотел. Я перемешал пепел в молоке белых кобылиц...

По обе стороны Бойко стояли на двух треногах символы Солнца и Луны. Они были покрыты то ли алюминиевой фольгой, то ли металлическими пластинами, и пламя свечей озаряло полированные поверхности.

— ...Соломея, дочь ирода Великого, что просила в дар голову Иоанна Крестителя... Вирсавия, ради которой согрешил царь Давид... Далила, предавшая Самсона... Астарта, совратившая в Ханаане сынов Израилевых... Милитта, царица Савская, которая отдала свои сокровища Соломону и похитила его мудрость... Призываю и заклинаю вас таинством измененного облика...

Совершенно неожиданно от пола начало подниматься голубое облако — шелковистая дымка. Отдельные хлопья цеплялись друг за друга, а затем, подхваченные сквозняком, взлетали, словно клубы сахарной ваты, проплывали над гробом и снова опадали, сбивались в комья. Это было необыкновенное зрелище: голубое одеяние Бойко растворилось на фоне голубых же хлопьев тумана, и фигу-

ра исчезала — оставалось только лицо. А когда клубы опадали, из голубой темноты, из ничего, вновь выступало одеяние жреца, и его рука, сжимающая эфес старинной сабли, и алые ленты, перекрещенные на груди. А потом облако растаяло, и Оболенский увидел на крышке гроба плетеную корзину. Бойко кончиком сабли откинул крышку, и оттуда поднялась королевская кобра — огромная, со вздувшимся капюшоном и ледяным взглядом. Змея чуть повернула голову и уставилась на Оболенского.

Вадим Владимирович почувствовал, как в затылке вспыхнула боль. Будто кто-то невидимый железным обручем сдавил голову и теперь затягивает кольцо медленными поворотами ключа. Боль становилась невыносимой.

— ...Призываю вас, демоны тьмы Азелиэл, Асириэл, Армадиэл, Бармиэл, Гедиэл...

Откуда-то сверху полились жалобные напевы флейты, и королевская кобра, не отрывая вертикальных зрачков от Оболенского, начала раскачиваться.

* * *

— Никогда еще мне не приходилось забираться в чужие дома через окно, — ворчал Матвей. — Но, познакомившись с тобой, я каждый день учусь чему-нибудь новому... Дай-ка я залезу первым, а потом подам тебе руку. Конечно же, нас застучают и отправят за решетку... Или проснувшийся хозяин вцепит из дробовика прямо в лоб без долгих разговоров. О чем ему с нами разговаривать? Не о чем. Даже имени не спросит. Зачем ему спраши-

вать имя? На могильной плите прочтет... Давай теперь ты.

Аня поправила фотоаппарат и протянула руку. Она прекрасно знала, что Матвей ворчит не от страха. Это он так успокаивает ее.

— Осторожнее... Так, так... Скажу тебе, соучастница, что профессия домушника требует определенной физической подготовки. Вот недавно прочитал в газете потрясающий случай. Один вор заметил открытое окно на пятом этаже... Нет, лучше я не буду рассказывать, а то ты расстроишься до невозможности, а я себе этого никогда не прощу.

— Черт, чуть фотоаппарат не уронила. — Аня забралась на подоконник и перевела дух, улыбнулась. — Эх, где мои семнадцать лет?..

— Да, годы, годы... и силы уже не те. И трава не такая зеленая, как раньше, и погода мерзкая... Но не нужно беспокоиться: кто лезет без разрешения в чужие дома — тому уже не до погоды.

— Ты что прилип к подоконнику? Пошли! Идешь?

— Конечно. Как я могу оставить тебя одну?! Тем более что все равно моя честная жизнь кончена и терять совершенно нечего.

— Ну что ж... — Аня деловито огляделась по сторонам. — Теперь нам нужно поговорить с Ольгой. Может, он ее держит взаперти?

— Поговорить с Ольгой... Это понятно. Правда, я бы поправил тебя: постараться найти Ольгу и потом выбраться отсюда целыми и невредимыми.

— Конечно, конечно... Филолог. И если мы ее найдем...

— Вот именно — если! — с мрачным юмором изрек Матецкий. — В этом доме столько комнат — явных и потайных. Лабиринт! Ты заметила, что сторожа во дворе нет, и охранников... Они заблу-

дились где-то здесь. А еще есть подвал с привидениями. Кстати, слышишь?

— Ну?

— Звуки. Снизу. Это и есть привидения. Не пора ли нам убраться отсюда? У них, наверное, вечеринка. А знаешь, что едят привидения на вечеринках?

— Тьфу на тебя.

— Прислушайся, тетеря!

Аня замерла, даже дыхание затаила. Действительно, снизу раздавались неясные звуки. Вроде музыка...

— Знаешь, ты постой здесь, а я спущусь, посмотрю, что и как.

— Ну нет, — наотрез отказался Матвей. — Ты сама только что сказала, что я слишком угрюмый. Значит, мне нужно встряхнуться. Так что я пойду в подземелье с тобой. Спустимся вниз к упырям и вурдалакам, спросим у них, где Оля, а если не ответят, то рога им поотшибаем... Это как раз то, что мне нужно. Уж если это меня не встряхнет, то не знаю, что еще поможет... Пошли. Тихо, тихо... Не лезь вперед! Первым пойду я.

* * *

На какое-то мгновение Оболенскому показалось, что оранжевые язычки свеч потемнели, словно по ним пробежала чья-то тень. Ох, не следовало, не следовало Бойко произносить вслух имя князя Тьмы!..

— Сосредоточьтесь на Наде, — услышал он голос Бойко. — Вспомните ее лицо... То, каким оно было прежде.

И хотя это был всего лишь шепот, Вадиму Владимировичу он показался глухим набатом, гремящим в его голове. Оболенский ничего не видел, кроме черной змеи, свившей кольца на полированной крышке гроба. И сам гроб черной громадой высился посреди зала — вершина горы, корни которой уходят глубоко под землю, в самое огненное чрево, в самые сокровенные тайны. И оттуда медленно, ступенька за ступенькой, поднималась Надя — прежняя, живая и прекрасная.

Теперь кобра не страшила Оболенского. Он дошел до такого накала страстей, что опасность смерти уже не пугала. В душе погасли ужас и брезгливость. Вадим Владимирович верил в чудо и ждал, что оно случится — через минуту, сейчас.

Эта вера заполнила его сердце до краев, он даже дрожал, едва сдерживая крик радости. Теперь он знал, что вся жизнь его была дорогой к этому гробу — вершине великой подземной горы. Под полом Вадим Владимирович ощущал основание горы, уходящее во тьму, а сквозь потолок видел далекие огни звезд. Все в пространстве между этими звездами и тьмой под ногами замерло в ожидании чуда. Оболенский находился в самом центре двух миров, и королевская кобра связывала эти миры своими кольцами.

— Она возвращается, — прозвучал в тишине шепот Бойко. — Она уже близко... Пора!

Со свистом рассекла воздух сабля, и голова змеи отлетела в сторону, в породившую ее тьму, а обезглавленное тело забилося на крышке гроба и вдруг обмякло в руках Бойко.

Вот Бойко поднял змеиное тело над гробом, и капли крови застучали по лакированному дереву аккомпанементом к великому заклинанию возвращения из мертвых.

Голос Бойко звучал все громче, нарастал подобно грому несущейся колесницы. Оболенский зажал уши руками, чтобы не слышать этот рев, лишающий его разума, а Бойко вдруг упал на колени и громко выкрикнул имя Надежды.

Откуда-то взметнулся вихрь ветра, и клочья голубого тумана вновь начали стелиться по полу.

— Надежда!

Лицо Бойко светилось в темноте, словно пропитанное фосфором. Он выкрикнул в третий раз:

— Надежда!

А потом поднялся с колен, подошел к гробу и откинул тяжелую крышку в сторону.

* * *

— Черт побери! — ахнул Матвей. — Глазам своим не верю... Это же Надя. Живая! А лицо, лицо!.. Никаких ожогов! Аня, ущипни меня. Я сплю?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Девушка стояла в меловом круге — бесстрастная и неподвижная, как греческая статуя. Оболенский, пошатываясь, протянул к ней руки, что-то зашептал, восторженное и жалобное, шагнул к ней, но Бойко преградил ему путь.

Аня с Матвеем неслышно скользнули вдоль стены в дальний угол подвала, где свечи уже растаяли и темнота была густой, как в безлунную ночь. Аня сняла чехол с фотоаппарата и лихорадочно защелкала затвором. А Матвей стоял рядом и в полной растерянности пожимал плечами.

— Ничего не понимаю... — бормотал он. — Этого просто не может быть! Надя умерла, я это знаю определенно. Но она жива. Бойко ее оживил. Нет, этого просто не может быть, потому что не может быть никогда. И тем не менее факт на лицо. Вот и верь после этого материалистам...

— Тихо ты! — зашипела на него Аня. — Заладил: может быть, не может быть...

Матвея было не остановить. Он был потрясен увиденным.

— Рушатся основы! — продолжал бормотать он. — Земля больше не круглая, а плоская. Она не вращается в пространстве, а незыблемо покоится на трех китах. Научно-техническая революция — вздор, компьютеры основаны на принципах черной магии, а Бойко — великий волшебник, современный Мерлин... Я бы никому не советовал с ним связываться.

— Интересно, о чем этот современный Мерлин спорит с Оболенским? Ничего не слышно! Зря толь-

ко диктофон взяла! На таком расстоянии он ничего не запишет... Еще снимочек... На память.

— Тут и слышать нечего — все ясно. Оболенский рвется к своей вновь обретенной возлюбленной, а Бойко его не пускает. И правильно делает. Только что произошло «мистериум магнум» — возрождение женщины через страдания и смерть. Но, чтобы возрожденное существо вошло в жизнь, вплелось, так сказать, в ткань мироздания, нужно время. К жизни тоже нужно привыкать. Я где-то об этом читал... Прежде всего Надю нужно закопать в кучу лошадиного навоза...

— Чушь какая-то!.. Ты что несешь?!

— Женщина вернулась из потустороннего мира! Она должна пройти инкубационный период. Кажется, Парацельс писал, что воскрешенных существ необходимо три дня держать при температуре лошадиной утробы. А куча свежего навоза, конского, еще теплого, как раз и обеспечивает необходимый режим.

— Замолчи! Меня сейчас вытошнит.

— Везет Оболенскому... — Похоже, Матвей пришел в себя и стал воспринимать действительность с присущим ему юмором. — Теперь Надя будет поверять ему загробные секреты, пророчить биржевые сводки, по вечерам услаждать ангельским пением и находить потерянные вещи... Кстати, я вчера потерял зажигалку. Может, Надя подскажет, куда она подевалась?..

— Смотри! Оболенский и Бойко пошли наверх. А девушку так и оставили стоять... Эх, объектив не тот, увеличение слабое.

— ...не то чтобы эта зажигалка была очень ценной. Но мне она дорога как память. Помню, когда я превратил в кучу металлолома свой первый компьютер, то при помощи этой зажигалки...

— Потом расскажешь. — Аня зачехлила фотоаппарат. — Пошли. Поговорим с девушкой. Выясним, как там, на том свете.

— И спросим у нее, где моя зажигалка.

* * *

Алмазы лежали в черной бархатной коробочке — для каждого камня свое гнездо. Два ряда по шесть камней в каждом. Итого двенадцать алмазов — чуть больше трех миллионов долларов.

— В верхнем ряду — брахманы, — тихо, с торжественностью сказал Оболенский. — Высшее качество! Абсолютно бесцветные и прозрачные. По восемь граней — октаэдри.

— А в нижнем ряду камни имеют желтоватый оттенок, — заметил Бойко. Он тоже говорил тихо, со скрытым напряжением. Никогда еще в его руках не оказывались такие сокровища.

— Сорт «вайшья». По шесть граней. Мы в расчете?

Бойко молчал, зачарованно глядя на алмазы. Перед его глазами плыл радужный туман. Алмазы — камни, дарующие добродетель, мужество и победу. Считается, что алмаз боится дьявола и что он изгоняет грехи. И еще — алмаз никогда не приносит пользу тому, кто сам его купил. Но ведь Бойко не купил его, а получил в подарок.

— Мы в расчете? — напомнил о себе Оболенский.

— Да, да... Конечно. — Бойко закрыл коробочку и спрятал ее в карман. — Мы в расчете.

— Знаете, в руках преступника или обманщика алмазы действуют против него... — как бы между прочим заметил Вадим Владимирович.

— О чем это вы? Вы мне угрожаете?! После всего того, что я для вас сделал?!

— Нет, нет... Что вы?..

— Вы же присутствовали на обряде! Вы видели Надю своими глазами! Это она? Или я загримировал под нее какую-нибудь куклу?!

— Это она, — отступил Оболенский. — Без всякого сомнения — она.

— Так в чем же дело? Идите к ней. Прижмите ее к груди. Теперь уже можно: она вошла в жизнь. Но нужно полчаса для полной адаптации. Через полчаса вы убедитесь, что никакого подвоха нет! А когда убедитесь, я оставлю вас наедине. Нужно же мне положить алмазы в надежное место...

— Я могу вас подвезти. Не ехать же вам на катафалке!

— Вы должны быть рядом с Надей. До захода солнца ей нельзя покидать зал церемонии. Но если вы разрешите воспользоваться своей машиной... Вечером я приеду.

— Да, конечно. Вот ключи.

— Спасибо... Не хотите ли чашечку кофе?

— Признаться, да. После всех этих волнений... Но Надя ждет меня.

— Не спешите. Она должна немного побыть одна, привыкнуть. Иначе неизбежен психологический шок. Дадим ей полчаса.

— Хорошо.

Бойко открыл бар, включил кофеварку.

— Пока готовится кофе, может, рюмку коньяку?

— Да, пожалуй.

— Если вас не затруднит, налейте нам. Бутылка и рюмки на столе.

Бойко достал две кофейные чашки и ампулу «Зе-

леного эликсира». Когда Вадим Владимирович начал разливать коньяк, Бойко раздавил ампулу над одной из чашек.

* * *

Бывают в жизни затмения, когда вдруг встречаешь на улице старого знакомого, хлопаешь его по плечу, по-свойски интересуешься делами и вдруг понимаешь, что обознался, что тебя ввела в заблуждение походка или фигура, а на самом деле перед тобой совсем другой человек, не имеющий с твоим знакомым ничего общего. И тогда тебе стыдно, ты извиняешься, ты лепечешь оправдания, ты смущен.

Точно так же была смущена Аня, когда подошла к воскрешенной девушке и заглянула ей в глаза. Та же фигура, те же волосы и ямочка на щеке... Но глаза, и манера держаться, и обаяние женственности, которое распространялось вокруг Нади, — не те!.. Это была не Надя. Определенно, это была другая девушка — похожая, просто копия, но другая, другая! Чутье фотографа не могло подвести.

— Кто вы? — спросила Аня.

— А вы кто? — вопросом на вопрос ответила девушка. Голос низкий, с вызовом, совсем не Надин тембр. — И что вы здесь делаете?

— Мы, собственно... — замялась Аня.

— Мы ищем мою зажигалку, — ляпнул Матвей. — Вы ее не находили?

— Нет, не находила. Это все?

— Мы ищем Ольгу, — сказала Аня.

Девушка удивленно изогнула бровь.

— А зачем она вам?

— Мы хотели с ней поговорить... Это подруга Нади. Близкая подруга.

— Я ее не знаю, — отрезала девушка. — Уходите.

Ложь — совсем не простое дело. Умение выдавать ложь за правду — тонкое искусство, доступное далеко не каждому. Искусство обмана сродни искусству актера. Это картина, слово, образ, в которые верит сам творец и в которые он заставляет поверить других.

Для того чтобы ложь выглядела чистой правдой, нужен талант. Человек может божиться, пустить слезу, призывать в свидетели небеса, бить себя в грудь, есть землю. Он может смотреть честными, простодушными глазами, не отводить взгляд, наивно хлопать ресницами. В конце концов иногда человек может сам искренне поверить в свою ложь. Но если он дилетант, если он не поднаторел в практике, если у него нет таланта, то все его актерские усилия напрасны. В глубине его глаз, на самом дне, обязательно мелькнет смутная тень обмана — маленькая искорка в темном коридоре. И тогда актер пропал — его засвищут, закидают гнилыми помидорами. И никто ему не поверит. А у девушки не было таланта. Анна ей не поверила — ни единому слову.

— Ведь это вы!.. — догадалась Аня. — Ведь вы и есть Ольга!

Девушка отвернулась.

— Уходите, — устало сказала она.

— Вот так цирк! — Аня удивленно посмотрела на Матвея. — Целое представление. Я сама чуть было не поверила в черную магию. А это был всего лишь ловкий фокус! Ай да Бойко!.. Ты понимаешь, Матвей? Это всего лишь подмена, спектакль, сцена!

— Я понимаю, что зажигалку мне не отыскать, — буркнул Матвей. — А еще я понимаю, что ничего не понимаю. К чему все это: гроб, свечи, мнимое воскрешение?..

— Здесь чувствуется лапа Профессора! — воскликнула Аня.

— Ого! Ты уже заговорила штампами! Сейчас ты предложишь брать на понт и шить дело.

— Вместо того чтобы иронизировать, лучше бы помог!

— Как? Я готов. Кого хватать, куда волочь, кому раскрывать глаза? Оболенскому? Но он и без нас раскусит подмену! Он не идиот. И тогда примется за Бойко. Бедному Владимиру Семеновичу придется не сладко! Уж Оболенского-то я знаю!.. А здорово было придумано: сеанс черной магии и ее разоблачение! Причем разоблачение не потребует слишком много времени.

— А если у Оболенского не будет этого времени?

Голос раздался сзади, со стороны двери. Аня оглянулась. Из темноты, постукивая своей неизменной тросточкой, появился Сергей Сергеевич Кудин. Профессор.

— Это он! — закричала Аня. — Он все это устроил. Это же очевидно!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

— ...И в этом вы тоже ошибаетесь, — хладнокровно возразил Профессор. — Факты вы преподносите верно, но трактовка, извините, притянута за уши.

— А часы? — не унималась Аня. — Надя сообщила, что перед тем, как ей плеснули в лицо кислоту, она видела мужскую руку с часами «Картье» на запястье. Это раз. Второе. Когда мы были у вас с визитом, вы загипнотизировали Матвея при помощи часов. Не назовете ли марку?

— «Картье», — согласился Сергей Сергеевич. — Вот они. — Он достал из кармана платиновые часы, подбросил их на руке. — Ну и что?

— Как это что?! Часы ваши?

— Мои.

— Вот видите!

— Их мне подарил Владимир Семенович Бойко в знак благодарности и уважения. Оля! — Профессор протянул часы девушке. — Узнаете?

Оля повертела часы в руках, вернула их Кудину.

— Да, — кивнула она. — Это часы Бойко. Я их видела у него на руке. А сегодня он был без часов. Это точно. Когда он помогал мне выбраться из этого... гроба, я это заметила. Еще удивилась. Обычно он с ними не расставался.

Профессор повернулся к Ане.

— Еще какие-нибудь вопросы?

— Бойко мог подарить вам часы перед историей в казино.

— В этот день я был здесь. Меня видели десятки людей. Еще вопросы?

Аня угрюмо молчала.

— Вижу, вы остались при своем мнении, — улыбнулся Сергей Сергеевич. — Повсюду видите преступников, а сами... Я ведь наблюдал, как вы с вашим другом лезли через окно. Вот пришел выяснить причины столь странного поведения... И предупредить.

— О чем?

— Я давно заметил, что Владимир Семенович затеял какую-то аферу, — туманно ответил Кудин. — Эта повышенная возбудимость, странные фразы, необъяснимые поступки... Я наблюдал за ним, делал выводы. Да, да... Наблюдал. А тут еще история с Надей, подозрительная возня с Оболенским... Те же часы! Это же улика, от которой Владимир Семенович решил избавиться. Или вы думаете, что для него дорогие подарки соседям — обычное дело?!

— О чем вы хотели предупредить? — напомнила Аня.

— В конце концов мне стал ясен общий замысел, и сегодня я убедился в правильности своих выводов. Да-с. С прискорбием должен признать, что мой добрейший сосед Владимир Семенович — жулик и пройдоха, извините за выражения. Более того, он потенциальный убийца!

— Что? — удивилась Ольга.

— Да, милое создание! Ваш босс уготовил вам незавидную участь. По его замыслу вы не должны пережить этот день. Как, впрочем, и Оболенский Вадим Владимирович. Дом заминирован и в любую минуту может взлететь на воздух. Вместе с вами. То есть вместе с нами. Если мы, конечно, быстро не покинем это странное помещение. Вот об этом я и хотел вас предупредить. Заметьте, рискуя собственной жизнью.

— Откуда вы знаете, что дом заминирован?

— Я знаю наверняка, и этого достаточно. Мы теряем время.

— И все-таки? — недоверчиво спросила Аня.

— Хорошо, — вздохнул Кудин. — У меня есть собака. Хорошая собака, обученная всем полагающимся собакам штукам. Помимо всего прочего, инструкторы обучили ее искать и находить наркотики и взрывчатые вещества. В наше беспокойное время это не лишнее, уверяю вас.

— Я поняла, поняла! У вас хорошо выдрессированная собака. И что?

— Три дня назад Владимир Семенович затеял возню с переоборудованием этого гаража в пещеру чародея. Собака моя исключительно любопытна, а заборы для нее — чистая формальность. Вот она и наведальась во двор Бойко, начала вертеться у гаража, а потом вдруг села и задрала морду вверх. Я из окошка наблюдал за ней, и сразу все понял.

— Что?

— Что гараж начинен либо наркотиками, либо взрывчаткой, — пояснил Профессор. — Эта поза — сидя с задранной мордой — сигнализирует о том, что собака что-то учуяла. Но наркотиками мой сосед не увлекался. Значит, он готовил террористический акт или же намеревался взорвать собственное жилище и свалить всю вину на чеченских боевиков. Я думал, что он затеял это для страховки, но ошибся. Замысел Бойко шел гораздо дальше.

— Не верю, — фыркнула Анна. — Ни единому слову. Вы лжете.

— А если нет? — прищурился Профессор. Кажется, он начинал терять присущее ему спокойствие. — Я предлагаю всем покинуть этот склеп, пока не вернулся хозяин. Если дом взлетит на воздух, вы оставите свои нелепые подозрения на мой

счет и мы дружно отведем Бойко в ближайшее отделение милиции.

— А если дом не взлетит?

— Тогда я съем собственную трость! — вышел из себя Кудин. — Вы идете или нет?

— А не лучше ли подняться в кабинет и взять Бойко за грудки? — предложил Матвей.

— А доказательства? Вы будете трясти его за грудки, а он рассмеется вам в лицо и скажет, что слыхом не слыхивал и видом ничего не видывал. А вот взорванный дом и показания Ольги — это факт, убийственный факт. И так?

— Идем, — сказал Матвей. — Не спорь, Анна! Вдруг Профессор прав и дом сейчас взорвется?! Помнишь шоссе? Думаю, здесь будет похлеще.

— Похвально, молодой человек! Ценю в людях здравый смысл. Анна?

Аня нехотя направилась к двери.

* * *

Первым не выдержал Матвей.

— Надоело! — сказал он. — Торчим здесь, как рябчики... Аня права. Что-то вы крутите, Сергей Сергеевич! Вот сейчас пойду и притащу сюда Бойко — устроим вам очную ставку. Что вы на это скажете?

— Идите, — пожал плечами Профессор. — Но помните, я вас предупреждал.

Аня хмыкнула, и Сергей Сергеевич тут же обернулся к ней.

— Вы зря столь агрессивно настроены против меня, голубушка, — сказал он. — Я такая же невинная жертва обстоятельств, как и Оболенский.

— Мы забыли его предупредить, — ахнула Ольга.

— Если мои предположения верны, то он наверняка уже мертв.

Аня снова хмыкнула.

— Да, да, недоверчивая моя! В том, что произошло с Оболенским и что произошло с Надей, нет моей вины. Хотите знать истинную подоплеку Надиного решения?

— А вы ее знаете?

— Догадываюсь. В конце концов, я психолог, а поступки людей порой бывают так очевидны.

— И какова же истинная подоплека?

— Бойко возил ее в клинику доктора Сомова. Там ей обещали сделать маску, несколько масок, очень дорогих. Бойко не скупился, что для него необычно.

— Он сделал это по моему требованию, — подала голос Ольга. — Мы с ним заключили договор. Он вернет Наде лицо, а я за это сыграю вместо нее в этом дурацком спектакле.

— Так я и думал, — кивнул Профессор. — Но торгаш остается торгашом... Он не способен на альтруизм. Вот и Бойко... Он предложил Наде свой договор: маски взамен пожизненного рабства. И Надя покончила с собой.

— Что? — прошептала одними губами Ольга. — Надя мертва?

— Да, — кивнул Кудин. — Неужели вы этого не знали?

— Надя мертва...

— Хм... Приношу вам свои соболезнования... Я думал, вы в курсе. Ай да Бойко!.. — Профессор обернулся к Ане. — Неужели и теперь, уважаемая моя Анна, вы не видите всю логическую цепь поступков Бойко? Вы же сами мне все рассказывали! Про Родину, которая собиралась разорвать контракт

с Бойко, но не успела. Принцип кнута: накажи одного, чтобы другие боялись. Надя тоже собиралась уйти из-под контроля Бойко, и тот наказал ее тем же способом. Он расправлялся с непокорными руками Ивана Моховчука. Но с Надей Бойко разделался по-другому. Не душил, не резал, не стрелял — просто украл у нее будущее, и девушка не выдержала, вскрыла себе вены.

— Боже мой!..

— Что с вами, Оля?

Глаза Оли стали сухими, рот сжался в ниточку.

— Извините, — сказала она. — Мне нужно побеседовать с Бойко. Не ходите за мной. И... Прощайте.

Она выскочила из зарослей акации и пошла к дому Бойко — сначала медленно, будто каждый шаг ей давался с трудом, а потом все быстрее, перешла на бег, помчалась со всей скоростью, распахнула калитку...

В этот момент Бойко выходил из дома с дипломатом в руке. Он очень торопился, но, увидев бегущую к нему Олю, сразу все понял. Она знает, она хочет отомстить. А на что способна Оля, Бойко прекрасно знал. Поэтому он юркнул обратно в дом, надеясь спастись от возмездия, выскочив через другой выход.

Оля с размаху ударилась о запертую дверь, но потом отступила на шаг и начала ударами ноги выламывать замок. Дверь стонала, тряслась и наконец распахнулась настежь. Ольга скользнула внутрь.

— Я ей помогу, — сорвался с места Матвей. — Я сейчас! Аня, не суйся! Профессор, держите ее, не отпускайте!

Он помчался со всех ног и был уже почти около ворот, когда внутри дома, в запертом подвале-склепе

раздался взрыв. Ударная волна отбросила Матвея назад, на мостовую. Он рухнул на спину, перекатился, с трудом поднялся на ноги и замер, глядя на отблески пламени, скачущие за темными окнами.

А затем окна хрустальной пеной вылетели наружу, и из пустых проемов выплеснулось пламя. Вспыхнули занавески и деревянные рамы. Было видно, как взметнувшееся пламя коснулось потолка, сминаемая в гармошку декоративные квадратные панели, и на их белоснежной поверхности разрастались дыры с черными пузырящимися краями. Вот обнажились и стали оседать балки перекрытия... Потолок первого этажа со стоном рухнул, и из окон вылетела вторая волна: горящие щепки, обломки мебели, расплавленные брызги пластика...

Пылающая масса обломков, выбитая взрывной волной, обрушилась на катафалк и «Мерседес» Оболенского. Огонь быстро добрался до бензобаков, и машины взлетели на воздух. Матвей бросился прочь, скидывая на бегу горящую куртку.

* * *

— «Жучков» жаль, — улыбаясь, сказал Профессор. — Но это к лучшему. Никаких следов прослушивания.

— Так, значит, я не ошиблась?! — отшатнулась Аня. — Это вы? Вы все спланировали, это ваших рук дело! А Бойко, Моховчук, Оля, Надя — только пешки в вашей игре с Оболенским?!

— Да, — кивнул Кудин. — Это я. Бойко оказался таким податливым объектом. Сущее дитя. Опять же везение. Мне потрясающе везло. И информация. Я был в курсе всех замыслов Владимира Се-

меновича, направлял его, а он об этом даже не догадывался.

— Почему вы мне это говорите?

— Мне хочется, чтобы кто-то мог оценить по достоинству широту замысла и технику исполнения. Я выбрал вас. Вы умны.

— Но ведь я могу все рассказать старшему лейтенанту Агееву! Только что вы фактически признались мне в преступлении!

— В каком преступлении? — деланно удивился Профессор. — К Светлане Родиной я не имею никакого отношения. Это проделки Бойко. Я просто вселил в него некоторые идеи.

— Идеи кнута и пряника?

— Идею власти и силы, — поправил ее Кудин. — На людей с комплексами она действует с потрясающей силой. И Надю я не убивал. Даже близко к ней не подходил. Вы сами это знаете! Но использование маски — это моя идея. Бойко своей жадностью и властолюбием довел девушку до ручки. При чем здесь я?

— Паук! — выкрикнула Аня. — Паук, плетущий сети! Вот вы кто.

— Не забываетесь, моя дорогая. В конце концов, я спас вам жизнь. Вы могли погибнуть в пламени взрыва.

— А этот взрыв... Ведь это вы его устроили! — догадалась Аня.

— Я, — кивнул Профессор. — Но все подумают, что чеченцы. Или злобный конкурент Бойко. Или его собственная безалаберность при хранении взрывчатых веществ. Смотрите, какая красота!

Веселые язычки пламени уже плясали на крыше дома. Электропровода, тянущиеся от столба к боковой стене здания, налились багрянцем и загудели, словно рассерженный пчелиный рой. Вот они раска-

ленными молниями упали на землю, и по бетонным дорожкам заплясали искры электрических разрядов. Где-то далеко послышался вой сирен пожарных машин.

* * *

— Надя, Оля, Оболенский, Бойко... Зачем вам их смерть? Неужели все ради забавы? Какой во всем смысл?

— Пусть это останется для вас тайной. Но могу вас успокоить: я не сумасшедший. Смысл есть, и этого для вас пока достаточно. Вы свободны. Прощайте.

Аня выключила диктофон и вытащила руку из кармана.

— До свидания, — сказала она.

Не оборачиваясь, Аня вышла на мостовую, где призывно махал ей рукой Матвей. Она все пыталась вспомнить номер старшего лейтенанта Агеева, но вспомнить никак не могла.

Наверно, Матвей помнит, решила Аня. Ведь у него потрясающая память. Пусть Агеев прослушает запись и устроит за Профессором наблюдение. Может, следствие сумеет выяснить мотив, ради которого Кудин устроил весь этот кошмар. И когда мотив будет известен, Профессор не отвертится. И она с удовольствием выступит на суде свидетельницей.

А Сергей Сергеевич зачарованно смотрел на пламя. Через час-другой огонь погаснет. Уедут пожарники, разойдутся любопытные... И он останется на пепелище один. Бойко не мог убежать далеко. Он остался где-то в прихожей, вместе с Оль-

гой. И алмазами. А алмазы, как известно, не горят.

Будущее представлялось Профессору ясным и безоблачным. Будущее ему улыбалось.

* * *

Пожарные быстро погасили пламя, и их машины, не мешкая, уехали. Они нужны были уже в другом месте.

У развалин осталась группа по обследованию пожарища. Их было четверо. Они начали осмотр окружающей местности и, конечно же, не обратили внимания на одинокого мужчину с тростью. Кудин знал свое дело. Он бесстрашно шагнул в самый центр пожарища и через несколько минут, сжимая в руках небольшую, чуть обгоревшую бархатную коробочку, направился прочь. Он шагал быстро и даже не опирался на трость, держа ее на весу вместе с коробкой.

Но стоило Профессору пройти метров тридцать и со счастливой улыбкой повернуть к калитке во двор своего дома, как наперерез ему шагнули трое в пятнистом.

— Не торопитесь, профессор Кудин, — послышался голос старшего лейтенанта Агеева. Развернув перед Сергеем Сергеевичем служебное удостоверение, он произнес: — Так вы тоже считаете, что алмазы в огне не горят?

Агеев широким жестом пригласил профессора к подъехавшему «Москвичу».

— Прошу вас, милейший Сергей Сергеевич в наш милицкий «Мерседес». Продолжим беседу в другом месте.

Литературно-художественное издание

ЧЕРГИНЕЦ Николай Иванович

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

Ответственная за выпуск *В. Н. Волкова*

Подписано в печать 10.02.2014.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 1500 экз. Заказ 401.

ООО «Харвест».

Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.

Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

ISBN 978-985-18-2852-0

9 789851 828520

Девчонка была еще жива. Она лежала на золотых сиренах и выглядела смешно и жалко — голая, изломанная, как кукла, в нелепой позе. Лица у нее больше не было — кровавая маска. Остались только глаза, и в них застыло удивление. И злость. Кровь залила ей всю грудь и продолжала литься из рассеченной брови. Она хрипло дышала и все старалась поймать взглядом глаза Моховчука. А распухший рот по-прежнему был открыт в безмолвном крике.

— Сама напросилась, — буркнул Моховчук.

Николай Иванович Чергинец

генерал-лейтенант внутренней службы, писатель, член Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь 1, 2 и 3 созывов. Кандидат юридических наук. С 1981 года по 1984 год — начальник Управления уголовного розыска МВД БССР. С 1984 года по 1987 год служил в Афганистане. С 1987 по 1993 год — начальник управления внутренних дел на транспорте МВД Беларуси. С 1997 года по 2008 год — член Президиума Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. Председатель Союза писателей Беларуси.